

ДрЪ ТИГОНИРЪ ТОВТЪ :

K86
T50

Рідкісне
видання.

« ЧИСТА »
МОЛОДЕЖЬ

МАРТОНІ. 1924.

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК СРОКОВ
ВОЗВРАТА

Книга должна быть возвращена
не позже указанного здесь срока

Количество предыдущих выдач _____

Арт. КГ-087-02-856. Цена за 1000 шт.— 30 коп.

24.02.87. К. в. № 1. З. 3126—6 млн.

К86
Т56

ЕК
1942

ДРЪ ТИГОМИРЪ ТОВТЬ
ПРОФЕССОРЪ БУДАПЕШТЯНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ЧИСТА МОЛОДЕЖЬ

820130

ПЕРЕКЛАВЪ:
О. ЕМИЛИЯНЪ БОКШАЙ
ГИМН. ПРОФ. РЕЛИГЪ

Зъ вступнымъ словомъ:

ЕГО ЕКСЦЕЛЛЕНЦИ
АЛЕКСАНДРА СТОЙКИ
ЕПИСКОПА МУКАЧЕВСКОГО

пер. 2009.

ВЫДАЕ:
МАРИЙСКА КОНГРЕГАЦИЯ ПРИ МУЖ. УЧИТ. СЕМИНАРИ
УНГВАРЬ, 1942.

Ч. 1101/42.

Съ доволеніемъ и благословеніемъ Правительства
Епархіи Мукачевской.

Въ Ужгородѣ, 1. марта 1942.

† Александръ, в. р.
епископъ.

ЗАКАРПАТСЬКА ОБЛАСНА
УНІВЕРСАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА М. УЖГОРОД
ПР СВОБОДИ. 16. 88018

Вступное слово

Его Експ. Александра Стойки, епископа мукачевского.

ДО ТЕБЕ, ДОРОГА МОЯ РУСЬКА МОЛОДЕЖЕ!

Бл. п. епископъ веспримскій Тигомиръ Товтъ, безсмертнй прятель молодежи, въ предисловіи своей книги, написаной для молодежи о „Чистой Молодежи“ сякъ пише про Тебе, милый и добрый мой молодой прятелю: „*Душа одинокаждого хлопця есть неизмъримо богатою діамантовою копальнею, будучою обцьянкою, крыючою въ собѣ неперегляднй розвитокъ, къ цѣлесоотвѣтному розвитку котрой намъ, возрослымъ приспѣвати есть не лишь святою повинностью, але и великою почестью*“.

По сихъ его мудрыхъ словахъ и не чудуемеса тому, что таку книгу написавъ Вамъ, дорогъ моѣ, котру перевели на многъ европейскѣ языки, чтобы стала повинною лектурою, правдивою проводною звѣздою и общимъ скорбомъ молодежи. И ся, свою актуальность николи не утрачаюча книга нынѣ, въ часахъ страшезной свѣтвой войны, можно сказати каждой години большу цѣну мае такъ передъ Богомъ якъ и передъ людьми. Бо ся книга не есть нишимъ, якъ здѣйсгненьемъ въ каждомъ хлопцю того, что св. Евангелистъ о Божественномъ Юноши сякъ казавъ: *Иисуса приспѣванн премодрестію и возрастомъ, и благодатію съ Бога и человекъ (Лук. 2, 52)*.

Значачть собѣ, дорогъ сыны моѣ, что у всѣхъ народовъ, переживаючихъ революційну, военну або и мирну перемѣну общественну то видиме, что всегда кладуть велику вагу на *обцьянку будучности, на молодежь*. Причиною сего, что *чія молоде, тою будучность*. *Cavete ergo — res vestra agitur!*

Знаючи все то, предприняли одушевленья Вашѣ прятель обозначити сыновъ руського народа на его родномъ языкѣ съ неизмъримыми скорбами „Чистой Молодежи“.

Шекспиръ актору одной своей славной пьесы съ слова дае въ уста : „Любивъ бы я, еслибы не было людского вѣка межи десятымъ и двадцатьтритимъ рокомъ, або еслибы молодъ се время переспала. Бо въ семь станъ не есть ничего утѣшающаго“. На разумное пережитя и выкорыстания сего, для молодежи такъ небезпечнаго часу, учить Васъ книга епископа Тигомира Товта. Зато написавъ сю книгу для Васъ, бо любивъ свою Церковь, отчину, народъ и Васъ — молодъ. Думаю, что симъ однимъ реченьемъ можно бы найкоротше выразити цѣль его книги до Васъ : *„Будь паномъ своей волъ и слуга своей совѣсти“*.

Але най говорятъ до Васъ, дорогъ моѣ сыны въ сихъ дняхъ похорона старого свѣта и апостольскѣ слова другого равнаго друга молодежи, епископа Прогаски : *„Якъ будеме мати молодъ одушевляющася идеалами, чистыхъ нравовъ, працевиту, буде и новый свѣтъ“*. Сего чекае отъ Васъ кромѣ Церкви, отчины и народа такожь и вѣра, котра жадае для Васъ небеснаго царства, надбѣ, котра по темерѣшнемъ страшномъ пустошеню изъ корня розвине новое житя и до сего воспламеняе насъ любовь, котра радо жертвуетъ потъ, кровь, даже и житя, чтобы обезпечила Богу, отчинѣ и общественности чисту молодежь.

Авторъ зато написавъ, а мы приятель нашей дорогой молодежи зато перевели на нашъ красный руський языкъ сю и въ свѣтовыхъ отношинахъ цѣнну книгу, бо зъ извѣстнымъ Вселенскимъ Архiereемъ Львомъ XIII., великимъ приятелемъ молодежи и мы зъ новымъ убѣжденiemъ исповѣдуемъ, что : *„Cum de fingenda probe adolescentia agitur, nulla opera potest nec labor suscipi tantus, quin etiam suscipienda maiora (Enc. Sapientiae Christianae)*. Коротко : *въ дѣль Вашего воспитанія николи не можеме только здѣлати, чтобы не было треба еще больше зрѣбити.*

Берѣть, читайте и здѣйснѣть Вашимъ житиемъ мудрѣ порады и наставленія сей красной книши.

Цкаю вы — дорогъ сыны моѣ въ Христѣ — азъ написавый посланіе сіе въ Господѣ. (Рим. 16, 25).

Ужгородъ, дня 1-го марта 1942, въ 2. недѣлю св. вел. пошта.

Съ архіерейскимъ благословеніемъ:

† **АЛЕКСАНДЕРЬ** в. р.

епископъ мукачевский.

Два озера.

За моихъ студентскихъ лѣтъ часто робивъ я прогулки до одного горского озера. На чудовомъ кристальномъ зеркалѣ озера весело грали лучъ солнечного свѣтла. Чистенька вода его мило заблескотѣла, коли на рѣвнистомъ днѣ весело бавилися житель озера. Жвавѣ рыбки пробѣгали стрѣлою то сюды, то туды, ледвы стримуячися у великой радости въ ласкающемъ слевѣ сонця.

На березѣ покорно мрѣяли синеокѣ незабудки и туго сторожили своими мечеобразными листьями гордѣ ирисы. На свѣтлое зеркало воды зѣ повагою хилилися вербы и насолоджовалися прекраснымъ видомъ безхмарного неба, синѣючого въ гладкомъ зеркалѣ озера. Легенький, оживляющий вѣтеръ игравъ межигалузками вербы и занѣжнымъ его подувомъ зашелестѣли тросты. Горское озеро такое было, якъ здорова, усмѣхлива, блаженна душа, якъ широко розплученное, блискучое око невинной дѣтины...

Недавно — по довгихъ лѣтахъ зновѣ туды вела мене дорога.

Зѣ жахомъ оглядавъ я, что сталося зѣ моимъ любимъ озеромъ. Жаберина, жовтозеленое багно. Вода въ немъ каламутна и брудна. Что крыеса въ его внутрѣ, не видно отъ густо заросшихъ его рослинъ, але затроєный воздухъ, что оно изъ себе выдыхае, прозражуе, что у внутрѣ его розлягаеся гниль. Изъ багнистого дна чути дрѣмливое кваканя очи вытрѣщующихъ жабъ и коли ктось пройде попри озеро,

скарѣднѣ плазуны зѣ голоснымъ цмоканьемъ кидаются въ гниющий намуль глубокого багна.

Куды подѣлися тѣ гордѣ ирисы?

Куды та колебаючяся верба?

Куды щезло на водѣ играющее усмѣхливое синее небо?

Все пропало, все щезло... Берегъ заросъ ничтожнымъ тростникомъ, а тростина безхарактерно хитаеся сюды-туды подѣ налегшимъ подувомъ вѣтра. Скрозь гниль, пустота, гидота повсюду...

Мене потисло за сердце. Се было колись то чудовое, кристальное озеро моей молодости?

—

Очи каждого молодця такѣ краснѣ, якъ незабудька вѣчного царства, а душа, якъ прекрасное кристальное озеро.

Але — на жаль — якъ много такихъ озеръ перемѣняеся позднѣйше въ гнилое, мочаристое багно!

—

Чтобы твоя душа — молодой мой приятелю — осталася все чистою якъ кристалъ, написавъ я для тебе сю книжку. Бо остатися въ молодости чистымъ и такъ дозрѣти въ мужа — се найкрасшое художество житя!

I.

Планы Сотворителя.

„И сотвори Богъ чловѣка, по образъ Божію сотвори егѡ: мѡжа и жинѡ сотвори нѡхъ. И благословѡи нѡхъ Богъ, глагола: растѣтеса, и множитеса и напълнитъ зѣмяю.

(I. Мойс. 27—28)

Многѣ тысячѣ лѣтъ летѣла уже земля своею дорогою докола сонця. Въ еѣ внутрѣ котилася еще огненна лава; зѣ оглушующимъ сарчаньемъ попроломльовала еще тверду шкуру землѣ, але процесъ выстыганя поступавъ все и все впередъ. Всюды на земли уже зеленѣли густѣ лѣсы, весна розвивалася въ чарующомъ видѣ; лагодный вѣтрещъ весело разношовавъ щебетаня птиць на крылахъ своихъ. Всюды жита, сила, энергія...

Лишь одно хибило.

Не было того, кому спѣвавъ бы соловейко, не было, кому цвѣли бы цвѣты, деревьямъ не было кому родити солодкѣ оwochъ. Не было ества розумного и свѣдомого, котрое бы душою своею упоилося всеми сими красотами свѣта, котрое бы было не лишь складною частиною великого механизма природы, але свѣдомо бы перенялося спѣвомъ птиць, журкотаньемъ поточинѣ, запахомъ цвѣтовъ, шумомъ вѣтровъ, поважнымъ достоинствомъ высокихъ полонинъ, тыми насолоджовалося и полинуло бы душою, упоеною красою природы на крылахъ благодарности до Сотворителя всехъ видимыхъ и невидимыхъ ествъ.

Перша пара людей.

Тогды сотворивъ Богъ першу людску пару, мужа и жону. Мужъ и жона два полы; каждое изъ нихъ повное и самостояное ество, однакъ одно служить доповненемъ для другого. Господь Богъ въ двоихъ подахъ здѣйствивъ вповнѣ идею чоловіка. Оба полы мають своѣ окремиши свойства, але лишъ одинъ другого доповняючи дають повное понятіе „чоловіка“.

Характеристичное свойство мужчины творча діяльність, для котрой потребуеся отвага и охота до праці. Воля крѣпка, характеръ твердый, въ рѣшеню и въ постановѣ вытривалый. Радуется тому, если свое широкое гранитовое чоло може поставити въ опоръ тысячамъ бурямъ въ борьбахъ житевыхъ.

Жона не выдержала бы въ сей борьбѣ. Для неѣ найотповѣднѣйшее поле теплое родинное гнѣздо, она въ неизчерпаемою любовью и ширюю отдаанностью доглядае, плакае домовство свое, дѣтей и своею приязню розганяе чорнѣ хмары изъ зморщеного чола мужа своего, вергаючогося изъ тяжкой денной праці. Не пускаеся она въ творчу працю аь такимъ розмахомъ, якъ мужчина, але больша у неѣ вытривалость и терпеливость.

Тымъ, что Богъ сотворивъ два полы, здѣйствивъ найкрасшѣ идеѣ чоловічества; неизчерпаема принада родинного жита, любовь суруговъ, дѣтей и родичовъ, туга за отчиною и частиною и любовь къ отчинѣ, оснуються якъ разъ на розличности полове.

Отже треба и мужчины, и жоны. Треба силы мужчины и до неѣ нѣжности жоны; до кипячой енергії и рѣшучости мужа мае приступити нѣжна любовь женщины, еѣ красота и еѣ глубшѣ почуваня. Они суть отказанѣ одинъ на другого. Зато поставивъ Богъ при боцѣ першого мужа жону и зато заразы на початку людского жита — заложивъ родину.

Планы Сотворителя.

Однакъ сотворенемъ двоихъ полове мавъ Господь Богъ и дальшѣ, глубшѣ и святѣйшѣ планы. Богъ тымъ, что сотворивъ два полы, удѣливъ чоловікови и твор-

чу силу. Хотѣвъ, чтобы люде брали на себе частину его творчой дѣяльности и ту прорву, что дѣлае въ рядахъ людей смерть они самѣ заповняли плодженемъ все новыхъ и новыхъ потомковъ. Се было величнымъ и таемничимъ планомъ Сотворителя заоснованемъ супружества межи двома полами. И такъ по намѣренію Бога Сотворителя, коли мужъ и жона въ святой непорочности дозрѣють и вступаютъ въ станъ супружеский, стають орудіемъ Бога въ его дальней творчой дѣяльности.

Вѣра наша учить, что Адама и Еву самъ Богъ сотворивъ. А другихъ людей кто сотворивъ? Богъ ихъ не сотворивъ такъ непосредно, якъ першу пару людей! Та откуда пришли на свѣтъ? А я откуда взялся? И вообще якъ родятся дѣти?

Се поправдѣ дуже важный вопросъ. И страшно интересуе и беспокоюе скорше ци поздѣйше каждого хлопця. Волѣю се я вамъ пояснити, якъ чтобы вы довѣдалися про то у иншихъ.

Уважай дорогой сину! Ты навѣрно прекрасно знаешь, что ученѣ дѣлятъ всё сотвореня на двѣ великѣ группы: суть ества органичнѣ и неорганичнѣ. Ества въ першой группѣ (рослины, звѣрь, люде) Богъ не лишь сотворивъ, але и обдаривъ ихъ частиною своей властной творчой силы такъ, что съ ества способны дати житя новымъ, до нихъ подобнымъ ествамъ. Рослина плодитъ новѣ рослины, звѣрята родятъ новѣ малѣ звѣрята, а у людей такожь родятся маленькѣ дѣти.

Неорганичнымъ тѣламъ (снѣге, звѣзды, минералы, горы, море) Богъ не давъ сей творчой силы. Чому нѣтъ? Бо они не гинуть, не умирають, не пропадаютъ такъ легко, якъ живогнѣ и такъ не есть потребности, чтобы они на своѣ мѣста покликовали новѣ молодѣ ества. Але ци есть потреба сего у живыхъ ествъ? Рыба и птица, дерево и рослина, звѣрь и человекъ старѣють, гинуть, пропадаютъ изъ ряда на рокъ тысячами и миллионами. Еслибы се ишло такъ безъ перестанку и новѣ ества не доповняли бы ихъ ряды, житя скоро перестало бы на земли. Правда, Богъ могъ бы и такъ зарядити, что на мѣсто погибшихъ

ество онъ самъ непосредно творить бы новъ ества. Однако его свята и таемна воля выдумала и здѣйствила еще о много красное, больше величавое дѣло: онъ заосмотрѣвъ всѣ живучѣ ества силою и способностью передавати жита другимъ, и то такимъ таемнымъ способомъ, что наибольшѣ ученѣ свѣта и до нынѣ не могли его открыти.

Ци видѣвъ ты — сыну мой — бросты на деревьяхъ, котрѣ сплать твердымъ зимунимъ сномъ на галузкахъ деревъ? Кажда изъ нихъ есть гнѣдомъ, изъ которого развинеся новый цвѣтъ, новый овочъ и новое дерево. Они ждуть лишь поцѣлунку весняного сонця, чтобы зацвѣли, зазеленѣли; цвѣты же чекають лишь лагодного подува вѣтра або нащивы маевыхъ комаховъ и пчоль, чтобы або вѣтрикъ або пчолы на ногахъ своихъ принесли пылинку цвѣта мужеского пола и запылили стовпикъ цвѣта женского пола. Въ минутѣ, коли пылъ дотыкаеся стовпика цвѣта, оба цвѣты — такъ сказати — звучаются у взаимной любви. Заплодженный стовпикъ починае пучнявѣти, рости, зъ дня на день розвиваеся все больше, а на конци, по дасколькихъ тыждняхъ або мѣсяцяхъ упаде до нашихъ ногъ зрѣлый овочъ, а въ овочи новое насѣня изъ зародкомъ нового жита. Такъ дбае Сотворитель про то, чтобы природа сама себе обновляла безъ перестанку.

Источникъ людского жита.

Подобнымъ способомъ стараеся Богъ и о обновленю людского роду. Давъ онъ людямъ подобну таемну силу, можеме сказати божественну способность, помочью котрой люде способнѣ вытворити новое жита, нового чоловіка. Вложивъ въ мужа насѣня жита, въ жону же маленький зародокъ людины, чтобы изъ ихъ сполучена повстало новое живое ество, новый чоловікъ. Ся сила плодьяча, се насѣня житьевого въ мужи и сѣ зародки въ жонѣ дрѣмають черезъ довгѣ лѣта въ дѣтяхъ такъ несвѣдомо, якъ бросты на деревьяхъ въ зимунимъ морозѣ. Але прииде весна жита, хлопецъ дозрѣе въ мужчину, дѣвка стае вѣрлою

дѣчиною, засвѣтять животворящѣ лучѣ солнца, мужъ запалюется любовью до дѣвчины, возьме еѣ за жону и въ святыни суаружеского жита зливаются ихъ душѣ и ихъ тѣлеса. И ся тѣлесна злука мужа зъ жоню не только наповняе ихъ обохъ роскошью, але такъ дѣйствуе на зародокъ дотеперь дрѣмлючий въ жонѣ, якъ поцѣлунокъ казкового царя на сплячу царевну. Въ той минутѣ зародокъ людины пробуждается въ жита, мала людска завязь починае въ утробѣ матери пучнявѣти, рости, развиватися и черезъ девять мѣсяцевъ доволѣ укрѣпившися, якъ той зрѣлый овочъ отлучаеся отъ матерного плекающого дерева и тогда кажеме: народився на свѣтѣ новый чоловікъ. Та мала дѣтина не есть ани отецъ, ани мати въ маломъ, але цѣлкомъ самостояный новый чоловікъ, котрый свое тѣлесное жита доставъ отъ мужа и жоны, а у великой мѣрѣ также перебравъ отъ нихъ и ихъ душевнѣ способности. Зато може и не есть на свѣтѣ большой любви отъ любви родичовъ къ своимъ властнымъ дѣтямъ, котрѣ суть въ найтѣснѣйшомъ смыслѣ слова изъ ихъ крови и кости.

Мати и сынь.

Розумна мати зачала ромову зъ своимъ достоячимъ сыномъ о сихъ деликатныхъ рѣчахъ, котрѣ уже зачали безпокоити буйну фантазію хлопця. Волѣла она сама подати о сихъ рѣчахъ поясненя своему сыну, якъ чтобы онъ получилъ такого рода „просвѣщенія“ отъ своихъ товаришовъ. Коли наступила добра нагода, мати рѣшилася открыти дѣтинѣ своей истинну правду о томъ, якъ народиться дѣтина.

— Мамко солодка — звѣдае хлопецъ — який бувъ я, коли еще'мь не народився? — Коли ты еще не народився, бувъ ты такой мауццкій, якъ точка, якъ головка иглы. Можно было тебе увидѣти хйба черезъ убоольшающее скло.

— Боже мой, тогда — каже хлопецъ — могъ бы бувъ мене хоть кто розмѣсити.

— Правда се такъ — говорила мати. Спочатку каждое животное маленькое, якъ мауѣцкое зернятко, котрое треба добре сховати, якъ сховаеме насѣня въ землю, чтобы было охоронено, коли начинаея пучнявѣти и всходжовати. И видишь, милосердный Богъ заботився и о тобѣ, чтобы не постигла тебе якась бѣда. Туй въ моемъ тѣлѣ, подь моимъ сердцемъ здаваѣь тобѣ маленькое мѣсточко, тепленькое гнѣздо и мягкое, де ты мавъ охорону и могъ безопасно рости и розвиватися.

— А якъ могъ я тамъ дыхати? И ѣсти?

— То все я робила вмѣсто тебе. Въ тыхъ часахъ я больше стравы споживала, чтобы была снаѣйшою и могла и тебе кормити. Пожива перемѣнялася въ мнѣ въ кровь, та кровь сплывала до тебе и кормила тебе.

— А ты мамко знала, что я тамъ бываю въ томъ укритомъ мѣстѣ?

— Ци я се знала? О, сынку, еще якъ знала! Коли ты тамъ порушався, я говорила къ тобѣ: Добре рано, маленький мой! Уже'сь пробудився? И мамочка твоя не спитъ и думает на тебе. Рости дѣтинко моя и набирай силы, чтобы могла здорово выйти изъ моей утробы и я могла зъ великою радостью увидѣти тебе и притуляти до моего сердца.

Ты пулишь теперь на мене очи и чудуешся, якъ бы ты дотеперь про се еще николи не чувъ. А ты се и дотеперь знавъ, лишь не розумѣвъ. А мы каждый день бѣдно молимся и кажеме сѣ слова молитвы: „...и благословенъ плодъ чрева твоего, яко родила еси Христа Спаса...“ Видишь, якъ яблоко есть плодомъ яблоньки, такъ и мала дѣтина есть плодомъ своей матери. Но понеже мала дѣтина есть далеко цѣнѣйша якъ яблоко, зато хоче премудрый Богъ о ней лѣпше дбати. Зато она такъ довго скрываея въ томъ тепломъ и безопасномъ мѣстѣ подь сердцемъ матери.

— А якъ довго бывавъ я тамъ, мамко?

— И се маешъ знати, сыну мой. Коли маеме праздникъ Благовѣщенія, память той подѣѣ, коли ангель Гавриэль сказавъ Маріи, что народить сына, І. Хри-

ста? Ци такъ 25 го марта (7-го апрѣля)? А коли святкуемо народженіи Іисуса? Ци такъ 25 го децембра (7-го януаря)? Сколькo дней есть мени тыми двома терминани? Девять мѣсяцевъ. А огы Непорочно-го Зачатія Пр. Дѣам (8-го децембра) до сѣ рожде-ства (8 го септембра)? Такожь девять мѣсяцевъ. Такъ есть и у всѣхъ дѣтей. Ци такъ, знавь се ты и до-теперь, ало не розумѣвь, бо я не хотѣла тобѣ за се говорити, доки ты не вырось. Але и ты не говори про се зъ твоими товаришани, бо се есть дуже свя-тое и величавое дѣло.

За тыхъ девять мѣсяцевъ, коли я тебе носила въ моей утробѣ, я дуже много молилася, бо хотѣла, чтобы и ты бывъ побожкою и доброю дѣтиною. Старалася быти все веселою, чтобы и ты бывъ веселый. Такъ минувъ часъ, а ты рось и укрѣплявся зъ дня на день. И коли ты бывъ уже довольно смѣ-лымъ, одного дня отворилося укритоє мѣсто и ты выступивъ въ Божий свѣтъ — народився. Ахъ, якъ му-ки, якъ болѣ стояло се менѣ. Але я не дбала. И ты коли выйшовъ на свѣтъ Божий, голосно заплакавъ; а я вхопила тебе, притулила до сердца и цѣловала изъ радости и изъ очей моихъ выринувъ слезы ра-дости. Теперь уже знаешь, дѣтню моя, чому такъ люблю тебѣ?

— Такъ, мамко солодка, теперь уже знаю. И знаю и то, что я много на себѣ широкомъ свѣтѣ не люблю такъ, якъ тебе... И зъ слезани въ очахъ обнявъ свою милу родну матѣрь.

Якъ красно и розумно!

Застановѣмся мало надъ величавыми думками Бога-Сотворителя! Який чудовый и превосходный есть той планъ Сотворителя, что онъ не творить каждого человека окреме, якъ Адама и Еву, въ станѣ ихъ повного развитку! Еслимъ онъ сотворивъ каждого отдѣлно, у яку доспѣлошь, який чужий, пустой и холодный бывъ бы около насъ свѣтъ!

Не было бы фамиліѣ, бо безъ отца, матери

и дѣтей не есть родины. Не мали бы мы родичовъ, ани братовъ и сестеръ, даже и сродниковъ нѣтъ. Каждый живъ бы собѣ отдѣлно, самъ про себе самотно. Не было бы зъ кимъ подѣлитися радостями, не было бы кому разловѣси свои журы.

И не было бы тогда ани малыхъ дѣтей на свѣтѣ. И подумати страшно! Всюды встрѣчали бы мы только поважныхъ, дорослыхъ, вусатыхъ людей; не гомнѣла бы наша хижа сръбернозвонкими голосами и веселою забавою играющихъ дѣтей. Незнакомѣ были бы для насъ милѣ спомины дѣтячихъ лѣтъ зъ всѣми ихъ невинными, безжурными радостями.

Видишь, яка безмежна любовь Бога проявляеся въ томъ, что онъ выбравъ якъ разъ сей способъ размножованя людского роду. Онъ непосредно сотворивъ лишь першу пару людей, нашихъ прародителейъ, а симъ двоимъ и черезъ нихъ всѣмъ намъ передавъ частину своей творчей силы для дальшого размножованя людей на земли.

Отъ, яка чудесна, яка свята, яка превосходна идея Бога Сотворителя! Яка почеть и отличіе для чловѣка, что онъ стае активнымъ чинникомъ въ творчей дѣяльности Бога всемогучого. Але изъ другой стороны, який великий обовязокъ и який строгий приказъ, чтобъ тѣ органы тѣла, котрѣ суть назначенѣ его святою волею для размножованя и сталого обновленя людского роду, уживавъ чловѣкъ только по его святой воли для той одинокой цѣли и лишь въ тыхъ рамкахъ, что опредѣливъ онъ отъ початку, и то въ рамкахъ нерозлучимого супружеского союза мужа зъ жоною.

Зато, дорогой мой друже, думай на сѣ рѣчи все зъ наибольшою розважностью. Не роби жартъ изъ сихъ дѣлъ, не говори о нихъ безсоромно и такихъ бесѣдъ не слухай, не дотыкайся сего органа твоего т да безъ потребы и не зворушуй его. Бо выразною волею и святою постановою Сотворителя есть, чтобъ каждый одинокий чловѣкъ тѣло и душу свою зберѣгавъ въ непорочной чистотѣ ажъ до супружеской присяги, або — если ктось изъ идейныхъ цѣлей, прим. монахи и монахинѣ, откажеся отъ супружества, — ажъ до самой смерти.

Отже Богъ дозволяє сполуку обохъ половъ лишь въ законной формѣ нимъ дозволенной, въ формѣ досмертного и нероздѣлимого супружеского союза, и то только изъ той цѣли, чтобы народилися дѣти и не выгинувъ родъ людскій. Кто осмѣлился бы сю силу и способность тѣла своего ужити для выключной розкоши (самъ зъ собою або зъ другою особою) и успокоеня своей тѣлесной пристрасти, грубо нарушуе волю Сотворителя и тяжко грѣшитъ супротивъ себе, противъ цѣлой людской суспольности и супротивъ самого Бога-Сотворителя.

Але чому — могъ бы ктось звѣдати — дозволяє Богъ сю сполуку выключно только въ супружескомъ житю? Чому? Мы могли бы коротко отвѣтити: бо Богъ есть Сотворителемъ и Господемъ цѣлого свѣта и онъ не повиненъ мотивовати своѣ дѣла и розпоряженя. Богъ сотворивъ чоловіка, онъ має отже право и предписати ему, якъ має жити, чтобы не показився. Однакъ, если мы глубше застановимся надъ симъ вопросомъ, изъ своего властного розума найдеме дуже отповѣдну мотивацію. Значить, лишь въ супружескомъ житю можъ такъ провадити половое житя, чтобы оно не понизило чоловіка и не обезчестило его. Бо лишь туй служитъ оно благороднымъ цѣлямъ, стае жереломъ людского житя, плодженьемъ потомковъ, выхованя котрыхъ найлѣпше обезпечуе въ родинномъ житю, а не у вдоволеню плотскихъ роскошей и въ звѣрскомъ насолодженю. Въ конци концевъ ни держава, ни людска суспольность не могли бы удержатися, еслибы Богъ не обмежовавъ заспокоеня половой пристрасти границями супружеского житя.

Кто отже свою сполуку похоть заспокоене внѣ супружества або такъ, что дотыкаеся своего тѣла изъ той цѣли, чтобы розбудити въ собѣ роскошь неморальну, або тѣлесно сообщаеся зъ чужою женщиною безъ того, чтобы еѣ переже привязавъ до себе святою присягою передъ Божиимъ престоломъ на цѣлое житя, грѣшитъ противъ Бога, есть убийцею своей чести и блаженства своего и другихъ.

Споганеня Божого плана.

Ледвы есть Божий даръ, что неблагороднѣ люде не знеужили бы. Але зъ наибольшимъ смуткомъ констатуеме, что людство може ани одного изъ плановъ Бога не збавило его оригинального значенія въ такой мѣрѣ, якъ правѣ отношеня мужа къ жонѣ и оцѣненя тѣлесной невинности.

Планъ Бога относительно половой силы чоловіка стоить намъ ясно передъ очима: сполука мужа и жоны въ нерозлучимомъ супружествѣ для той цѣли, чтобы родъ людскій удержати черезъ новыхъ потомковъ. Сю тѣлесну сполуку обохъ половъ Господь Бог связавъ зъ великимъ насолодженьемъ и роскошою зато, чтобы люде не оттягалися отъ плодженя дѣтей и вдячно брали на себе жертвы, связанѣ зъ выхованьемъ дѣтей и удержаньемъ людского рода. Заплодненя житя всюды связано зъ великою радостью. Дивися, яка весела природа весною, якъ щибече птиця, якъ весело брынить пчола, якъ жваво булькоче поточина, якъ радуеса весь свѣтъ новому житю. Така радость и роскошь при повстаню людского житя...

Але туй выступають фальшивѣ пророки, котрѣ збавляють оригинального смысла Богомъ данну полову силу и безсоромно голосають, что чоловікъ, мужъ и жона, мають повное право на выживаня сей тѣлесной роскоши не только въ супружескомъ житю, але и внѣ того, даже въ нерозвинutomъ вѣку житя, и то хоть самъ зъ собою, хоть зъ чужою особою цѣлкомъ свободно, безъ огляду на то, что Богъ сю змыслову роскошь призначивъ для высшой, благороднѣйшой цѣли: удержаня людского роду въ рамкахъ супружеского житя. И проповѣдують сѣ пророки безстыдности свою безбожну науку въ театрахъ, въ кинематографахъ, въ книгахъ, часовисахъ и образами, споганивши симъ найкрасшѣ и найцѣннѣйшѣ для людеи Божѣ планы...

И сей спѣвъ сирень дойде и до твоихъ ушей..

Всюды будешъ встрѣчати зъ симъ лайдацкимъ тономъ безморальности, зъ симъ печальнымъ посмѣшкованьемъ надъ планами Сотворителя. На улици, ме-

жи товарищами, въ кинематографахъ, въ театрѣ на-
кидуюся тобѣ така грѣшна покуса, страшна потвора
тѣлесной розпусты. Попадутъ въ твоѣ руки книжки,
пересыкаѣ тою отровою, втягнуть тебе до театра, за-
мѣшаешся въ подобное товариство. Даже — въ
жалемъ сердца пишу съ рядки — неодного хлопця
уже въ ранной молодости, уже въ народной школѣ
научать вопсуть приятелѣ всякому грѣшному дѣлу, о
пробужденю котрыхъ хиба въ позднѣйшихъ рокахъ
тѣлесного розвитку могло бы быти слово. Потомъ при-
ступляѣ до тебе сквернодушнѣ приятелѣ, котрѣ бу-
дутъ тобѣ говорити о збудженю тѣлесныхъ роскошей,
о оплодженю и народженю дѣтины, приятелѣ, котрѣ
уже зараженѣ страшною пошестью добы нашей, за-
равою и клятвою, котра псуе найкрасшѣ планы Со-
творителя.

Свята тайна.

Та теперъ уже знаешъ — друже мой — что съ
твоѣ приятелѣ якъ жалюдостойнѣ люде. Бо еслибы
вѣдомо было имъ высокое назначеня и та благо-
родна цѣль, что назначивъ Богъ половому инстинкту,
не говорили бы такъ безсоромно и грубо о сихъ
дѣлахъ. Суди самъ, який то низький способъ думаня,
яка то злоба безсовѣстна, коли ктось низькѣ жарты
строить и регочеся изъ найсвятѣйшихъ и найвели-
чавѣйшихъ свойствъ людской природы, якимъ обда-
ровавъ насъ Богъ Сотворитель.

Теперъ уже знаешъ, яка велика задача чекае тебе
въ будущности. Знаешъ, что разъ — коли по плану
Божому и ты вступиши въ супружество — станешъ
творцемъ нового жия, взбудителемъ нового поко-
лѣня. Маешъ отчувати огромну отвѣчательность, что
положена на твоѣ плечи и жадае отъ тебе заховати
силы твоего тѣла до той святой минуты въ непороч-
ности и въ нерозтраченой цѣлости. Знаешъ, что
заспокоєваня твоихъ тѣлесныхъ похотей внѣ супру-
жеского жия означае только, якъ обезчестити твое
людское достоинство. Доля цѣлыхъ поколѣнь зави-
сать отъ того, ци ты въ ненарушенной свѣлости

Чита молодець

828130
220130

УНІВЕРСАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА М. УЖГОРОД
ВР. СВОБОДИ. 16. 88018

пивъ въ ряды работниковъ Бога або уже зъ оскверненными и ослабленными силами тѣла.

Не забудь, что ты твоимъ поведеніемъ въ молодыхъ рокахъ, твоею моральною чистотою, погамованіемъ твоихъ тѣлесныхъ пристрастей у великой мѣрѣ влываешь на розвитокъ того сѣмени житя, котрое въ твоемъ молодомъ тѣлѣ теперь лишь дозрѣвае и у великой мѣрѣ зависить отъ тебе, ци въ доросломъ твоемъ вѣку станешь проклятьемъ або благодатью долгому ряду грядучихъ поколѣній. Не забывай, мой друже, что огромное число дѣтей нервово слабыхъ, слѣпорожденныхъ, слабоумныхъ, калѣкъ, влочницевъ и дурныхъ произвели грѣхи молодости и разпутное житя ихъ родичевъ.

Зато ты посему не будешь зъ любопытностью говорить зъ товарищами твоими о сихъ дѣлахъ, бо что Божа премудрость закрыла передъ людьми, того людска любопытность най не смѣе розкрывати преденномъ свѣтлѣ. Тадъ завязана житя въ цѣлой природѣ закрыто святою тайною. Де новое житя починаеся, туды Богъ положивъ густу заслону. Гусельница закуклаеся, коли переменяеся въ мотыля, укрыто передъ очима всѣхъ. И кто видѣвъ, якъ кольчится въ глубинѣ черной земаѣ насѣня? Никто. И кто видѣвъ, якъ кристализуеся синий аметистъ и искристый рубинъ въ ненарушенной тишинѣ таемныхъ глубинъ огромныхъ скалъ? Никто. Початокъ житя, народженя — всюды тайна. Чоловѣкъ дарымо глядае початокъ житя; наибольшѣ ученѣ такъ чувствуютъ себе, якбы стояли на порозѣ закрытой святинѣ. Однимъ крокомъ дальше и — стоять передъ Богомъ. А сю величаву тайму здѣлають твоѣ легкодушнѣ товаришѣ предметомъ низькихъ жартовъ, сей инстинктъ, котрый покликанный на удержаня цѣлого рода людского, зроблять забавою легкодушною и говорить о немъ свянскимъ способомъ.

На жалъ и тебе не омкнуть тысячѣ принады свѣта. И твоя молодость есть выставлена тяжкой пробѣ мимо твоей найлѣпшой волѣ и твоего тверезого розума. Налетять и на тебе тысячѣ книжокъ и образовъ, театральныхъ и кинематографичныхъ представ-

лень, образковыхъ картокъ, гумористичныхъ листовъ, выкладовъ окна, оповѣданя и пр. и будутъ тебѣ шептати: „Не будь лицемѣромъ, не будь заосталымъ, не будь середневѣковымъ, не будь дѣтвакъ, не чекай до супружества, даже и въ супружествѣ не будь вѣрный; не откажися отъ роскошей жия, отъ тѣлесныхъ насолодженъ, черпай радости де и коли лишь можешъ“. Въ нынѣшнемъ переверненомъ свѣтѣ все лишь то будешъ чути: одинокою цѣлею жия есть роскошь и тѣлесное насолодженя...

А ты стояти будешъ въ семъ рынокомъ гаморѣ якъ запамороченый... И не будешъ знати до чого братися, куды прямовати... Дойдешъ до розпутя твоего жия. И маешъ рѣшати: *Куды ити?*

Куды менѣ ити?

II.

На розпутю.

*„Будь паномъ своей воли и
служю своей совѣсти“.* (М. Ебн.)

*„Обманюся той, кто думает,
что если въ своей молодости
указався слабымъ, позднѣйше
въ доросломъ вѣку стане твер-
дымъ характеромъ“.* (Бр. I. Етв.)

Геракль на розпутю.

Знаешь исторію Геракла, героя изъ греческой митологіи? Онъ бывъ идеаломъ мужеской силы и отваги. Онъ выконавъ прямо чудеснѣ дѣла: убивъ многоголо-ву лернейску потвору, усмиривъ кретского быка, побѣдивъ амазонки, вычистивъ Авгиевъ хлѣвъ, добывъ золотое яблоко Гесперидъ и пр.

Се сталося за его молодыхъ лѣтъ, коли онъ почавъ доростати въ юношу. Одного разу, коли сидѣвъ понуренный въ думкахъ, нагло появился передъ нимъ двѣ женскѣ постати. Одна изъ нихъ такъ промовила до него:

— Вижу Геракле, что ты роздумуешь, на котру дорогу житя маешь вступити. Если выберешь мене за свою приятельку, поведу тебе дорогою, выстеленною рожамъ. Встрѣчатися будешь зъ самыми приятными рѣчями и не будутъ стояти тобѣ на дорогѣ никакъ трудности. Не будешь мати иншой журы, только ѣсти, пити и чого лишъ заблагнуть твоѣ змыслы, будешь мати достаткомъ. Если пристанешь къ мнѣ, безъ труда и працѣ достанешь всякъ роскоши.

Геракль перерватьъ рѣчь еѣ:

— Жено, якъ твоѣ имя?

— Приятель моѣ называютъ мене „Щастьемъ“ отповѣла жона — неприятель же называютъ мене „Грѣх“-омъ.

Тогда приступила къ нему и друга жона.

— Я не хочу тебе обманути. Скажу тобѣ отверто, что боги не дають ничего превосходного и добраго безъ труда и працѣ. Если въ мною пойдешь, будешь много трудитися. Если хочешь, чтобы тебе прославляла цѣла Греція за твоѣ честоты, то старайся працювати для цѣлой Греціѣ. Если хочешь, чтобы твоя земля дала тобѣ урожай, обробляй еѣ совѣстно. Если хочешь стати славнымъ борцемъ въ битвѣ, приготовляйся до неѣ, учачися у людей искусныхъ въ боюхъ. Если хочешь быти тѣлесно сильный, привыкай твоѣ тѣлеснѣ силы подчинятися розказамъ розума и кончити тяжку працю и труды.

— Тогда озвалася друга жона:

— Чувешь Геракле, якою тяжкою дорогою хоче тебе вести ся жона? А я указала тобѣ легку дорогу до щастя!

— Ты подла — крикнула Чеснота — что добраго можешь ты дати? Ци найдеса у тебе хоть крыточка правдивого щастя, коли ты ани пальцемъ не рушишь, чтобы его здобыти. Ъшь и пьешь, коли того и не потребуешь. Въ дѣтѣ тужишь за снѣгомъ и ледомъ. Спишь, не зато, бо утомилася, але зато, чтобы не робити ничего. Своихъ прихильниковъ заохочуешь до любовничаня и обезчещуешь людску натуру знеживаньемъ половыхъ органовъ. Ты привычаешь твоихъ прихильниковъ, чтобы я въ ночи дѣлали всякѣ огадливѣ дѣла, а найдѣннѣйшу часть дня переспавали. Хотя ты безсмертна, всегаки боги выкинули тебе изъ своего товариства, а честнѣ люди презирають тебе. Твоѣ молодѣ приятель тѣлесно зруйнованѣ, старцѣ же душевно оступѣлѣ. Они въ своей молодости валялися до колѣнъ въ багнѣ тѣлесной розкоши, а телерь въ старости нужденно волочаться. Соромѣются своихъ давныхъ учинковъ, а плечи ихъ нахилея утрома вычерпаной силы тѣлесной.

Наоборотъ — я живу въ товариствѣ боговъ и моими друзьями сугь наилучшѣ люди на земли. Безъ менъ : не есть на свѣтѣ жадное доброе и благородное дѣло; боги — люди однаково честуютъ мене, люблять мене художники, якъ свою помочницу, а родичѣ, якъ ангела хранителя своихъ дѣтей. Моимъ приверженцямъ солодка есть ѣда и напой, бо они уживаютъ ихъ только тогда, коли потребуютъ ихъ. Милый есть имъ и сонъ, милѣйший, чимъ лѣньюхамъ, однакъ изза него не пропускаютъ своихъ повинностей. Цѣнять ихъ товаришѣ, а отчина отличаетъ ихъ. И якъ

приде ихъ послѣдна година, не зануряться въ темряву забытя, але живе ихъ слазное имя на вѣчнѣ вѣки въ памяти грядучихъ поколѣнѣ.

Геракле, сыну славныхъ родичовъ, если ты выберешь мене, достигнешь вѣчной славы...

*

Се есть исторія Геракла, написана въ третей книгѣ старинного грецького писателя Ксенофонта. Я выписавъ сю частину изъ неѣ для тебе, мой друже, бо колись и ты тамъ будешь стояти на розпутю, колись и ты освѣдомишь собѣ слова св. Письма: Плотъ похотѣется на дѣха (Гал. 5, 17) и колись и тобѣ треба буде рѣшити, ци направо, ци налѣво...

Изъ дѣтныи молодець.

Якъ ты дойшовъ до 14-15 роковъ жита — даколи и скорше — появляются въ тобѣ чудеснѣ, чрезвычайнѣ змѣны. Тѣло и душа починають развиватися, кипѣти, пробуждаються въ тобѣ новѣ представления, новѣ думки, новѣ стремленя и новѣ, дотеперь неизвѣстнѣ, жады. Зъ тобою дѣся такое чтось, якъ коли мость стае бродити, чтобы перетворився въ благородное вино. Для тебе наставъ вѣкъ переходовой: несвѣдома дѣтина перетворюеся въ свѣдогого молодця, изъ молодого хлопця починае вытворитися мужъ, дорослый чоловѣкъ.

Сей важный переходъ злученый зъ такими змѣнами, котрѣ сильно встревожують цѣлое твое тѣло и ество. Могъ бы сказати, что въ тобѣ бореса дѣтина, осуждена на смерть зъ родячимся юношою. Якъ коли весною розпинаюча сила жита жеμεσα въ комахъ дрѣмаючихъ деревъ и круженя соку пробужде, ламае, розпукае бросты, такъ шипитъ въ тобѣ горяча кровь жита, пульсуе въ твоихъ жилахъ и заколоуче, зворушуе твоѣ думки и почуваня.

Передовсѣмъ тѣло твое подвержемо великимъ змѣнамъ. Твоѣ члены розтягаються. Цѣла твоя постать прибирае комичнѣ формы. Не знаешь, что робити зъ твоими непомѣрно довгими руками — хоба задѣти ихъ въ кешеню. За одну ваканцію выростешъ и 10-15 дм. и не одиць изъ васъ подъ двома-трема роками стане высокимъ, гя лавиво. Уже не бѣгаешъ, якъ дѣтвакъ, але и не ходишь такъ спокойно, якъ дорослѣ. Легкѣ розширяються, кости грубѣють, груди выпинаються. Въ твое красное и гладкое дѣтячее лице заряються першѣ мужескѣ, поважнѣ черты. Конецъ и твоему милому сопранови. И коли тебе никто не видить, попробуешъ въ зеркалѣ, ци не можъ бы накрутити пухъ подъ носомъ. Не такъ е?

Якъ твоя виѣшна постать, такъ дозрѣвають и твоѣ внутреннѣ тѣлеснѣ органы: сердце, легкѣ, мозогъ и цѣла твоя нервова система рушаються, скрѣпляються, чтобы могли стати отповѣдными средствами твоего убольшенного тѣлесного организма. И сей переходъ

изъ дѣтячого въ молодечий вѣкъ связано зъ правдивою бурей, потрясенъми. Часто отчуваешь боль головы, изъ носа кровь тече, голова крутится, сердце швидко б'е. Не бойся, сѣ симптомы являются природными знаками твоей дозрѣвающей природы. Отповѣдна пожива, достаточный сонъ, приятна загура успособляють тебе заобезпечити твое здоровля.

Все то указуе на то, что ты дойшовъ до весны твоего житя. Але весна есть безконечно важною порою рока, рѣшуча для жинь цѣлого рока. По недоброй веснѣ слѣдуе неплодное лѣто и неурожайна осѣнь.

Запамятай собѣ, что сей вѣкъ, сей переходовый часть, доба дозрѣваня есть найважѣйшимъ периодомъ цѣлого твоего житя. Але — на жаль — сколько такихъ, котрѣ якъ разъ сей найважѣйший периодъ житя въ своемъ невѣжествѣ легкодушно змарнить такъ, что позднѣйше годъ направити.

Але настають великѣ змѣны и *въ души твоей*.

Настрой твоей душѣ стае дуже змѣнливый; ты починаешь быти прихотливый, дражливый, варовумѣлый, упертый и дерзкий; перецѣнюешь себе, ставишь опору авторитетови и вымагаешь отъ другихъ для себе признаня и почести. Въ почуваняхъ своихъ правдивый „апрѣль“; рано весело свѣтитъ сонце, черезъ повгодину зможишь до шкуры и якъ прийдешь дому, уже вновь усмѣхаеся на тебе теплый лучъ сонця. Такъ памують и тобою хвилевѣ впечатлѣня. Разъ розпалюешься одушевленьемъ до неба сягаючимъ, заразы за тымъ повалити тебе чувство отчаяннѣ ажь до землѣ и самъ не знаешь, что сему причина. Въ тобѣ пробужуеся туга за чужими, далекими краями, охота до ваидрованя. Тужишь за пригодами, за славою, хочешь зробити чогось чрезвычайного, ни одинъ и утече изъ дому.

Твоя душа въ сихъ мѣсяцяхъ и рокахъ — хвора, якбы простужена. Лишь малый протягъ и — настаетъ запаленя. Не запаленя легкихъ, але *душѣ*. Дос. анешь горячку. Бормочешь, бунтуешся, все тебе сердить. У высокой горячцѣ выпотишь изъ себе всякѣ дурнѣ „збытки“, говоришь грубо, нерозважно, оскорбляючи

другихъ. Одного желаешь: быти чимъ скорше дорослымъ, мужчиною. И починаешь наследовати ихъ. Однакожъ — на жаль — не ихъ чесноты, не добръ стороны ихъ характера, але выключно ихъ внѣшное поведеня: ихъ убраня, ихъ способъ ходженя, розговоръ, таку робишь собѣ фризурю якъ они, но — такъ и п'єшь и куришь, якъ оны.

А люде, не знаючи симптомы сей doby дозрѣваня, смѣются и глумлягься изъ тебе, неотесаного „легичука“. Не розумѣе тебе, може и твоя родна мати. Передъ тымъ бывъ ты послушный, приличный, а теперъ драгливый и язковатый. Многѣ боятся тебе, старшимъ стаешь ты досадный и все то тебе огорчае. Ты и для себе загадкою, тебе не презирати и карати треба бы, але помочи и просвѣцати.

Який щастливый той хлопець, котрый въ семъ переходовомъ вѣку найшовъ собѣ опытного проводника, котрому може доврѣяти, котрому може открыти всѣ своѣ тяжкости. И який нещастливый той, котрый зъ своимъ сумнѣванямъ и некучими проблемами попаде въ руки скаженихъ приятелей, чтобы отъ нихъ достати поясненя.

Новѣ думки, неяснѣ желаня.

Але почувешъ и скусишь на собѣ и иншѣ змѣны. Нападе на тебе якийсь дивный сумъ, якбы якийсь безформный мракъ котизся на души твоей. Выдобываються изъ твоей душѣ дотеперъ незнанѣ думки и туги, о котрыхъ ты доси ани понятя не мавъ и котрѣ теперъ, коли зъ ними первый разъ встрѣчаешся, сильно баламутять тебе.

Такъ пробудилася въ тобѣ и т. зв. полова сила, о котрой ты дотеперъ не мавъ жадной свѣдомости. Ся сила дрѣмала въ тѣлѣ до 13—14 роковъ житя. До того часу хасиць и не знаютъ о томъ, что и така сила есть на свѣтѣ. Процессъ еѣ розвитку тривае отъ 14—15 роковъ житя до 25-го року. Въ семъ вѣку все больше и больше приходитъ молодой чоловіккъ до той свѣдомости (что ты и дотеперъ знавъ,

але не много творився зъ нимъ), что людство дѣлится на два полы. Суть мужъ и суть жоны.

Такожь не интересовали тебе и дѣвчата. Хиба при забавѣ задираючися зъ ними, потырмавъ ихъ за волосы и весело засмѣваясь, коли они заверещали. Але теперь уже и за цѣлый свѣтъ не робивъ бы ты сякое. Коли ты теперь встрѣчаешся зъ ними при забавѣ або въ товариствѣ, перейме тебе якась соромливость и замѣшаность, заливае тебе якась тепла струя радости. Стараешся передъ ними указатися чимъ красшимъ, чимъ розумнѣйшимъ и представлятися передъ ними въ свѣтлѣ чимъ найкрасшомъ, стараешся говорити имъ о своихъ героичныхъ учинкахъ, о своихъ добрыхъ свойствахъ и талантахъ. Вмѣсто дѣтвацкихъ жартовъ поводишся ними „по рыцарски“ и если насуваеся якась нагода зробити имъ услугу, чуешъ себе найщастливѣйшимъ чоловікомъ на свѣтѣ.

Перша любовь.

И коли посему вернешься дому и возьмешся за науку — положѣмъ, что ходишь до V—VI-ой классы локотрой середней школы — навѣрно потребуешь напружити всѣ своѣ силы, чтобы приготовить изъ лекцій на другой день. Усилуешся выраховати квадратну степень або корѣнь якогось числа, але все твое змаганя даремное, бо математичнѣ формулы зникають, корѣнь квадратный перемѣнится въ ушко, ротикъ и передъ тобою стоитъ червене личко — милой дѣвчины..

Потомъ возьмешъ въ руки учебникъ поэтики и заглибишся въ правила ритмовъ и римовъ. Ледвы опамятаешся, а уже и самъ пишешъ стихи. Першій стихъ въ житю — любовный стихъ до милой дѣвчины. Профессоръ руського языка — еслибы прочитавъ сей творъ — гадавъ бы, что то якась находка изъ добъ доисторичныхъ, такъ страшно шкинтаеся ритмъ въ немъ, якъ коли ненамашенный возъ дырскае на храла; але ты навелико зъ твоимъ стихомъ и причисляешъ его до перловъ всесвѣтной литературы.

Але се лишь початокъ.

Все частѣйше зловишь себе на томъ, что такъ и подобнѣ думки наповниють твою голову и цѣлое твое ество... Дарьмо, мусишь признаться: ты залюбленный. Твоя нѣжна совѣсть буриться, а ты не годенъ собѣ представити, что зъ тобою сталося. Таемное насѣня пучнявѣе въ тобѣ и ты не знаешь, что изъ того выйде: чиста пшениця, ци куколь?

Подчеркую тобѣ — молодой мой друже — въ семь еще не есть жадного лиха. Се рѣчь натуральна, се есть пробужденя полового жия, сѣ почуваня повстали волею Сотворителя.

Что мы дотеперь о семь предметѣ говорили, изъ того ясно передъ тобою, что по плану Сотворителя удержаня людского роду есть задачою самого чоловѣчества. Его волею есть, чтобы зрѣлый мужчина и доросла женщина черезъ взаимну любовь въ святости супружеского жия соединилися и изъ сей святой тѣлесно-душевной сполуки родилися дѣти, новое поколѣня, заповняючи сякимъ способомъ смертью проломленѣ прогалины въ рядахъ людей. Новѣ почуваня пробуждуются отже въ тобѣ по закону природы и сѣ законы суть святѣ и останутся святыми, доки чоловѣкъ не нарушитъ ихъ грѣшными руками.

Се есть воля Божя. По воли Божой дѣсяи и то, что достояющему хлопцу подобаея дѣвчина, тѣмъ одно изъ сихъ дѣвчатъ буде колись и твоею царюю въ житю. Зато взаимна любовь обохъ половъ — на своемъ мѣстѣ и въ своемъ часѣ — не есть грѣхомъ, противно, найкрасшимъ дарункомъ Всевышняго.

Часто до престола, вѣрно до смерти.

Божя воля и то, что съ похоти, котрѣ теперь начинаютъ въ тобѣ пробуждватися и развиткомъ твоего тѣла стають все сильнѣйшими, заспокоити дозволено лишь въ супружескомъ житю. Но оно есть институціею, установленною для размноженя и удержаня рода человѣчюго на земли. Але тобѣ еще далеко до супружества!

Зато твоею наисвятѣйшою задачою мае быти, съ похоти тѣлеснѣ и половѣ понуки въ своей ненарушенности, чистотѣ и молодой свѣжости захвати до того дня, коли ты зъ своею избранною неѣстою вступишь до Божого престола. Передъ супружествомъ съ похоти задовольнѣвати не смѣй подъ жадною прикрывкою ни самъ, ни зъ другою особою, на якимъ нибудь иншимъ способомъ. Каждый неженатый чловѣкъ, кто свѣдомо и добровольно занимается такими думками, желаніями, дѣлами, относящимися до полового житя, допускаея смертельнаго грѣха.

Зато увага! И хоть якъ бунтуея въ тобѣ ся полова роскошь, хоть якъ обгертаютъ тебе ровни неморальнѣ думки, образы и почуваня, приманюючи тебе до заспокоеня тѣлесной похоти, не понусти нитъ и отжени ихъ отъ себе рѣшучо. Держись крѣпко постановы: Доки я не буду стояти передъ престоломъ зъ моею нареченною, доти я остаюся чистымъ и невиннымъ. И если такъ будешь поступати, то ты на правой дорозѣ.

Повторяю еще разъ. Съ новѣ заворушена, мрѣѣ и похоти тѣлеснѣ пробуждуются безъ вымкку у каждого дозрѣваючюго молодого хлопца, якъ лишь начинаея у него процессъ развитку. Але тымъ лѣп-

ше, чимъ позднѣйше появляются. Найскорше указываются съ признаки полового дозрѣванія у хворяковатыхъ и нервово пошкожденныхъ хлопцевъ (даколи уже въ рокахъ 12—13-ыхъ); здоровѣ доходятъ до сей doby дозрѣванія позднѣйше (въ 16—17 рокахъ). Ты лишь радоватися можешь тому, что ты еще „дѣтина“, что правильно, поволи и спокойно развиваешся. Нагло дозрѣваючѣ овочѣ звычайно не здоровѣ. Выйдешъ въ загороду, на яблонцѣ повно красныхъ яблокъ; на жаль, еще непристиглѣ. Але — еге — туйтамъ указуются уже жовточервенѣ. Зѣ радостью зорвешъ ихъ, укусишь и — вержешъ; всѣ до одного червавѣ и терпкѣ. Дарьмо. Добрѣ дѣла потребують довгшого часу. Gute Dinge brauchen Zeit.

Зато най буде твоею святою повинностью не роздражньовати ту пробуджаючу полову силу въ твоємъ тѣлѣ всякими безстыдными лектурами, розмовами, поглядами, думками и учинками, наоборотъ — старайся еѣ усмирити и задушовати, думаючи на ту святу цѣль, задля котрой она утворена премудрымъ планомъ всемогучого Бога.

Въ часѣ бурь и вихровъ.

Похоти, о котрыхъ мы выше говорили, въ старшихъ рокахъ выступаютъ зѣ своими требованиями все выразнѣйше и сильнѣйше.

Якъ кровожаднѣ гѣны и шакалы своимъ ревомъ и скавулѣньемъ не даютъ утомленому караванови даже ночью отпочити, такъ супроводять тебе въ твоихъ молодыхъ рокахъ докучаючѣ напады низькихъ похотей. Въ заочуючихъ краскахъ зрисуются въ твоей фантазоскошь и насолода, обѣцяѣ тобѣ заспокоеньемъ твоихъ половыхъ пристрастей. Будуть тебе постоянно приманьовати покусы, чтобы звести тебе зѣ дороги моральной чистоты; якбы якийсь бѣсъ бунтовався въ тобѣ, розорвавши своѣ кайданы и жене, спонукуе тебе: Иди уже, вступи въ чертогъ тѣлесныхъ роскошей, вержися въ обоймы обманчивыхъ радостей.

И въ шумѣ сей страшной внутренней борьбы леди утямишь благородну постану Честноты, въ шальючой вихтелици ледви чуешь еѣ остерѣгающій голосъ: Сыну, не вѣрь покусамъ! Зостань чистый! Ани цумкою не грѣши противъ чистоты тѣлесной! Збережи въ ненарушеной чистотѣ твое тѣло по закону Божию для твоей будущей нареченной! Вѣрь менѣ, только такъ стане коясь изъ тебе честный, характерный и щастливый мужъ...

А буря подъ тымъ лютуе дале... Найсильвѣйше въ рокахъ 18—24. Ало ты — друже мой — мусишь устояти твердо, мусишь героично, непоколебимо выдержати середѣ кипучихъ и лютуючихъ волнъ тѣлесныхъ пристрастей. Черезъ довгъ и довгъ роки маешь стояти якъ скала, бо въ сихъ рокахъ и въ сихъ буряхъ рѣшаея твоя будущность. Твердо, якъ удары молота звенять слова латинского классика Овида: *Nulla reparabilis arte laesa pudicitia est; deperit illa semel.*

Только разъ можешь утратити свою невинность тѣла. Горько тобѣ, если ты упавъ, або хотъ лишь сховзнувся и рушився въ долину. Лишь изъ того буде характерный мужъ, кто въ своихъ молодыхъ лѣтахъ сильною рукою державъ зубела своихъ пристрастей. Якъй легкий первый проступокъ, такъ невычайно тяжко поднестися и вернутися назадъ.

Меркуй, чтобы коясь горько не жаловавъ за заблудженя твоей молодости и за утрату своего щастя и душевной невинности по словамъ поэта:

„Bösewicht, gib mir zurück,
Meiner Seele golden Frieden,
Meines Daseins ganzes Glück,
Meine Unschuld mir zurück“.

(Die Ahnfrau).

(Лиха доле, верни менѣ святой покой моей душѣ, все щастя моего жия, верни менѣ мою утрачену невинность).

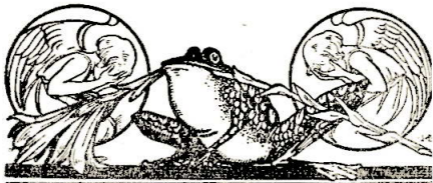
Ци хочешь выдержати? Хочешь указатися сильнымъ? Годень есь порозумѣти, что въ твоихъ переходовыхъ лѣтахъ твоѣ пробужающѣ похоти еще не

мають права требовати заспокоєня и въ дѣйствости
 суть лишь знаками, напминанями Бога для той
 творчої дѣяльности, что чекае тебе въ будучности?
 Хочешъ завести порядокъ въ царствѣ твоихъ думокъ?
 Хочешъ сильною рукою погамовати твоѣ пристрасти?
 Хочешъ постояти крѣпко, а не ходити за блуднымъ
 свѣтломъ фальшивыхъ роскошей? Хочешъ своѣ низкѣ
 похоти подверечи панованю твоего благородного
 розума и подверечи ихъ собѣ 'ще тогда, коли лишь
 начинаеся запальватися въ твоихъ жилахъ пекель-
 ный огонь твоихъ пристрастей? Друже мой, хочешъ
 остатися въ твоей молодости чистымъ?

Суть — и на жаль великое ихъ число — котрѣ на
 се не уважають. Котрѣ легкомысленно вступають на
 покилу дорогу, ведучу въ моральну пропасть. Горе
 тому, кто вступивъ на сю погубну дорогу... Горе
 тому, кому чистое сердце знищивъ морозъ въ роз-
 цвѣтѣ его молодости въ одну красну маеву ночь...

Морозъ въ маю.

III.

Морозъ въ маю.

*„Моральна ненарушеность
есть наибольшою прикрасою
молодого чоловька“. (Лат. посл.)*

Послухай — друже мой — смутну исторію молодого студента, котрый въ своей неосторожности вступивъ на дорогу моральной легкодушности.

Бывъ онъ въ рокахъ 14-16-ыхъ, коли одного разу пошовъ въ кинематографъ. Представили тамъ якусь дурну драму. Въ ночномъ локаль в'едно гуляли мужъ жоны мѣшано; мужъ обнималися зъ женщинами, недостаточно одѣтыми. . шампанское вино, музыка, настрій превосходный. . . Въ души невинного хлопця чтось прокинулося, якесь новое, дотеперь незнаное почуваня и желаня и якбы въ той минутѣ чтось урвалося въ его внутрѣ. Якъ коли розвалился сильный замокъ, такъ розвалился въ его души цѣлый свѣтъ...

— Чуешь, се бы и намъ попробовати — шепче ему зъ палаючими очима сусѣдъ, старший студентъ.

„Справдѣ“ — крикнувъ въ немъ голосъ. „Нѣтъ“ — озався другой. Потомъ зновъ перший голосъ: „Такъ“, за нимъ еще разъ: „Нѣтъ“. Онъ самъ не давъ сусѣдови жадной отповѣди, лишъ дивився та дивився, встромивши очи на полотно и на томъ отограючуся роздражняючу сцену. Лице горѣло, кровь кипѣла въ жилахъ, але коли по представленю выйшовъ на свѣжий воздухъ и на улиці ударивъ его холодный вѣ-

теперь, перенявъ его безимешный смутокъ и смутна свѣдомость: „Я теперь допустився смертельнаго грѣха.“

Пошовъ дому. Съвъ до науки. Дарьмо! Розумъ не дѣйствуетъ, душа зворушается. „Пойду завтра и высповѣдаюся.“ И лишь тогда успокоився, коли благѣ слова о. духовного якъ материнска рука погладили его разбурену душу: „По сему сыну мой — лѣпше уважай на себе“.

— Обѣцяю, отче мой духовный, что больше николи. . .

Але се было лишь пуста обѣцянка. У пару мѣсяцевъ въ театрѣ представили якусь п'еску: „Пробуженя весны.“ Кто бы бывъ думавъ, что подь симъ левиннымъ титуломъ п'есы, хлопцѣ и дѣвчата будутъ на сценѣ выробльовати всякѣ паскудства. Нашъ молодой студентъ впився очими въ тѣ сцены и било му сердце, якбы горячку мавъ. Идучи до дому, крутилося ему въ головѣ отъ тыхъ всякихъ спокусливыхъ образовъ, что на сценѣ видѣвъ. Лишь коли лѣгавъ спати и по старому своему звичаю почавъ молиться передь спаньемъ, заблснула въ души думка: „Я днесъ зновъ тяжко согрѣшивъ“. И не могъ довго заснути, поранена его душа рыдала горько... „Завтра пойду и высповѣдаюся“. На се успокоився и уснувъ.

Але якъ рано вставъ, отступивъ отъ той думки. Даже осмѣльовавъ себе: „Вконци концевъ я уже не дѣтвакъ, я уже шестоклассникъ. Въ моемъ вѣку и се треба знати. Впрочемъ се интересе мене лишь изъ боку наукового“.

У пару тыждневъ одинъ старший студентъ, призвавши его набокъ, всуне ему въ кешеню брошурку: „Ты, туй маешь файну книжочку, найдешъ въ ней прекраснѣ иллюстрациѣ“. Ледвы чекае, чтобы dokonчилася наука. Спѣшитъ до дому и — гайда — читати неморальну книжочку и придивлятися паскуднымъ въ ней образамъ-фотографіямъ. Совѣсть нашого студента тихими ночами пробужуется, протестуе, напоминае, неспокоюе его, але чимъ дальше, тымъ больше слабне, докоры еѣ стають все слабшими,

ажь наконеци цѣлкомъ замовкне... А въ души молодца настане гробова тишина.

Але якъ разъ сего желавъ и онъ. Чтобы ему никто не перешкаджавъ въ его свободномъ и независимомъ житю. И нашъ хлопецъ вергся въ обоймы жита...

Все выше...

Изъ нашего студента стае поволи „опытный молодець“. Онъ уже читавъ, видѣвъ, скусивъ премного, чого дотеперь не знавъ. Въ первыхъ мѣсяцяхъ еще довольствовався любовными стихами, что компоновавъ зъ неутомимую прилѣжностью. Коли сидѣвъ за книжкою и тогда лишь „Она“ была въ разумѣ, до „Неѣ“ писавъ оды, „Еѣ“ видѣвъ въ снѣ и зъ „Нею“ пробудився рано.

На улици и на корзо не есть елегантнѣйшого панчука, якъ нашъ студентъ. (Принайменше онъ такъ думаетъ о собѣ). Выстроенный, напахняченый, зъ бѣлыми камашлями, зъ гласе рукавицями, въ кешени зъ хустинкою — готовый кавалѣръ. Коли мимоиде профессоръ, не годенъ здогадаться, откуда та заголомшуща хмара парфимова. Якбы думавъ якъ разъ на того своего студента, котрый въ послѣднихъ часахъ постоянно недостаточнѣ отмѣтки достает на своѣ отповѣди. Люде смѣются за его плечами и говорятъ: „Яка машкара“, а онъ въ собѣ думаетъ: „Въ цѣломъ городѣ не есть елегантнѣйшого отъ мене“. „Порожня фигура“ — прозываютъ его проходячы, а онъ въ собѣ: „Всѣ дѣвки обертаются за мною“. Якое щастя для него, что еще не вынайшли далековидъ, котрымъ можно бы заглянути у внутро човѣка. Знаешь, что констатовали бы?

А яка „благородна“ — у нихъ розмова! Горе той дѣвчинѣ, котру встрѣтять они на улици. Уже далека пожирають еѣ своими жадобными поглядами и роблятъ еѣ предметомъ всякихъ низькихъ и невкусныхъ жартовъ и доти регочуть, доки не найдеса для ихъ уличного поступованя якась нова жертва.

Подъ тымъ одинъ изъ камарадовъ доносить, что у одного антикваря можъ достати дуже интереснѣ брошурки. Гайда, всѣ до skleпаря: „Гринфелдъ бачи, намъ можете смѣло дати, бо мы уже не дѣти“. И за грошѣ, украденѣ изъ скрывѣ мамки купують собѣ всякѣ паскуднѣ памфлеты зъ порнографичными рисунками и зайдуть до — на концѣ города сумуючого — „Бѣлого коня“. Туѣ спокойно можуть попивати, сюда профессоръ не зайде. „Келнеръ, два криглѣ пива!“

Изъ кешень выдодубуть сигареты, регочуть, п'ють и плыве „благородна“ розмова и поясненя „секретовъ“. Безроги рѣдко выграбують столько калу и

бруда, якъ ся студентска компанія подѣ повгодиною. И кошъ уже вычерпали всю паскудь, розповѣли всѣ двозначнѣ (даколи и дуже однозначнѣ) анекдоты и переспѣвали всѣ безсоромнѣ пѣснѣ, пойдуть — або скорше лишъ поплянтаються — дому.

А дома нашъ хлопецъ не може заспати... Его тѣлесна похоть роздражена алкоголомъ, никотиномъ и паскудными бесѣдами, его нервы розтроенѣ спокусливыми думками и воображенями. Въ его головѣ крутяться грѣшнѣ думки, якѣ передъ мѣсяцями еще бы были залляли его лице соромомъ. Его живчикъ горячково б'е, кровь кипить, бунтуеся въ жилахъ, страшно любивъ бы знати, ци справдѣ така надземна роскошь грати своимъ половымъ органомъ. За-

хопить его горячее пожатая (думает: туй не видить мене никто!) зробити тѣлесный грѣхъ на самомъ собѣ. Правда — се грѣхъ великий въ очахъ Божихъ, се огида и атентатъ противъ достоинства тѣла, але кто творитъся теперъ грѣхомъ, коли се година эиранскихъ похотей и они якъ дикъ звѣрь и ядовитѣ гадюки верглися на розстроену душу молодця...

Божій храмъ въ руинахъ.

Совершилося... Перший грѣхъ на власномъ тѣлѣ зроблений... Несчастный хлопецъ симъ тайнымъ грѣхомъ самъ себе трутывъ въ глубоку пропасть и ставъ онанистомъ. Ани повминуты не держала ся „роскошь“, а на крѣпости зроблений перший проломъ... Черезъ сей проломъ потомъ вытече вся житева сила молодого тѣла, вся енергія, вся охота до праць благородной и здоровый розмахъ душѣ. Приспана совѣсть зарыдала... на се и она пробудилася. Горькѣ докоры мучатъ молодця по сповненю сего грѣшного учинка. Заблисне въ головѣ думка про колишню превосходну чистоту душевну и нашъ студентъ по семъ першомъ упадку наповняея серіознымъ страхомъ.

Такъ стоявъ колись Наполеонъ сплѣвши руки середъ метелищъ, дивлячися на огонь спустошену Москву. Такъ оплаковавъ колись пророкъ Іеремія зруйнованя Іерусалима и жидовской святыни. О, еслибы могъ подобно заплакати и молодець, котрый утративъ свою невинность и обезчестивъ святыню своей душѣ безсмертной! Бо что значить тысячѣ святынь зъ всѣми своими скарбамъ... въ поровнаню зъ святынею живого Бога, зъ чистою, невинною душою молодця. На се думавъ и св. Павелъ, коли такъ писавъ къ Коринтянамъ: „Не кѣсти ли, яко храмъ Божій естъ и Духъ Божій живить въ васъ? Ище кто Божій храмъ растантъ, растантъ сего Бога. Храмъ бо Божій святъ естъ, иже естъ вы“. (1. Кор. 3, 16 17).

Але той страхъ треваетъ лишь пару дней. Нашъ молодець у короткий часъ зновъ въ товариствѣ сво-

ихъ старшихъ камаредовъ. Чую новыя сензациі, научитья новымъ „штукамъ“, новымъ жартамъ, слѣдующаго тыждня допускаея зновъ грѣха себеобезчещенія, по тыждню зновъ и потомъ все частѣйше. Совѣсть воюе, бореся, якъ поломѣнь передъ спалахненьемъ, якъ звѣрина въ засѣдцѣ, але чимъ дале, тымъ лѣйше утомляеся, часомъ замовкне и конечно утихне. . Не естъ рачіѣ протестовати, и такъ не послухае мене!

Бѣдный, бѣдный хлопче! Благородна енергія твоихъ лѣтъ, погонна сила твоихъ способностей — все въ болотѣ. О, еслибы могъ ты въ твоихъ 15-тыхъ рокахъ предвидѣти, что буде изъ твоего чистого сердца въ твоихъ 20-тыхъ рокахъ, что якъ будешь тогда оплаковати твое заблудженіе; еслибы ты могъ поглянути въ твою душу, что сталося зъ твоею бѣлоснѣжною одежою твоей душѣ, еслибы ты предвидѣвъ, якъ будешь жаловатися и зъ горькимъ жальемъ казати: „яка превелика шкода для мене“; еслибы то все напередъ знавъ, за цѣлый свѣтъ бы бывъ не допустився ты на сей „першій грѣхъ“. Але уже годѣ. Сей першій хибный крокъ уже николи не можъ зробитити нездѣланнымъ.

Кто въ своей необдуманности хоть лишь разъ покушавъ сю солодку отраву неморальности, тому

дуже тяжко оторватися отъ неѣ. Николи не буде себе чути насиченымъ, буде гнатися все на новою и новою роскошю... Въ его внутрѣ пристрасти будуть буритися, якъ лютують демонскѣ силы, розорвавши своѣ кайданы, тѣло его буде домагатися все новыхъ и новыхъ роскошей, житя его не буде мати иншой цѣли, якъ глядати все новѣ и новѣ источники новыхъ та новыхъ тѣлесныхъ насолодженъ.

Кто разъ допустився тѣлесного грѣха онанизма, такъ походить, якъ щуръ, покушавший отрову; страшный огонь горить въ его внутрѣ, бѣгае сюды-туды, якъ бѣсноватый, промыкае все, что лишь найде по дорозѣ, але — горе — ничъ му не поможе, огонь пекельный не гасне, доки затроеное звѣря нужденно не загине. Такой неугасимый огонь горить и у внутрѣ молодця, котрый разъ запаливъ въ сердци своємъ поломѣнь тѣлесной змысловости.

Бавиться зъ тобою роскошь, а конецъ — страшный и мизерный.

На доровѣ дальшого вопсутя.

Коли уже хлопець такъ далеко зайшовъ, любивъ бы еще докладнѣйше прослѣдити тайны людской природы. Хотѣвъ бы все знати, что относится до полового житя. Онъ якъ „вышшокласникъ“ почуваетя довольно въ силахъ прослѣдити все на свѣтѣ, даже и такѣ дѣла, что Сотворитель въ своей премудрости укрывъ въ глубинѣ святинѣ супружеского житя. Се нашъ студентъ хоче знати и выконати уже передъ супружествомъ; его приятель въ такихъ дѣлахъ уже маюць досвѣдъ. Зъ радостью поведуть они нещастного молодця въ тѣ дома, де отъ нихъ еще глубше упавшѣ женщины — съ выродки людского роду — отслонують передъ нимъ всѣ тайны полового житя.

А по семъ уже не есть жадной тайны передъ нимъ. Теперь уже все знае, все скусивъ, все видѣвъ, чувъ и робивъ. Теперь уже совершенно щастливый...

Ачей нѣтъ?

Чому сидить въ его очахъ жадобный смутокъ? Что то за темна тѣнь, котра якъ густа хмара покрывае черты его лица? Откуда той смутный выразъ очей? Чому такъ утѣкае отъ честныхъ людей? Чому такъ тяжело иде ему наука? Чому утративъ свою дяку до серіозныхъ занятій? Який гадь в'єся въ его молодой души и тискае его страшными обоямами? Въ товариствѣ своихъ честныхъ соклассниковъ чому чувствуеся чужимъ? Чому не розвеселять его сердце ихъ невиннѣ забавы? Тады онъ уже „все“ знае!

Такъ, знае ото „все“ и зато нещастливый. Коли чоловікъ приложить до уха морску раковину, загомонить въ ней могучое боркотаня давной еѣ отчины — моря; такъ зарыдае въ тихихъ годинахъ въ замордованой души молодця колишня благородна туга и боль душѣ... Коли зъ блискучими очами, зъ б'ючимъ сердцемъ гнався за пестрымъ мотыломъ мнимого щастя, мотыликъ отлетѣвъ, а въ его рукахъ лишилася лишь брудна, безцѣнна пыль.

Але мотыликъ забравъ зъ собою и душевный покой, надѣю на красшу будучность и все щастя молодой душѣ. А что лишилося ма мѣстѣ сихъ? Порожнеча, темна, безнадѣйна, смутна, притуплена чорна порожнеча... Вмѣсто веселого щебетаня соловеевъ, чорнѣ вороны кракають въ его молодой души.

IV. Карль, угорский король, коли умиравъ на островѣ Мадейра, такъ молився за своихъ дѣтей: „Господи, волѣешь взяти ихъ изъ сего свѣта переже, чимъ бы образили тебе смертельнымъ грѣхомъ“. — Французска королева Бланка говорила разъ до своего сына, св. Лудовика: „Сыну мой, больше люблю тебе, як саму себе. Ты моя одинока утѣха, что лишилася менѣ еще туй на земли; ты надѣя нашой отчины, всетаки — волѣю тебе видѣти въ гробѣ, якъ учути, что ты самовольно допустився хоть лишь одного смертельного грѣха“.

Радше смерть, якъ тяжкий грѣхъ! Якъ горькѣ были бы тогда слезы родичовъ, який боль краявъ бы сердце твоей матери, яка мука давила бы душу твою.

его родного отца, если бы они видели, что их сын так глубоко упавъ и пустився на дорогу неморального жита.

Бездушный хлопче, чому не жалуешь твоихъ родителей? Чому не змилуешься надъ теми, котрѣ такъ много трудятся за твое добро?

Леонидъ, христіанскій мученикъ, коли его сына Оригена покрестили, зъ глубокою почестью поцѣловавъ груди дѣтины, бо свѣдомый бывъ того, что въ томъ маленькомъ людскомъ сердци бывае самъ всемогучий Богъ. А ты зогиджуешь болотомъ свою бѣлоснѣжну душу, де еще недавно у весняной роскоши красовалися пахучѣ цвѣты...

Але се лишъ перша етапа душевной руины...

Законъ вольного паду.

Физика учитъ, что падающее тѣло летитъ въ напрямѣ землѣ не зъ однаковою, але зъ секунды на секунду убольшеною скоростью.

Сей законъ вольного паду важный не лишъ въ царствѣ матеріальныхъ тѣлъ, але и въ духовно-моральномъ житу. Въ глубинѣ каждого чоловіка скрываются страшнѣ демонскѣ силы, котрѣ — если разъ запануютъ нами — неотпорною силою тянуть насъ въ темну могилу грѣха. Одинъ одинокий неосторожный крокъ, первый упадокъ и — начне дѣйствовати законъ вольного паду.

Куды лишъ переходить сей грѣхъ нечистоты зъ своею дружиною, тамъ высохне за нимъ земля, молодѣ головки склоняются, згорблюеся сталевый хребеть, зблѣднѣ румяна тварь, ломиться характеръ. Вяне молода квѣтка, котра мала бы цвѣсти, зеленѣти въ свѣжой невинности...

Бсакъ грѣхъ — говорить св. Павелъ — вгѣже аци соткоритъ чловекъ, кромѣ тѣла встѣ; а блѣднѣ, въ свои тѣло согрѣшатъ. (1. Кор. 6, 18).

Подчасъ всесвѣтной войны русска армія потерпѣла великое пораженіе въ болотахъ Мазурскихъ. Гинденбургъ, начальнй вождь нѣмецкой арміи, котрый знавъ каждую частію багнистой области, планоно тискавъ русску армію въ напрямъ мочаристыхъ озеръ. Якъ русский фронтъ поколебався и армія почала уступати, нѣмцы ударили на нихъ всею силою. Русскъ не мали жадного выбору: передъ ними озера, за ними огромна нѣмецка армія.

Але погоня не тревала довго...

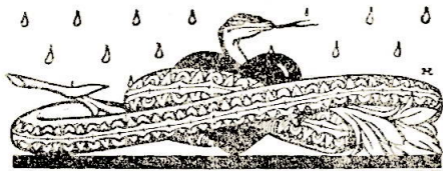
Русскъ стромголовъ загналися въ озера, покрытѣ зеленою травою. Они думали, что подъ зеленою травою есть твердый грунтъ; но тамъ не было иншого, якъ бездонное багнистое море. Нѣмцы остовпѣли отъ страху, видячи, якъ стрягнуть и тонуть десятки тысячъ русскихъ по колѣна, по поясъ... Уже лишь руки стырчатъ, скривленое отъ страху лице, смертельный крикъ о помочъ... Але никто на свѣтѣ не може имъ помочи... Багно тягне, тягне на дно въ погябель.

— — —

Подумай, сыну мой, что буде изъ тебе, если и ты вступишь на багнистый грунтъ и пойдеши въ напрямъ бездонныхъ озеръ.

На днь багна.

IV.

На двѣ багна.

Багда же и есака ничнота и
лихонмство ни же да имнѣтся въ
васк ѣкоже подокантъ свѣтымъ.
(Еф. 5. 3).

Лишь разъ!

Суть люде, котрѣ думаютъ, что коли покусы дуже сильнѣ, коли нападаютъ на нихъ зѣ майже неодолимою силою и не дають имъ покою даже въ работѣ, лишь такъ освободяться отъ нихъ, есми уступаютъ имъ. Суть хлопцѣ, котрѣ думаютъ, что утихомерять своѣ тѣлеснѣ пристрасти и искушенія тымъ, есми зроблять смертельный грѣхъ. Який страшный самообманъ! Уже первый половый грѣхъ наповняе фантазію ихъ столь многими паскудными образами и съ грѣшиѣмъ воображенія пхаютъся въ ихъ память зѣ такою силою и домагаются своего удовольенія такъ уперто, что о покою душѣ уже ани слова не може быти. Несчастный молодець теперь опамятаеся и видить, что передъ сповненьемъ грѣха хотя и выли въ его внутрѣ голоднѣ шакалы, всетаки были они повязанѣ; але першии грѣхъ розрѣшиѣ ихъ кайданы и здѣлавъ ихъ свободными и неприлично докучливыми. И молодѣ левчата благѣ, доки не видѣли крови, але якъ лишь разъ вкусили въ живое мясо — конецъ. Стали кровожадными бестіями.

„Лишь разъ, чтобы и се знати“ — говорить искуситель передъ грѣхомъ. А коли'сь зробиѣ грѣхъ,

такъ утѣшае тебе: „Разъ уже зроблено; теперь уже все одно сколько разъ зробишь“.

Будь отже сильный уже въ першихъ моментахъ небезпеки, бо обманюеся той, кто думаетъ, что, если въ молодыхъ своихъ лѣтахъ указався слабымъ, въ мужескомъ вѣку буде у него сильный характеръ”. (Бр. Етвешъ).

Кто скаже тебѣ, коли починаеся осѣнь?! Спершу упаде зъ дерева лишь пару листовъ, конарѣ стаютъ все пустѣйшими, разъ лишь зашумитъ ледовый вѣтеръ межи голыми деревьями и настане — зима. Такъ есме и мы зъ грѣхомъ тѣлеснымъ... Поволи, крокъ за крокомъ застрягаеме все глубше и глубше въ bagno неморальности. Горе тому хлопцеву, котрый почавъ легкомысленно грати зъ грѣхомъ онанизма або хотъ лишь разъ допустився того учинку, что дозволяеся только зъ супружескомъ житю. О, сколько тыхъ несчастныхъ хлопцевъ, котрѣ по першомъ грѣсѣ изъ сорому и болю зъ слезами въ очахъ зъ присягою обѣцали, что зберуть всѣ свои силы, буде что буде, але больше не сновнять сего грѣха. Але обѣцанка осталася лишь обѣцанкою; воля ихъ была уже зломаена, сила душевна вычерпана, покусы же все и все сильнѣйше нападали на нихъ, наконецъ взяли верхъ надъ ними и они зновъ упали легко, незамѣтно, майже безъ супротивленя... И ставъ сей перший грѣхъ у нихъ постояннымъ, каждодневнымъ грѣшнымъ звываемъ, налоговымъ грѣхомъ.

Не можъ отвыинуть.

Якъ могло то статися, что изъ сего „лишь разъ“ ставъ постоянно повторяющийся звывай? Изъ подорожняка, котрый запросився до насъ на одну ночь, якъ ставъ постоянный гость, даже хозяинъ нашего дома? Что сему причина?

Причина въ томъ, что молодой хлопецъ не указався довольно сильнымъ уже въ першихъ минутахъ. Читаня неморальныхъ книгъ, розговоры на всякѣ неприличнѣ темы и довершенъемъ сихъ всѣхъ — самооскверненя. Онъ уже и не стараетя отвыкати отъ

сего грѣха, не мае силы, не мае охоты. Сей тайный грѣхъ запануе нимъ въ такой страшной мѣрѣ, что на пораду лѣкаря треба ему повязати руки, чтобы въ снѣ не могъ себе осквернити. Чимъ частѣйше дѣлае сей грѣхъ, тымъ больше докучае ему; изъ постоянного совершеня грѣха стане привычка, изъ привычки конечность...

Грецький переказъ оповѣдае про Антея, что коли онъ боровся зъ Геракломъ, все приобрѣтавъ новыхъ силъ, коли дотулився ногою до землѣ. Чимъ частѣйше дотуляеся наша душа до болота и гнили, тымъ сильѣйшою стаеся въ насъ грѣшна пристрасть.

Подорожники въ Южной Африцѣ оповѣдають про дивного гада, котрый единственно своимъ поглядомъ зачаровуе птицѣ. Одинъ одинокий поглядъ на выбранну жертву и небога птиця настрашено бѣся собою, скаче сюды-туды на конаряхъ дерева, але даремно, не годна здержатися, якась таємна сила приневолюе еѣ все дивитися въ очи змѣя, чось еѣ гипнотизовало, чаровный поглядъ гада отнявъ еѣ волю, примушена все близше и близше приступити къ гаду... доки гадъ не вержеса на неѣ и не задушить еѣ на смерть.

Таксамо дѣсея и зъ тою душою, котра кинулася въ обоймы розпусты. Може изъ неосторожности або несвѣдомо познакомився зъ симъ грѣхомъ и въ первыхъ початкахъ и не звертавъ на то велику увагу. Коли на годинѣ гимнастики лазивъ горѣ жердью, ѣздивъ на кони або сувався на поручи, почувствовавъ змысловое подразненя въ своемъ половомъ органѣ и думавъ, что се лишь невинна гра. А коли довѣдався, что се грѣхъ противъ природы, уже было поздно, уже не мавъ доста силы отыкнути. Другого научили злѣ товаришѣ, може еще въ дѣтнствѣ, якъ треба выкликати на своемъ властномъ тѣлѣ се „на-солодженя“. Правда, онъ чувствовавъ, что туй дачто не есть въ порядку, что се грѣхъ, бо за цѣлымъ свѣтъ не смѣвъ бы бывъ такого зробити передъ очами отця або матери. Сама природа прозрадила ему, что се грѣхъ, треба заховати въ тайнѣ. Онъ бывъ бы готовъ скорше руки своѣ отрѣзати, якъ

зрадѣти матери ало сестрамъ своимъ, что онъ вырбляе на своемъ тѣлѣ.

Ты уже навѣрно чувъ о такихъ рослинахъ, котрѣ живляться комахами. Нещастный комахъ ничего не догадуючися сяде на шерстяной и липкий листокъ сякой рослины, а въ той минутѣ листокъ нагло замкнеся. Коли у пару дней листокъ зновъ открьеся, изъ бѣднаго комаха увидиме лишъ нужденѣ останки; все жигя, всю силу выссала изъ него кровожадна рослина...

Такъ выссе и изъ тебе — друже мой — грѣхъ нечистоты всю житьеву силу, если ты разъ упавъ въ ногти тѣлеснаго грѣха. Бо — якъ наша пословиця говоритъ: *роскошь творить боль: якъ приходитъ — смакуе, якъ отходить — катуе.*

На дорозѣ въ дальшу пронасть.

Молодой чоловікъ и самъ не знае, якъ тѣлеснѣ и душевнѣ скарбы розтрачае, коли переае себе грѣшнымъ насолодженнямъ... Родичѣ, учителѣ, товаришѣ скоро замѣтятъ велику змѣну въ поведеню такого хлопця, котрый ставъ рабомъ своихъ тѣлесныхъ пристрастей; видять, что изъ рухливого, живаго, быстроумнаго хлопця у пару роковъ ставъ физично и душевно зломлена людина. Видять, и чудуются...

У такого хлопця воля якъ — глина: и хоче и не хоче. Уже рано при вставаню утрачае богато часу, доки зъ тяжкою бѣдою якосъ вылѣзе изъ постели. Потомъ возьмеся за науку, але переже довго роздуме, ци се, ци то другое перебрати. Часто зѣваючи перегортае листы то въ одной, то въ другой книжцѣ, часъ минае, а изъ науки ничѣ. За довгѣ години буде просиджовати на диванѣ безъ того, чтобы чось серіознаго зробивъ. И самъ признаеся, что се не е добре, любивъ бы поправитися, але силы до того не мае. Такѣ, якъ тѣ оловянѣ вояки: все мають мечъ поднятый, але еще ани разъ не махнули нимъ. Суть минуты — по якойсь душевной эмоци — коли нагло ошамятаеся и скаже: „Но, теперъ уже начну

нишний животъ“, але се лишь моментальное возбужде-
ня, а все лишаеся при старомъ. Ракета трѣснула —
а настала еще больша темнота.

Родичѣ, товаришѣ зъ дивованьемъ видять, что
ученикъ дотеперь зъ добрымъ або и зъ отличнымъ
успѣхомъ, нагло пачавъ упадати. Въ низшихъ клас-
сахъ находився еще межи першими, а въ V—VI
классахъ ледвы достаточный. На годинахъ, не можъ
сказати, сидитъ тихо, але кто ему близше пригляне-
ся, видить, что его думки дагде далеко лѣтають.
Онъ встромаюе своѣ очи далеко въ якийсь пред-
метъ, безъ того, чтобы его видѣти, а въ дѣйстви-
тельности укладае собѣ планы новыхъ грѣшныхъ роскошей.

Якъ егъ профессоръ на годинѣ выкличе, нагло по-
трясеся; видно, что его свѣдомость вернулася на-
задъ изъ далекихъ сторонъ свѣта.

Профессоръ може хоть о чомъ говорити, то его
не интересуе. Еслибы и хотѣвъ, не може сконцетро-
вати свою увагу на одинъ предметъ. Его классный
наставникъ, котрый знае его отдавна, зъ дивованьемъ
замѣчае, что сей, колись такой честный и характер-
ный хлопецъ, въ послѣдвыхъ часахъ почавъ брехати.
Не дивно, въ души котрого точится червь такого
великого грѣха, не буде творитися такими дробни-

цями, якъ брехня! И окомъ не клѣпне, такъ легко и ловко бреше. Бреше та бреше непрестанно, чтобы передъ людьми хоть лишь вѣшно ukazатися честнымъ. Бреше холоднокровно въ школѣ, mezi товаришами и головно дома родичамъ. Бо, якъ правдомовность есть плодомъ душевной чистоты, такъ есть брехня сестрою нечистоты. *Omnis masturbator — mendax.*

Разомъ зъ широстью зникають и иншѣ чесноты молодця: услужливость, отвертость, благородность, вѣрность и идеальность. Бо пробнымъ каменемъ моральности есть якъ разъ чистота сердца. Безъ неѣ душа чоловѣка пропаде. Бо что стоитъ красное яблоко, коли въ серединѣ его червакъ? И яку вартость представляе собою позолочена труна, коли она въ собѣ крые трупъ, назначеный для гнитя? Душевный станъ молодця здичѣе, нѣжность, котра была колись его окрасою, зникне, якъ запахъ рожѣ, котру грубѣ пальцѣ розмѣсили.

Въ околици Рима до найновѣйшихъ часовъ простиралися широкѣ багнистѣ области. Газы и отравный воздухъ, выходячый изъ землѣ, и душевно отравили жителей сего краю. Они стали меланхоличными и хмуравыми. Коли ктось позвѣдае ихъ: „Якъ ся маєте?“ — всюды инде по широкой Италиі отвѣчаютъ люде: „Якосъ живеме“ (*Si vive*) — одиноко въ сей смутной околици учеме такий отвѣтъ: *Si tuore* — Конаеме. „Конаеме“, могъ бы сказати неодиный молодой хлопецъ, котрый отдався розпустѣ. Такъ то и есть. Бо дубы не растутъ въ тунелахъ, а рожѣ не цвѣтуть въ задохлыхъ пивницяхъ.

Та зато покрываеся еще недавно усмѣхливое лице невинкой дѣтныи темною заслоною, оттуды морщѣ на молодомъ чолѣ юнака. О, якъ смутно дивитися, якъ линяють цвѣты пестрой, семибарвеной веселки!

Розпустникъ окремъ того поволи утрачае и чувство справедливости. Не уважае больше на розницю mezi „моимъ“ и „твоимъ“. Не дивно. Пикантнѣ газеты, театерь, кино (головно зъ ограниченьемъ: „лишь отъ 16 лѣтъ выше“), карты, тайнѣ сходины въ корчахъ и т. д. грошѣ стоять. А мати дома нарѣкае на

челядь и подозрѣвае невинныхъ особъ, бо въ послѣднихъ часахъ часто хиблять меншѣ-большѣ суммы изъ скринѣ.

А что сказати о духовныхъ способностяхъ такого молодца? У сякихъ память забывчива, приняти и удержати новѣ враженя не въ силѣ, серіознѣ дѣла ихъ зовсѣмъ не интересуютъ и такъ зъ бѣгомъ часу стають цѣлкомъ неспособными до науки. Не есть у нихъ той мужеской радости, что вытекае изъ добре совершеной работы. Ихъ энергія, активность душевна, далекосяглѣ планы молодежи, конструктивна сила душѣ — зломанѣ, не въ силѣ концентровати увагу на одинѣ предметѣ, на одно занятіе, на жадномъ полю науки або иншого занятя не годнѣ прокувати поступѣ. Возьмутся за работу зъ похвальнымъ розгономъ, але не есть у нихъ потребной для доконченя вытревалости. Ихъ кругъ думаня товчеся на одномъ мѣстѣ; все лишъ еротичнѣ проблемы, неморальнѣ изображеня, все новѣ та новѣ роскоши — наповняють ихъ фантазію, ихъ цѣлое ество. Се есть свѣтъ ихъ душевного занятя, иншое ихъ не интересе. Энергія ихъ зломлена, воля безсильна. Ставуть хлопцями трусливыми, брехливыми, лицемѣрными и безхарактерными. Куды лишъ ступають, выдыхають изъ себе пошестный воздухъ. На стѣнахъ, на мурахъ, въ купальняхъ, въ заходахъ найдеме за ними пакудинѣ надписы и рисунки, слѣды ихъ зопсудой фантазіѣ.

А то иншакъ и не може быти. Скажи огневи, чтобы не паливъ, морю, чтобы не бурилося. Не можѣ. Злодѣй обкрадеу другого, а розпустникъ самого себе; и то збавляе себе найцѣннѣйшого скарбу: своей душевной силы.

„Просвѣщенѣ“ студенты.

Коли у молодого чоловіка характеръ уже подкопанный, коли онъ уже позбавленный все больше и больше добрыхъ душевныхъ свойствъ, приходитъ до повного душевного розвалу, до невѣрства.

Еслибы се не было такое смутное и печальное дѣло, чоловікъ мавъ бы смѣяться, чуючи, что пято-або шестоклассникъ зъ погордою и зневажливо вы-словуеся про вѣру въ Бога, про моральность, отже про такъ рѣчи, передъ котрыми наибольшѣ умы лю-дства зъ найглубшою почестью приклоняли своѣ го-ловы. Днесъ мы уже привыкли идъ тому, что межи учениками средней школы найдутся такъ, котрѣ хвалятся, что имъ може профессоръ хоть что „ба-

лакати“, ихъ то не обходить, бо они уже просвѣщен-нѣ, они много училися, та они знаютъ, что не есть ани пекла, ани царства, ани Бога, ани безсмертія душѣ.

Але что може были то „много“, что сей невѣру-ющій студантъ знае и учився и чога не знаютъ слав-нѣ представники природы и ивнихъ наукъ? Ачей

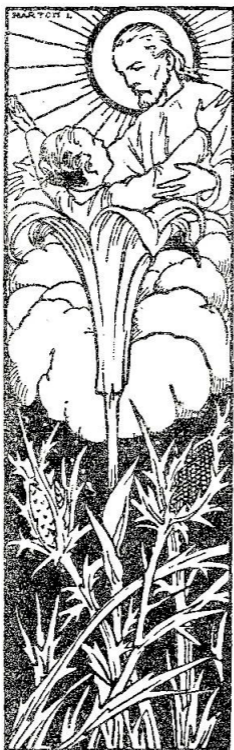
такъ ученъ, якъ Kepler, Newton, Boyle, Linné, Foucault, Farady, Lavoisier, Pascal, Ampèr, Galvani, Volta, Pasteur и пр. знаютъ только, якъ нашъ студентъ изъ V-ой або VI-ой классы? Съ глубокоученъ мужъ и и свѣтильники на полю наукъ при своемъ огромномъ знаню могли зостати людьми вѣрующими, даже многъ изъ нихъ ревными католиками, а твоего товарища якъ разъ наука мала отвести отъ Бога и вѣры до явного атеизма? Якъ есть то — чтобы навести лишь одинъ примѣръ — что Pasteur одного разу высловився такъ: „Понеже я много учився, вѣрую, якъ якийсь бретаньскій селянинъ; але еслибы я учився еще больше, я бы мустьвъ вѣровати такъ, якъ якась бретаньска селянка“.

Та тогда не наука привела твоего товарища къ атеизму. Та что?

Сердце скаженое...

Сердце скаженое адѣлае чоловіка невѣрующимъ; якъ св. Павелъ скаже: „Чоловѣкъ тѣлесный не приймае того, что отъ Духа Божого, бо то для него глухота“. (1. Кор. 2, 14). То постоянное противорѣчїе, что находится межи его житьемъ и вѣрою, тѣ постояннѣ докоры, что мучать его совѣсть, той вѣчный страхъ и сумнявъ: „А если дѣйстно есть Богъ и менѣ треба буде здати рахунокъ передъ его вѣчнымъ судомъ? Тогда горе менѣ. Якъ добре бы было для мене, еслибы не было Бога. А може и не есть? Такъ... такъ... не есть... успокоюе себе...“ И такъ вытворяеся изъ него, изъ неморального чоловіка, упертый безбожникъ...

Что найчастѣйше неморальность есть причиною утраты вѣры у молодыхъ людей, то явно изъ того факту, что се невѣрство принадлежитъ у нихъ въ добѣ пробужденя тѣлесныхъ похотей, а ними и щезне. Мала дѣтина не е безбожна, даже чувствуе себе въ Богомъ дуже щастливою. Подобно и старый чоловікъ не отрицае Бога, даже вѣра въ Бога есть у него одинока утѣха и надѣя. Але межи сими двома добами житя припадае бурлива доба пристрастей, коли разумъ уграчае свою ведучу и управляющую ролю и чоловікомъ запануе зопсуетое сердце. О сей

докъ пише дуже вѣрно Паскаль: „Сердце мае своѣ мотивы, о котрыхъ разумъ ничъ не знае“. Лишь вопсугое сердце може здѣлати чоловѣка безбожнымъ, вышколенной разумъ николи. Никто не стае безвѣрцемъ, хйба той, кому ва томъ залежить, чтобы Бога не было.

Ясна рѣчь, что гой, кто неморально живе, насампередъ зальшитъ молитву, потомъ религійнѣ вправы, поздыѣше стае для него тйгаремъ сама религйя, наконецъ окончательно утратитъ свою вѣру. Онъ муситъ еѣ утратити. Бо онъ буде старатися оправдати свое грѣшное житя всякими доказами, тезаами, постановленями нѣбы научными; буде глядати въ книжкахъ противрелигійныхъ додаточное теоретическое оправданя того житя и того безвѣрйя, что онъ уже практикуе и уже здѣйствиѣ своимъ житьемъ.

Вѣра жадае отъ чоловѣка чистоты душевной и тѣлесной;

кто не живе такъ и валяея въ багнѣ неморальности, тому вѣра не може любитися, тому вѣра являея перепоною въ насолодженю грѣшными роскошами и той буде старатися всѣми силами освободитися отъ неприемныхъ ограниченъ изъ стороны вѣры. „Захочай душу свою“ — говоритъ Руссо — „въ такомъ станѣ, чтобы она желала истнованя Бога, тогда не буде въ немъ сумнѣватися“.

Сколько разъ повторяея въ житю молодыхъ людей то, о чомъ писавъ свѣтославный писатель François Corréе по своему намереню: „Я бывъ выхванный въ религійномъ дусѣ и по моему первому причастію еще долго сповнявъ зъ похвальною ревностью своѣ религійнѣ повинности. Отъ сей религійности оторвали мене блуды моей молодости... Много, котрѣ находятя въ подобной ситуаци, если они ширѣ, вѣдно зъ мною признаютъ, что ихъ отчуждило отъ вѣры то строгое становище религій, что она занимае относительно тѣлесныхъ роскошей“. Chateaubriand французский писатель сказавъ разъ: „Панове, положѣмъ на груди руки и признаемъ честно; не мали бы мы отваги вѣровати, еслибы мали отвагу чисто жити?“

Сколько разъ лишь чую о хлопцяхъ безрелигійныхъ, все мимо волѣ пригадую собѣ слова св. Августина: „Nemo incredulus, nisi imprugus — никто не атеистъ, хибя переже розпустникъ“. Кождому невѣрующему хлопцеву моему поради зъ Паскаломъ: „Если хочешъ пересвѣдчитися о правдивости религій, не глядай доказовъ, але выкорени своѣ влѣ наклонности“. Розорви кайданы грѣховъ — и завтра будешъ крѣпко вѣровати.

Калажни чистѣи сердцамъ, яко тѣи Бога оцѣратъ. (Мт. 5, 8).

Теперь уже'сь щастливый?

Будь ширый и скажи менѣ отверто: Теперь уже'сь щастливый? Дорогою цѣною купивъ ты щастя, але стояло то, бо ты дойшовъ до совершенного блаженства. Ци такъ?

Ты скажешь: „Такъ. Принаименше докладнѣйше познавъ жита“.

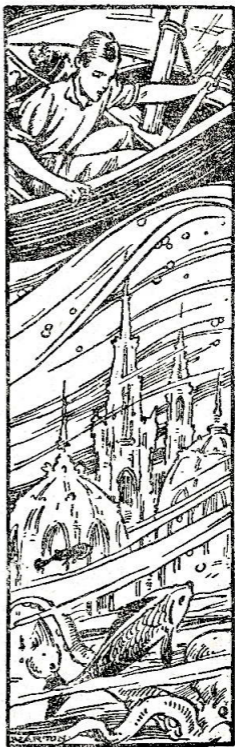
Лишь помало, сыну, помало. Бо я не вѣрую и не могу вѣровать, что ты себе чувствуешь щастливымъ. Ты самъ себе обмануешь. Ты и до себе не щирый. Бо если ты щастливый, чому заливають твою душу горькѣ почуваня, котрѣ тискають твою душу и при-тупляютъ твое сердце? Моменты, коли ничь не може тебе урадовати? Чому сидишь такъ часто за книжкою и дивишься порожними очами въ далеку даль? Чому давятъ твое сердце постояннѣ сумнѣвы? Чому глядишь твоими молодыми, а уже трясучимися руками твое блѣдое чоло? Ты желавъ собѣ „веселого“ жита, а теперъ прочто сидишь такъ засмученый? Что означае той глубокой проваль въ души твоей, та захмуренность душевна, та глуха безнадежность? Что то за сердце разрывающее рыданя, котрымъ плаче въ далекой далечины малеяька, сполошена, боязлива птичка? Милое потятко, что называлоса „чистое жита“ и котрое, доки ты не высудивъ его изъ твоего сердца, изъ теплого гнѣзда твоей чистой душѣ, черезъ довгѣ лѣта въ дружнымъ щебетаньемъ обгортало твое жита усмѣхомъ своимъ и щирою веселостью. Въ твоихъ „чистыхъ“ хвилинахъ чому переймае тебе смутокъ, что „въ твоей минушнѣ не е радости, въ будучности нѣтъ надѣѣ“? Чому склалоса се такъ? Бо неморальность одною рукою дала тобѣ хвилеву роскошь, але другою взяла отъ тебе тысяча разъ только сокровищъ.

А куды дѣлалася твоя енергя? Твоя активность, котра такъ упорно шептала тобѣ до уха: Розорви оковы! Будь свободный! Та ты теперъ ставъ свободнымъ и вольнымъ отъ законовъ Сотворителя, але разомъ мизернымъ рабомъ твоихъ ненасытныхъ тѣлесныхъ похотей. Позирай, якъ весело смѣются твоѣ товарищѣ! О, еслибы ты могъ еще разъ щирый быти, мавъ бы признати, что ты, коли на заказаной дорогѣ глядавъ щастя, вмѣсто радости налився горькой жовчи изъ самого пекла.

Ци ты уже чувъ переказъ про затоплений свѣтъ, про Атлантиду? Говорять, что коли погода красна,

можъ видѣти той затопленный городъ зъ его вежами, замками, фантастичными палатами и таемною красотою, наповняющий мсрознымъ страхомъ моряковъ, плавающихъ по той сторонѣ моря. Для сколько молодцевъ стаеся ся легенда смутною дѣйствостью! У сколько молодцевъ такъ молодо покалѣченныхъ и разочарованныхъ выбухае сердце горькимъ плачемъ и нарѣканьемъ, видячи ненагородимое спустошеня красоть цѣлого житя, весь потонувший прекрасный свѣтъ.

Ты знаешь, что розпушта естъ агента томъ на святѣ планы Сотворителя, злочивомъ противъ Его премудрыхъ законовъ и постояннымъ нарушеньемъ Его порядку. Кто допускаеся того грѣха, той нарушуе законы природы. А сего не може никто зробити безкарно, законы природы переступити безъ кары, безъ ушкодження самого себе не можъ.

Тѣлесна кара.

Друже мой, якъ чувствуешь, что покусы на твою тѣлесну невинность черезъ мѣру сильнѣ, коли зда- еся тобѣ, что ниякъ не можешь опертися докучливой силѣ пристрастей твоего тѣла, прошу тя усердно, пригадай собѣ съ моѣ слова, что любивъ бы напи- сати огненными буквами:

*Природа страшно мститъся на томъ,
кто своимъ неморальнымъ житьемъ
нарушуе чистоту людского рода.*

Неморальное жита може передовсѣмъ знижити твое властное здоровья и выкопати для тебе ранний гробъ въ твоихъ 25—26 рокахъ.

Кто презирае планы Божѣ и здѣлае ихъ предме- томъ низкихъ насолодженъ, може за се горько за- платити. Ты довѣряешъ своимъ молодымъ силамъ. Ты заслѣплено сербаешъ напою тѣлесныхъ роскошей и не думаешъ, что на сподѣ твоей солодкой чарки — може уже у три-четыри мѣсяцѣ — лишаются лишь горькѣ дрожѣ. Думаешъ, что тобѣ ничъ не може пошкодити? Думаешъ, что ся розграта жите- вой силы не мае конца? Гей, якъ настрашиша, коли природа одного дня предложить тобѣ свой рахунокъ!

Треба знати и есть то лѣкарями досвѣдчена рѣчь, что если ктось ожениться въ занадто молодомъ вѣ- ку (20—22 р.) ни онъ самъ, ни его дѣти не будутъ довго жити. И то зато, бо тѣлесный организмъ по- требуе до совершенного розвитку тыхъ соковъ, что спотребовалося въ передчасномъ супружескомъ житю. Больше якъ 20 лѣтъ працуюе природа, чтобы люд- ское тѣло — сей чудесный и complicated орга- низмъ — дойшло до окончательного довершения сво- его розвитку; и головно то важное, чтобы тѣ органы, котрѣ поклонканѣ для розмножованя людского роду, тихо и въ ненарушеномъ спокою могли разви- ватися.

Бо подумай, мой приятелю, якъ зруйнуючѣ наслѣд- ки муситъ мати для розвивающогося организма, если юноша въ рокахъ 14—18 стало роздражняе свой

половой органъ, если въ томъ вѣку дозрѣванія марнить свои молодѣ силы, что природа собираетъ на добычу супружеского спожития. Подумай, что тѣ соки, амарнованѣ грѣшными насолодженями были конечно потребитѣ для укрѣпленія хребтового мозга и нервовъ; подумай, что та зворушенность, зѣ котрою связанѣ съ тѣлеснѣ роскоши и тѣ судороги въ станѣ грѣшного насолодженя, котрѣ потрясуютъ всѣми нервами, якѣ шкодливо дѣйствуютъ на цѣлу нервову систему юношѣ. И якѣ все то подумаешь, легко порозумѣешь, откуда то, что суть „молодѣ люде“, котрѣ утратили быстрый и свѣжий зорѣ очей, съ мнлѣ проявы душевной невинности, на твари котрыхъ еще ледва появились черты мужескѣ, а рождѣ молодости уже повянули, у котрыхъ очи западѣ, голосъ ихъ хриплый и притупленый, лице блѣдое якѣ воскъ, котрѣ все утомленѣ, хоть сколько спочиваютъ, котрыхъ все болить голова, мучить ихъ безсонность, нервова система все больше розкладаеся и на конци грозить имѣ совершенное одурѣня...

Ничѣ на свѣтѣ не змарнюе въ такой совершенной мѣрѣ тѣлесный организмъ, якѣ сей грѣхъ. Якѣ пьяка ненасытна, такъ высисаетъ и сей грѣхъ физичнѣ силы юнака, стираетъ зѣ его лица цвѣты молодости и затемнюе въ очахъ его палающій огонь душевной веселости.

Наиновѣйшѣ лѣкарскѣ досвѣды показуютъ на то, что душевный станѣ у чоловѣка проявляется въ цѣ-

ломъ его тѣлѣ. Новый способъ терапіи (психотерапія) на основѣ сихъ досвѣдовъ стараея лѣчити хворый тѣлесный организмъ. Таксамо замѣчаея, что душевное пригнобленя розпустного молодца не въ малой мѣрѣ дае себе отчувати и въ цѣлой нервной системѣ молодца.

Ся постоянна нервова напруженость и вычерповованя житевой силы черезъ довгѣ лѣта не лишаея безъ дуже важныхъ наслѣдковъ. Такѣ молодцѣ — може колись першѣ были въ классѣ — починають занедбати въ науцѣ, утратять быстроту ума, свѣжость памяти и вытрвалость въ работѣ. Подобивъ они тому повѣдови, котрый крокъ за крокомъ утрачае свою скорость зато, бо топичь не въ котель огняка кидаетъ угля, але на край дороги...

Наше тѣло то „замкнена силова система“. Се только значить, что если мы при одномъ дѣланю з’ужили больше енергій, той „плюсъ“ не можеме доповнити извинѣ, але оно мае доповнитися изъ самого тѣлесного организма. Каждый „плюсъ“ означае ровночасно „минусъ“ на другомъ мѣствѣ. И такѣ та огромна напруженость нервовъ, въ котрую связано грѣшное зворушованя полового органа, причинае страшнѣ „минусы“ въ другой области людского организма, наслѣдкомъ чого здорова, свѣжость памяти, ума понятливость и житева енергія значно уменшаються.

Загляну въ очи такого нещастного молодца. Боже мой! Сѣ западѣ очи еще цѣлкомъ дѣточѣ, сѣ скривленѣ черты лица еще все лишь дѣточѣ черты! Сей еще не проживъ столько, чтобы его лице могло въ такой мѣрѣ умужити. *Tantillus puer et tantus pessor* (Св. Августинъ). Такой малый дѣтвакъ, а уже акъ великий грѣшникъ. Та такъ скоро перемѣняея редостна весна въ смутну осѣнь?!

Гнигя живцемъ.

Неморальнѣ зносины зъ розпустными женщинами мають еще и своѣ особливѣ хероты. Сыну, перо трясея менѣ въ руцѣ, коли про се пишу, однакъ

мушу писати, бо въ семь крыеса трагична судьба много тысячъ молодыхъ людей. Ты може о сихъ трагедіяхъ еще не чувъ, але я не могу передъ тобою замовчати, бо хочу тебе охоронити передъ погубными наслѣдками, вытекающими уже изъ одного одинокого неморального учинка, чтобы потомъ не требало тобѣ проклимати ту нещастну минуту, подобно столько многимъ нещастнымъ жертвамъ, котрѣ лишь разъ хотѣли попробовати грѣшну роскошь зъ вопсутыми проститутками.

Знай отже — мой любый приятелю — что ты леико можешь черезъ половъ зносимы зъ тыми женщинами, котрѣ зовсьмъ отдалися неморальному способу житя, приобрести (доста одимъ одинокий случай) таку хвороту, котра знищить на цѣлое житя твое здоровля, изъ котрой хвороты николи не можешь выздоровѣти, котра затроить твою кровь и котру ты перенесешь — на твою жону, на дѣтей, на внуковъ. Всь твою потомки зараваться твоею паскувною венеричною хворотою и проклинати будутъ твою память, память того отця, котрый своимъ блуднымъ житьемъ лишивъ на нихъ такое страшное наслѣдство.

А ци знаешь, что сѣ венеричнѣ хвороты въ якой огромной мѣрѣ суть розширенѣ межи людьми? Ци знаешь — мой милый приятелю — что одна изъ сихъ ветеричныхъ хворотъ т. зв. сифилисѣ сама одна пожирае больше людскихъ жертвъ, нежели колера, чума и жовта горячка разомъ?! А на сѣ хвороты зъ якимъ великимъ страхомъ думаетъ людство! Заосновуются окремишиѣ товариства, котрѣ в'одно зъ правительственными кругами стараются ограничити розширення сей пошести, стараются о то, чтобы одиницѣ, зараженѣ сею венеричною хворотою, были отокремленѣ отъ прочихъ людей, установляють спеціальное клеймованя (позначованя) зараженныхъ, цѣль чого: охорона здоровыхъ и честныхъ людей. Статистика ассекураційныхъ товариствъ свѣдчить о томъ, что люде, зараженѣ сифилисомъ, безъ огляду на всякое возможивое лѣченя, живутъ пересѣчно о десять

лѣтъ меньше, чимъ прочѣ люде. Эъ симъ связана и та смутна обставина, что ся хворота здѣлае чоловѣка склоннымъ до всякихъ иншихъ хворотъ; просто скажучи, чоловѣкъ стае забавою рознородныхъ хворотъ, утративши всяку силу отпора супротивъ якихъ нибудь иншихъ тяжкихъ недугъ.

Зараженный сифилисомъ — въ третемъ его періодѣ — сильно страдае отъ великой горячки, на тѣлѣ повстають чиряки, раны, проникающий боль коле его кости и мязи, голова болить до здурѣня, запаленя кожѣ, очей и железъ и всякъ кирковѣ недуги выступаютъ одна за другою; хворый отчувае смяну утому, однакъ заспати не може. Въ дальшихъ фазахъ развитку сей хвороты поднебѣня у чоловѣка продѣравктъся якъ решето, носова кость гине, чимъ тварь хворого достаетъ страшный выразъ. Вся будова костей знищитъся, жилы сердца все больше розширяются и на конци отъ великого напруженя — пукнуть. Нещастный попробуе всякъ средства для лѣченя, але годѣ, утраченое здоровля больше не вернеся. И кончаеся ся хворота высыханьемъ хребтового мозга (*tabes*), змягченьемъ мозгу (*paralysis progressiva*) и слѣпотою. Правда, суть и на сю хвороту серумы, але самѣ лѣкарѣ признають, что сѣ серумы не всилѣ хвороту совершенно выкоренити; она укрываеся за довший часъ, разъ лишь нагло выбухне элементарною силою и тогда нѣтъ помочи.

Думаешь, что я преувеличаю страшнѣ наслѣдки сяхъ хворотъ? И хочу тебе лишь страшити? Бо — якъ ты скажешь — такъ рѣдко чути о сей хворотѣ. Рѣдко чуешь зато, бо той, кто находится у власти сей хвороты, стараеся сю паскудиу хвороту затанити передь людьми. Окремъ того ся хворота запановуе своими жертвами дуже часто *подѣ цѣлкою иншими именами*; хйба лѣкарѣ могли бы повѣсти, что сколько передчасныхъ хворотъ легкихъ, почекъ, мозга, костей мае свой корѣнь якъ разъ въ сифилисѣ.

Одинъ французский лѣкаръ, котрый якъ разъ у венеричныхъ хворотахъ бывъ сѣтославнымъ фаховцемъ, сказавъ: „Кто Бога не боится, най боится сифилиса“. Лѣкарѣ, котрѣ знаютъ причины многихъ

хворотъ, можуть посвѣдчити, что ся хворота въ сто и сто видахъ и формахъ володѣе своими жертвами и зъ жалемъ констатують, якъ страшнѣ и печальнѣ наслѣдки мае ся страшна хворота. Неодинъ чоловікъ въ повнотѣ своего здоровля, на найвысшой точцѣ своей публичной дѣяльности, въ повномъ розвитку своихъ силъ, въ серединѣ своего житя (40—55 р.) мае пускати ся въ темный гробъ лишь зато, бо переступивъ шесту Богу заповѣдь: Не чужоложь!

Стародавний грецький переказъ оповѣдае про людску потвору зъ головою быка, котрого король Минось замкнувъ въ лабиринтъ на островѣ Кретъ и котрому атенцѣ кожного року мали жертвовати сѣмь найкрасшихъ хлопцевъ и сѣмь найкрасшихъ дѣвчатъ. Се лишь переказъ. Але яке огромное есть число

тыхъ красныхъ хлопцевъ и дѣвчатъ, котрѣ кожного року знищенѣ страшною хворотою-сифилисомъ и падають въ глубину тѣлесной и душевой пропасти!

Навѣрно чувъ есь уже про свѣтославного маляря Леонардо да Винчі и про его славный образъ: Тайна вечера? Але навѣрно не чувъ про ту исторію, котра связана зъ зготовленьемъ сего образа. Художникъ довго роздумовавъ, де найти отповѣдного чоловіка, котрый бы служивъ ему моделомъ для воображеня величавого лица Спасителя. На щастя найшовъ онь межи спѣваками церковного хора одной римской церкви незвычайно красного молодого чоловіка. Петро Бандинеллі, такъ назывався той спѣвакъ, зъ радостью принявъ ролю модела для змальованя лица Спасителя. Минули мѣсяцъ и мѣсяцъ, минули и роки,

але образъ „Тайной вечерѣ“ еще все не бывъ готовый. Художникъ не мавъ отповѣдного модела для предателя Юды. Онъ глядавъ для лица Юды такого чоловѣка, на твари котрого отбилася бы вся та погань, что есть причиною грѣшного житя и вся та злоба, котра по мнѣнію людей такъ выразно характеризуетъ Юду. Коли одного разу прохожовавъ улицями города, увидѣвъ молодого чоловѣка зъ лицемъ зопсудой людини и выразомъ на твари всякой подлости и людской злобы. Якъ разъ отповѣдный модель для Юды. Художникъ почавъ зъ него малювати образъ предателя, коли нагло выпавъ изъ его рукъ пемзликъ и художникъ зъ жахомъ познавъ въ особѣ нового модела Петра Бандинеллі. Нещастный молодець, котрый передъ двома роками могъ служити моделомъ для воображеня лица Спасителя, наслѣдкомъ грѣшного способу житя ставъ подобнымъ проклятому Юдѣ. Тварь Иисуса Христа подъ двома роками перемѣнилася въ Юдиное лице.

О, еслибы овалися тихъ гробы кладовищъ! Ть тихъ гробки, котры ховають въ собѣ только молодыхъ людей, только красныхъ надгъй, котры такъ скоро вступили въ царство вѣчной темноты наслѣдкомъ розпустного житя!

А теперъ — друже мой — запри на хвиливу книжку и застановися надъ словами св. Письма: Яце кто Божій храмъ растантѣ, растантѣ сего Когъ; храмъ во Божій скать есть, нжи есте вы. (1 Кор. 3, 17).

Страшна отвѣчательность.

Але не лишъ ты самъ гинешъ! Бо якъ наслѣдкомъ одного одинокого грѣшного насолодження можешъ заразитися бациллами сифилекса, такъ легко можуть и другѣ, твоя невинна родина, твоя цѣла окружность заразитися страшною хворотою. Коли твоею зараженою рукою имишь клямку дверей, потиснешь руку приятеля, або твою ложку, щеточку уживае ктось другий, п'е изъ твоего стакана, утираеся твоимъ ручникомъ, твоя страшна хворота легко може перей-

ти на другого и ты ставъ причиною ихъ страшной хвороты. Такимъ способомъ ты являешься пострахомъ для цѣлой твоей окружности, каждый буде тебе бояться, бо ты можешь стати погibelью для каждого навинного, котрого лиха доля зведе зъ тобою.

Одному 15-лѣтнему хлопцеви сифились передѣравивъ поднебѣня и повставъ отворъ межи полосою рта и носа. Выявилося, что хлопецъ бывъ зовсѣмъ невинный, лишь въ лѣтъ, працюючи межи роботниками, зараженными венеричною хворотою, пивъ изъ ихъ стакана.

Если у тебе лишь крыхта чести, то ты мавъ бы свою властну матѣрь отодвинуту отъ себе и закричати: Иди, иди отъ мене, мамо, не поцѣлуй мя, бо я ношу въ моемъ внутрѣ смерть и пекло. Але ты идучи — скажѣмъ по матурѣ — зъ дому прощаешся зъ нею и зъ твоимъ поцѣлункомъ переносишь на свою родну матѣрь бациллы твоей паскудной заразивой хвороты. Чувствуешь ту страшну отвѣчательность, что тяготить на твою душу? О, та перша проклята, грѣшна ночь!

А что тогды, коли ты, обтяженный такою хворотою осмѣлился заложити фамилію! Не залъся твое лице соромомъ, что ты зараженный такою страшною заразою смѣешь приковати до себе на цѣлое житя невинну и чисту дѣвчину? Дѣвчину, котра въ цѣлой своей молодости зъ святою встыдливостю думала на своего грядучого бѣлого рыцаря, на будучого жениха и мужа идеального и характерного. А ты душевна и тѣлесна руина, ты вопсута погань, берешсю невинну дѣвчину за жону и на вѣки привязуешь еѣ до себе, заражаючи и еѣ на цѣлое житя, ту дѣвчину, котра бы была заслужила подобного до себе чистого молодця.

Житя показуе отстрашающѣ примѣры. Суть прекраснѣ здоровѣ дѣвчины, котрѣ вступили въ супружеский союзъ зъ невинною душою и сердцемъ, а у пару дней по вѣнчаню, доставши страшну венеричну хвороту, вянуть и хворѣють и черезъ роки, десяти-лѣтя мучаться въ найкрасшомъ роздвѣтѣ житя отъ

той хвороты, что достали отъ своихъ мужовъ, зараженыхъ разпуснымъ житьемъ грѣшной молодости.

Потомъ приходятъ дѣти. Бѣднѣ сотворея, лѣпше бы было имъ николи не увидѣти Божого свѣта. Уже въ другомъ, третьемъ мѣсяцѣ по нароженю выступаютъ у нихъ признаки сифилиса и ледвы дакотрое изъ нихъ доживе до шестого мѣсяця житя. И еслибы и остались въ житю, то упадутъ жертвою сей недуги въ рокахъ межъ десятымъ и двадцатымъ и будутъ все слабѣ, сухораявѣ, будутъ страдати изза очной хвороты и ихъ печальну спадщину достануть и ихъ дѣти, внуки и такъ буде продолжаться твое проклятя вдовжъ цѣлыхъ генерацій. Треба знати, что одна изъ сихъ венеричныхъ хворотъ (гонореа — триперъ) притягае за собою окремъ иншихъ поганыхъ наслѣдковъ такожь слѣпоту (blennorrhoea neonatorum). Въ заведеню слѣпыхъ въ Мюнхенѣ 73% питомцевъ утратило зрѣніе якъ разъ наслѣдкомъ сей хвороты. Я знаю одну фамилію, въ котрой перша дѣтина заразъ по нароженю ослѣпла; коли народилася и друга, она такожь скоро утратила зрѣніе; таксамо и третья. Глядаючи причину, лѣкаръ констатовавъ, что причиною слѣпоты нещастныхъ дѣтей была венерична хворота отца, котрый про свою хвороту уже давно забывѣ. Нещастный чоловікъ здурѣвѣ, коли дознався, что его разпусное житя позбавило зрѣніе его невинныхъ дѣтей. Смутнѣ жителѣ заведеня слѣпыхъ, домовъ дурныхъ, цѣлѣ громады умовохворыхъ и слабоумныхъ суть отстрашающимъ доказомъ страшного спустошеня, причиненного венеричными хворотами. И чтобы сю страшну заразу достати, доста одинъ одинокий случай...

Скажи, мой друже, ци стоить заплатити таку огромну цѣну за ту коротку роскошь? Якъ правдиво высказався Демостенъ, коли одна разпусница спокусила его на тѣлесный грѣхъ: Tantı peenitere поп esto — Не смѣю ввяти на себе таку страшну покуту.

Въ связи зъ сямъ грѣхомъ дословно доказана правдивость того грозного изреченя Бога, что за грѣхи отцевъ будутъ каранѣ дѣти и внуки до четвер-

того поколѣня... Съ другой стороны той, кто свою кровь подержавъ въ чистотѣ, кто себе передъ супружествомъ не осквернилъ грѣхомъ тѣлеснымъ, той лишивъ на своихъ дѣтей спадщину, яка больше стоитъ чимъ миллиардовый мастокъ... Одинъ такой отецъ писалъ менѣ слѣдующѣ рядки: „Коли мой сынокъ подивиться на мене своими блискучими очима и сердце мое наповняеся радостью, видячи силу и здоровая его тѣла и его душевну свѣжость и невинность, тогда и крыхты не шкодую, что я довгѣ лѣта борюся зъ собою, бо знаю, что я провадивъ борьбу не лишь въ интересѣ своего власного добра, але и въ интересѣ добра цѣлого ряду поколѣнь и ся борба выплатилася.“

Зиарненѣ надѣѣ.

Одного рана зъ недорозумѣниемъ дивився я на рѣку Тиса. Котилася въ еѣ руслѣ брудна, каламутна вода. Откуда взялася ся огромна грязь? Ани у насъ, ани въ нашой близькой околици въ послѣднихъ дняхъ не падало. Лишь другого дня читавъ въ газетахъ, что далеко отъ насъ, дагде въ горахъ была велика буря и рѣка принесла зъ собою то болото и пѣсокъ, чога набралася на своемъ вышнемъ току, можно бы сказати „въ своемъ молодомъ вѣку.“ И не помогло, что при еѣ среднемъ и нижнемъ току уже не было дождю и до кеѣ не досталося больше грязи и болота, и притоки еѣ доставляли уже чисту воду; разъ запаскужена вода больше не могла очиститися.

Друже мой! Се есть дуже вѣрный образъ житя, оскверненого въ молодости, отъ клятвы котрой и въ мужескомъ вѣку не можъ освободитися. Зазначи собѣ добре: о много легче остатися чистымъ, чимъ разъ запаскуженое житя зновъ очистити.

А теперъ прочитай съ листы, что заслали менѣ моѣ студенты по прочитаню сей моея книжки. Сколько горя, сколько отчаянїи и сколько страченыхъ надѣй вычитаешь изъ нихъ. Всѣ они оплакують пер-

ший гибный крокъ, тѣ першѣ мѣсяцѣ, коли они отдалися неморальному житю и никто не стоявъ при нихъ, чтобы варовати ихъ сего грѣха и здержати ихъ отъ бездонной пропасти. Читай и будь осторожный, чтобы и тобѣ не пришлось колись написати подобнѣ листы.

Дорогий Отче Духовный!

Не знаю якъ почати. Якась неодолима сила спонукуе мене до писаня. Отче духовный, послушайте

мене. Если вы мене послушаете, здѣлаете мене зновъ щастливымъ, наповните мое сердце зновъ надѣю до дальшого жия.

Бывъ я одинокою надѣю моей матери, вдовицѣ. Коли я зъ нею передъ двома роками попрошався, она мене горячо поцѣловала и вручала мене въ опѣку всемогучого Отця. И Богъ мене не оставивъ. Черезъ довгѣ лѣта бывъ я межи першими учениками классы. А теперь? Сего року уже провалився изъ трехъ предметовъ. И что была сему причина? Запановавъ мною якийсь грѣхъ, ци проклятя, имя которого и выповѣсти соромъ. Я ставъ рабомъ тѣлесного грѣха. Заволодѣвъ цѣлымъ моимъ ествомъ, всѣми моими силами. Подчасъ, роздвняныхъ ферій у одного

моего приятеля — най его Богъ благословить за се — увидѣвъ я вашу книжку: „Чиста молодежь“. И я сю книжку зъ великимъ заинтересованьемъ прочитаю. Отче мой, что я чувствовать? Зворушилася моя душа. И подь влияемъ прочитаной книжки здѣлавъ я святой обѣтъ. И было у мене довольно силы вѣрно держатися сего обѣта; отколи прочитаю книжку, ани разъ не провинився противъ тѣлесной чистоты...

Смутное жита провадится туй въ нашей школѣ. Многъ изъ моихъ товарищовъ уже глубоко заглянули въ укритѣ тайны природы. Отче духовный, вашу книжку уже многъ прочитали и котрѣ прочитали, сказали: По сему больше ани разъ нѣтъ... Отче духовный, отпишѣть менѣ и перебачте за мой урывистый стиль; бо такой мой душевный станъ... Пишѣть хотъ пару словъ. Одну душу здѣлаете щастливую...

Другий листъ.

Изъ глубины пропасти, изъ глубокого выру грѣшныхъ пристрастей звертаюся до васъ, если еще не поздно, помогѣть менѣ, Отче мой духовный. Недавно, може еще и година не минула, что я зробию той грѣхъ, котрый пануе мною уже три роки. Постоянно такъ чувствую, что дачто урвалося въ мнѣ, души моя порожня, якъ пустыня; боюся, что уже довго не выдержу. Уже не годенъ емъ дале носити сей душемордующий тягарь совѣсти. Сей грѣхъ тискае мене такую силою, что не разъ думаю, лѣпше спочивати въ темномъ гробѣ, въ студеной могилѣ, чтобы розтлѣло мое грѣшное тѣло.

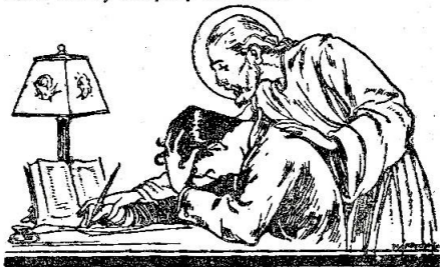
Отче духовный, хотѣвъ бы я передь Вами щиро и отверто открыти мой страшный душевный станъ и указати вамъ всю тѣнь, весь порокъ моего мизерного жита. Зъ другой стороны зновъ думаю, что все то излишнее, даремное и головное поздно, бо для мене уже нѣтъ жадной помочи. Всетаки жене мене якась невѣдома сила, якийсь житевый истинкѣтъ, зробити сей послѣдний экспериментъ, глядати прибѣжище и просити у Васъ послѣдной помочи.

Въ моихъ 9—10 рокахъ научився я отъ моего одного товарища грѣха тѣлесного; попробовавъ разъ и оттогда — тысяча разъ. О, еслибы бывъ ктось коло мене въ той проклятой минутѣ, еслибы ктось напомянувъ мене на страшиѣ наслѣдки сего першого грѣха и здержавъ бы бывъ мене сильною рукою отъ сего грѣха, тогда не гомонѣло бы постоянно въ моихъ ухахъ: „въ минулости нѣтъ радости, въ будучности жадной надѣѣ“ — что „уже все пропало, уже всему конецъ“, тогда не давали бы мене споминны моей страченой молодости. О, якъ хотѣвъ бы я знову начати мое житя, зновъ жити чисто, невинно и щастливо! Сколько разъ заблissime въ моемъ внутрѣ думка: А если се лишь сонъ и я пробужуся изъ сна и буду зновъ чистымъ и блаженнымъ молодцемъ. Але пробуженя изъ сего сна горькое и смутное! Зѣ малемъ сердца констатую, что я ступивъ на похилу площу, а теперъ недержимо кочуся въ пропасть. Спершу моя совѣсть протестовала, плакала докоряла, але роскошь указалася успѣшною нарकोзою и голосъ совѣсти ставъ все тихшимъ, доки тѣло цѣлкомъ не запановало мною. Никто не чувъ моего тихого рыданя, никто не здержавъ мене на похилой дорожѣ, не мавъ я въ сей боротьбѣ при боцѣ ани приятельв моихъ ани родителей, бо я страшно ганьбився передъ ними и не смѣвъ бы быевъ имъ зрадити въ якомъ грѣсѣ нахожуся.

И ставъ я все больше притупленнымъ и нервознымъ. Теперъ не интересе мене ничъ на свѣтѣ. Ани учитися не годенъ. Выгорѣла моя душа и стала порожною. Не е спасенія. Тыждень — два еще якосъ, напруживши всѣ моѣ душевиѣ силы, здержуся, але потомъ мушу упасти, бо безъ тѣлесного грѣха я уже не годенъ жити. Уже и тому не радуюся, если удасться менѣ побѣдити искушеніе; порожна, цѣлкомъ порожна моя душа. *Уморила ея, цѣлкомъ забила роскошь. Уже мѣ ж вѣру утративъ. Не е иншого ратунку, хйба забити себе; але и до самогубства не маю енергій. Забивъ мене на смерть той грѣхъ, что я его колисъ такъ ненавидѣвъ и котрымъ такъ страшно мерзився. Знаю, добре знаю, что ся дорога кончаеся смертю...* Я знищенный душевно, тѣлесно... мене уже не можъ спасти.

Однакъ, если Вы отче духовный такъ думаете, что для мене е еще надѣя, если такъ судите, что мене еще можъ бы поднять, розмилосердѣться надо мною, вырвѣть мене изъ сей душевной пропасти и поможѣть менѣ.

Еще одинъ листъ. Написавъ студентъ своему товарищу, котрый порадивъ ему пойти до о. духовного. Зговорилися, что онъ поведе его. Але студентъ на поговорену встрѣчу не пришовъ. Вмѣсто себе заславъ своему товарищу сей листъ :

Любый приятелю!

Знаю, что ты чекавъ мене. Якъ видишь, я не пришовъ. Не гнѣвайся на мене за се, бо я зовсѣмъ депримованный, моѣ душевнѣ силы цѣлкомъ знищенѣ.

Не пришовъ, бо не вижу жадной цѣли дальшого труда; я уже цѣлкомъ отказався отъ надѣѣ полѣпшеня и дальший ходъ моей судьбы лишивъ на природный розвитокъ недержимого скону... Дны моѣ почисленѣ... уже и для того не маю силы, чтобы звернувся къ Богу. Се е початокъ моего зѣчного осуженя... я пропавъ не лишъ тѣлесно, але и душевно. Еще любивъ бы за грѣхи моѣ жаловати, але не маю ни силы, ни вѣры.

Теперь уже не творюся ничимъ, свѣтъ мене больше не интересуе... уже лишъ одного чекаю, чтобы

спустилася окончательно заслона моего жита... Не шкодуй мене, бо мене хиба чудо може спасти...

У пару мѣсяцевъ пришла до мене вѣстка, что сей студентъ умеръ...

Самоубийство учениковъ.

Видишь, передъ тобою чудовое званіе — потоптано въ болото; орелъ, сотворенный для высокаго лету — зъ поломаными крылами б'есея въ багнѣ; мужеский характеръ — пониженный; молодое жита — повалено, покалѣчено. Юноша, котрый въ своемъ одушевленю хотѣвъ спасти весь свѣтъ, теперь самъ стогне въ оковахъ рабства и невылѣчимой мизеріѣ. Ся, колись така палка, одушевляюча душа, въ котрой кипѣли высоколетнѣ планы будучности, теперь знесилено, зневлѣрено корчиться подъ тягаремъ проклятя, бо онъ не умѣвъ зберегти отъ морозу весняного нѣжнѣ пучки своей благонадежной молодости.

До того причислѣмъ еще твердѣ докоры скорше ци подяйше пробужаючої совѣсти, страхъ передъ физичными и моральными наслѣдками своего проклятого поступка и тогда можъ порозумѣти, что меланхолія и отчаяніе, якъ чернѣ вороны заволодѣють его душою. *И сей бѣднѣй хлопчина, тѣлесно, душевно калѣка еще ледвы має 18—20 лѣтъ...* Надъ нимъ уже туй на земли сповнилися слова св. Письма: *Бжеернымъ и влѣдхъ творацимъ часть нмѣ (буде) въ взрѣкъ горацимъ огнѣмъ и жѣпеломъ, ежи вѣсть смѣрть втораѣ.* (Апок. 21, 8). Суть хлопцѣ, котрѣ коли похопили смутнѣ наслѣдки своего проклятого звычая, натолько змарнили уже своѣ душевнѣ силы, что всѣ ихъ, хоть и найтвердѣйшѣ поставновы, якъ тонкий папѣрь ровдираються въ бури тѣлесныхъ пристрастей. И видячи сю невыглядну и даремну борьбу, не дивно, что заволодѣе ихъ душою якась безименна горькость, розбивають все, что попаде въ ихъ руки, але дарьмо, дарьмо, годѣ освободитися...

Прочитай лишь уважно сей листъ, что написавъ одинъ молодець своему товаришу:

„... Въ моемъ великомъ смутку ты часто указався мнѣ вѣрнымъ прителемъ и не разъ дивовався, что я не могу поправитися. Але то, что для мене найстрашнѣйшее, ты еще не знаешь. Я не разъ хотѣвъ уже передъ тобою открыти свою душу, але слова не приходили на моѣ уста. Но теперь уже буду говорити, а ты навѣрно осудишь мене. Коли всѣ хвалили мене и обсыпали знаками своей любви, я тогда уже тѣлесно пролавъ; заразився звычайемъ тайного и поганого грѣха. Се моя хворота. Мене мордуе темна меланхолія; что я тѣлесно терплю, то мене такъ дуже не обходить, але что душа моя такъ надмѣрно пригноблена, то просто незносимое. Я не всилъ уже думати. Для мене всяка наука праця мука; моѣ думки кружляють у вырѣ всякихъ неморальныхъ воображень и не дають менѣ спокою ани въ дни, ани въ ночи; борюся ними, кричу, нарѣкаю, лютуюся — все даремно. Якъ я глубоко упавъ! Навѣрно скажешь: молися! Радо бы зробивъ, але не могу. Менѣ уже и то не поможе. Уже не разъ установивъ день, годину и мѣсто, де себе забю; але тогда появився передъ мною образъ моихъ родичовъ. Моѣ милѣ родичѣ, браты-сестры и не можуть собѣ представити, якого недостойного обгортають своею любовью. Ци маю имъ причинити таку прикрость, что ихъ сынъ, ихъ братъ ставъ самогубцемъ? Лишь се одно здержуе мене. Нащиви мене чимъ скорше,... або лѣпше, если не прийдешь. Я сего не заслугую. Молися за мене, чтобы Господь Богъ розмилосердовався надо мною, если вовсе есть еще для мене милосердіе...“

Ци такъ, уже и ты читавъ або чувъ, что 16-18 лѣтиѣ хлопцѣ допустилися самоубийства изъ причины „знеохоты до житя“? Шѣстьнадцятлѣтній хлопецъ знеохоченый до житя! Роздумуй лишь мало! Хлопецъ, котрый про житя властиво еще ничего не може знати, для котрого еще лишь теперь отворяются широкѣ брамы поважныхъ, мужескихъ задачъ — знеохоченый до житя! Звѣдаешся за причину? Куля, выстрѣлена изъ оружія молодого самоубийника есть

последнюю точку затраченного жита, логичнымъ концемъ неморальной молодости...

Послухай лишь, яка подъя приключилася недавно. Бѣдна вдовица мала одинокого сына. Онъ бывъ для матери своей одинокою утѣхою, опорой и живителемъ еѣ. Бывъ онъ серьезный, характерный юноша. Зѣ импонующею моральною повагою отстранивъ отъ себе всѣ приманы своихъ легкодушныхъ товарищевъ, коли они хотѣли его заманити въ пещеру розпусты. Слова катихита и глаголы Вѣчной Правды были для него щитомъ въ оборонѣ тѣлесной невинности. Але вопсуть товарищѣ не дали покою. Само собою, кто по шиѣ сидитъ въ грѣсѣ, того спонукое зла совѣсть и другихъ затягнути въ багво грѣха. Приятелѣ все сильнѣйше приманывали его... то глумилися надъ нимъ, то высмѣвали... на конци поддався. Не минуло много часу и на здоровомъ тѣлѣ и благородной души юнака страшна хворота вырыла свое огидливое клеймо. Нещастный не могъ довго носити сю тяжку кару своей нерозсудности и откинувъ отъ себе жита... При его мертвомъ тѣлѣ стояла карточка — одинокое наслѣдство за нимъ для матери — „Мамко прости меня и молися за мене“.

Трагична смерть нещастного хлопца выкликала у людей широе співчувство, але передъ тобою, сыну мой, ясно, что онъ самъ собѣ причинивъ сю смутну кончину. Онъ хотѣвъ зорвати заказану рожу, а вмѣсто того бодаки поколоди его на смерть. Онъ збунтовався противъ законовъ, что вложивъ въ душѣ людей самъ Сотворитель и противъ котрыхъ никто не може повстати безкарно. *Противъ заповѣди Бога, котра каже: Не чужоложь!*

Небосажный, стрункий, молодой дубъ — зломаный надвое, семибаревный мость веселки на небосклонѣ — звалився въ пропасть, чаровна красота чудовой будучности — покрыта на вѣки темною заслоною...

Се есть найглубшее дно душевной пропасти... Смутна доля, смутна кончина...

Борьба изъ змѣемъ.

V.

Борьба изъ змѣемъ.

Сыну мой, подивися на мене, чтобы могъ добре заглянути тобѣ въ очи... Такъ... я сего и сподѣвася. Поломѣнь незломной упертости горить въ нихъ. Голосно б'е твое сердце отъ твердыхъ и святыхъ постановъ; тихо тремтять твоѣ уста подъ тягаремъ важныхъ рѣшенъ. Твоѣ палкѣ очи и жаркое сердце вмѣсто молчаливыхъ твоихъ устъ голосно и выразно свидчатъ, что въ глубинѣ душъ твоей завязалася свята постанова: „Такъ, если и Богъ такъ хоче, я такъ далеко не зайду! Хоть бы и свѣтъ звалился, хоть бы и земля рушилася подо мною, хоть бы и звѣзды зъ неба упали на мене, такъ далеко я ... нѣтъ нѣтъ, николи. *Malu mori, quam foedari.* Волѣю умерти, якъ себе осквернити.“

Такъ, такъ, мой друже! Сего я отъ тебе ожидавъ. Зато скажу тобѣ еще разъ, подивися на мене. Та дѣйстно не хочешь такъ далеко зайти? Не хочешь, якъ незрѣлый, черваковатый овочъ передчасно упасти зъ дерева людства? Не хочешь грубыми чоботами столочити прекраснѣ цвѣты твоей загорды? Не хочешь оинати допытливого погляду твоей матери и сестеръ? Не хочешь быти проклятымъ розсадникомъ заразливыхъ бацилловъ, спустошающихъ и отрующахъ тѣлеса и душъ твоихъ домашнихъ? Не хочешь быти постояннымъ пострахомъ для людей здороваго тѣла и благородной душъ? Не хочешь волокиты

свое нужденное тѣло черезъ цѣлое твое житя, якъ огидный бездушный скелеть? Не хочешь стати подобнымъ до ряды и паскудной помытки? Не хочешь зничити свое здорovia, характеръ и честь? *Нѣтъ! Ты всего того не хочешь. Вижу изъ твоихъ очей.*

Сыну мой дорогой, не бойся! Если у тебе така сильна буде и воля, якъ теперъ твоя постанова, не бойся, николи не дойдешь до сего смутного стану.

Есть поворотъ.

Але може чось иншого вижу я въ твоихъ очахъ? Захмуреня — смутное, болѣзненное. Спомини — пригнобляющъ и тревожливъ. Память давно, въ невѣжествѣ свершенныхъ грѣховъ супровожае тебе и держитъ тебе въ пафну и спиняе тебе сильными узамы грѣшного привычаеня. Безименный смутокъ рыдае въ тобѣ: О, чому не прочитавъ я сю книжку уже передъ двома-трема роками! Я то все вижу на тобѣ, вижу твою душевну боротьбу, твое вагающее колебана, вижу твой пригнобленный душевный смутокъ.

Прочиташи дотеперѣшнѣ заглавія сей книжки, запалився въ твоей души огонь, при свѣтлѣ котрого може зъ страхомъ пригадуешь собѣ, что ты давенъ — давно еще въ народной школѣ, въ товариствѣ вопсутыхъ дѣтей, робивъ такъ дѣла, о злобѣ котрыхъ ты еще тогды не бывъ свѣдомый и лишь теперъ заблиске въ душу твою та свѣдомость, что ты властиво великий грѣшникъ. Моя душевна святыня уже въ руинахъ, я морально вопсутый чоловікъ.

Нѣтъ, дорогой мой, нѣтъ... не впадай въ отчаяніе! Каждый лишь въ той мѣрѣ отвѣчае за своѣ учинки, въ якій мѣрѣ свѣдомый бывъ тогды, коли той учинокъ робивъ. Богъ судитъ тебе не по твоему теперѣшнему познанѣ, але по тогдашнему. Ты не думай теперъ на твоѣ давнѣйшѣ несвѣдомѣ заблуженя, и не творися ними, але готовися до нового идеального житя. Не бѣдкайся надъ тымъ, что минулося, але радуйся тому чистому житю, что по сему слѣдуе. Не есь ты еще скаженный хлопецъ и еще не розвалилася святы-

ня въ твоей души! И не смѣй выречи то слово, что на твоихъ устахъ... Не... не... сего не допушу.

Такого слова для молодого человѣка не е! Николи не смѣй выповѣсти се страшное слово: *Уже поздно*. Знаю, что хочешь симъ сказать, але то не правда, еще все не поздно. Чимъ больше сповдился, тымъ скорше маешь вернуться назадъ.

Навѣрно знаешь причту Спасителя о блудномъ сынѣ. Чувъ есь про того отца, у которого молодой его сынъ выпросивъ свою частку, оставивъ отцевскій домъ и прогайновавъ весь свей маетокъ. А коли все змарнивъ, упавъ въ таку нужду, что мусѣвъ натися до свиней, чтобы изъ голоду не умеръ... и кормився помыями, але и тыхъ не дали ему доста... И тогда заблснула въ его души думка: Иду и вернуся назадъ до отца моего, може онъ розмилосердиться надъ мною. А отецъ, такъ неблагодарно оставленный сыномъ своимъ, зъ розпростертыми руками обнявъ своего блудного сына...

Той блудный сынъ, чтобы навернуться дому, потребовавъ до сего сильной воли и рѣшучой постановы. Бо и его здержовало багно грѣшного житя и его тягла назадъ до грѣха сила привычки и его плѣнили майже неодолимою силою пристрасти, але онъ сильно ударивъ пястью, рѣшучо выскочивъ изъ вонячого багна (хотя правдоподобно довго лежавъ въ немъ) и непохитною волею, невычерпаемою вытревалостью и заохоченый надѣєю красшой и чистѣйшой будучности вырुшився въ напрямъ до отцевского дому. Въ души каждого человѣка, хотъ и найподавѣйшого мерехтитъ блѣдный поломѣнь доброты, але се утямить лишь той, кто любить его и довѣряе ему. Сыну дорогой, хотъ якъ глубоко ты упадъ, хотъ якъ розвалины на мѣстѣ твоей колишней святынѣ, хотъ якъ подерта одежда душѣ твоей, перша моя просьба до тебе: вѣрь собѣ! *Вѣръ непоколебимо!* Вѣруй словамъ мудреца Сенеки: *Parva sanitatis velle sanari* — кто хоче стати здоровымъ, той изъ части уже выздоровѣвъ.

Пару словъ къ тымъ, котрѣ борются.

А теперь най скажу пару заочующихъ словъ къ тымъ, котрѣ по своей неосторожности або подь влиявомъ своихъ отсутыхъ товаришовъ ослабли, упали, и то больше разъ упали, але теперь хотѣли бы встати и пускаются въ побѣдоносный бой за чисту, непорочну жизнь. Съ не разъ скушать, якъ тяжко увольнитися отъ грѣшной привычки. Роки и роки будутъ боротися и зновъ упадутъ въ той самыи грѣхъ. Любивъ бы я имъ додати смѣлости, хотѣвъ бы имъ духа дати, чтобы въ борбѣ не охляли, борьтбу не залишали, но продолжали до окончательной побѣды.

Сыне мой, еслибы ты зновъ упавъ, то сей новый грѣхъ уже не такой, який бывъ передъ тымъ. Господь Богъ теперь видитъ, что ты сего грѣха уже не хочешъ (якъ хотѣвъ есь переже), что приводитъ тебе до сповненя сего грѣха лишь проклятя печальной привычки, отъ котрого проклятя ты всѣми силами, всею охотою и всею душою хочешъ освободитися. Зато не бойся, не падай въ отчаяніе, борися даде мужно и вытревало, бо напевно дойдешъ до побѣды, по котрой уже больше не е упадку.

Я самъ знаю не одного молодця, студента изъ высшихъ классъ або университета, котрѣ въ своихъ молодшихъ рокахъ блудно жили. Небораки спершу уважали сей грѣхъ лишь забавою, а коли стали свѣдомыми огидливости своихъ грѣховъ, уже были крѣпко связанѣ огромною силою привычки. Всетаки пустилися въ тяжкий бой. Боролися довго, упали въ борьбѣ не разъ, але на конци побѣдили и теперь въ 18—20-ыхъ рокахъ своихъ по тяжкой, але успѣшной борьбѣ побѣдоносно насоложуються невиннымъ, чистымъ житьемъ, поправляючи все то, что согрѣшили своєю нерозсудностью въ рокахъ несвѣдомой молодости. Яка невысказана радость наповняе ихъ сердце — тяжко намъ уявити. „Одинъ день моего нынѣшняго житя не давъ бы я за цѣлу мою минувшину“ — пише менѣ одинъ студентъ по своему навершенно. Кто завчасу вернеся до чистого житя,

тому не треба боятися шкодливыхъ наслѣдковъ тѣлеснаго самооскверненія; чимъ скорше навернешя, тымъ основнѣйше выльчится молодой организмъ его изъ сей бѣды. „Однаго одинокаго неосторожнаго крока доста, чтобы окончательно попсулося наше цѣлое жита — пише графъ Сеченій — але такъ глубоко еще никто не упавъ, чтобы не могъ статися вновь добрымъ. Каждый грѣшникъ може спастися“.

Не падай духомъ!

Бывъ разъ одинъ орель. Его за молодыхъ часовъ якийсь злый хлопецъ тонкимъ ланцюхомъ привязавъ до скалы. Нещастна птиця билася, кидалася на всѣ боки и всѣми силами старалася освободитися изъ рабства. Але годъ. На конци утомився въ невыглядной борьбѣ и страшна думка вѣчнаго рабства цѣлкомъ залляла его душу. Орель утихомирився и здавшися всякой надѣѣ, успокоився. Однаго дня якосъ зорвався ланцюхъ. Орель сего не замѣтивъ и сидѣвъ на томъ самомъ мѣстѣ черезъ довгъ тыжднѣ, дивлячися передъ себе помраченными очами. Передъ нимъ синѣло широкое небо, въ сердци его туга за свободою, въ крылахъ сила... все даремно, бо онъ про то не знавъ, не знавъ, что онъ свободный, что може отлетѣти, лишь одинъ крокъ напередъ, лишь разъ ударити крылами и его ость цѣлый свободный свѣтъ...

Але тобѣ, сыну мой, прочитавши сю книжку, уже отворилися очи, ты знаешъ, что оковы твоего рабства уже порванѣ, ты можешъ зробити конецъ твоей неволѣ и свободно лѣтати до красшого жита...

А теперь впередъ! Впередъ до высотъ!

Могу полѣпшатися? Можешъ.

Хочешъ поправитися? Хочу.

Тѣ тогда начну!

Коли? Потому? Нѣтъ, не потому. Еще днесъ, такой теперь!

Про грецького героя *Ахилла* говорить переказъ, что мати убрала его въ дѣвочое убраня, чтобы не

отвели его у войну. Ахиллъ выковався в'одно въ дѣвчатами и никто не здогадовался, что онъ мужчина. Але коли Одиссей сильно затрубѣвъ передъ домою Ахилла, кличучи мужовъ до бою за отчину, дѣвчата настрашено разбѣглися, Ахиллъ же заравъ ухвативъ саблю. Симв онъ прозрадивъ, что онъ не боязливое дѣвча, але хоробрый мужъ. — Та дивися, сыну мой, коли твоѣ змысловѣ пристрасти зновъ дико нападутъ на тебе, не утѣкай отъ нихъ боязливо, не поддайся имъ, але подивися имъ просто въ очи мужно, смѣло и отверто и вступи зъ ними въ бой. Не творися личимъ, не думай на то, что они такъ довго держали тебе въ рабствѣ и ударъ на нихъ пястью своею безъ боязни. *Не правда! Не лодно!* Встану, вернуся дому, дому до краснаго, чистаго, и честнаго жита, до краснихъ, благогоднѣйшихъ надѣй будущности...

Знаю, что тебе чекае тяжка борьба, что поворотъ е тымъ тяжшій, чымъ глубше ты упавъ. Тобѣ приходится тяжко боротися за твое освобоженя. Сколько разъ заволоде тобою чувство безнадѣйности, коли горько будешь констатовати, что мимо твоихъ найлѣпшихъ усилій и найчестнѣйшихъ постановъ ты зновъ и зновъ упавъ въ той самый грѣхъ. Ты будешь отчаянно кидатися межи твоею святою постановою и межи огромною силою нападающей на тебе грѣшной привычки. Зновъ упавъ — скажешь — хотя такъ крѣпко постановивъ.

Въ послѣднихъ десятилѣтяхъ все больше и больше хоробрыхъ подорожниковъ рушилося на сѣверный або южный полусы и зносили не разъ надлюдскѣ терпѣння на пустыхъ ледовыхъ поляхъ и горахъ — и неодиный изъ нихъ не дойшовъ до цѣли. Всетаки зновъ и зновъ вступали новѣ въ ихъ ряды... И колибы и дойшли до желаной цѣли, який хосенъ мало бы изъ того людство? Хиба то чувство, что удалося чоловіку вступити на таку точку землѣ, де еще нико не ходивъ. За такой маленький успѣхъ сколько разъ рескировали они свое жита... Та тогда якъ свободно менѣ охлянути въ той борьбѣ, котрою хочу здобыти не поларныхъ областей, але спокою

моей душѣ и обезпечити свободу моей красной будущности.

Такъ — мой друже — тебе чекае тяжка борѣба, але повторяю: Не упадай духомъ! Если только хочешь — очистишься. Вся сила цекельна не може тебе прилусити до грѣха, если ты того не хочешь. И побѣдишь, если въ тобѣ сильна буде воля и желаня перемоги. Лишь кобы удалося тобѣ пару тыждневъ, два — три мѣсяцѣ выдержати безъ грѣха. Тогда ты уже выигравъ. Бо пересвѣдчишься, что все еще естъ у тебе крѣпка воля и ся свѣдомость зновъ укрѣпить твою постанову.

Сыну мой дорогой, если твоя душа еще ненарушена, упавши на колѣна щиро дякуй за се Господеви и крѣпкими руками бережи то святое сокровище; а коли уже постигло тебе то нещастя, что утративъ ешь твою невинность, — сыну мой — зложивши моѣ руки прошу тя, пугнися хоробро въ бой изъ зхѣмъ семиголовымъ нечистого грѣха. *Отъ сего зависть спасеніе твоей души и будущность твоей отчины.* Отъ сего большого я ничего иншо:о не могу тобѣ сказати.

За будущность отчины.

Ты навѣрно бѣрный сынъ своей отчины и гордый на свой народъ. Менѣ се подобаея. Але ци знаешь, что кто презирае чистоту своей душѣ, той стае зрадникомъ и своей отчины. Ци ты свѣдомый того, что житеь-способность нашего народа по большой части зависить отъ того, ци наша молодежь обновиться душевно, ци дале буде качатися по похилой пласци неморальности въ ту певну пропасть, куды ведутъ нашу молодежь розширителѣ неморального свѣтогляда помодчю всякихъ брошуръ, книгъ и паскудныхъ образовъ. Всюды въ цѣлой нашей суспольности провадитися ся под-копна работа въ театрахъ, въ кинематографахъ, въ книгахъ и часописахъ противъ чистыхъ житеьскихъ звывчаевъ нашего народа, бо добре знаютъ съ тайнѣ вороги, что если удасться имъ сказити нашъ народъ, морально и тѣлесно здегенеровати — легко перемо-жуъ его и здѣлають его своимъ вѣчнымъ рабомъ.

Теперьшность молодежи — будущность отчины.

Каждодневный опыт повѣдуче, что дѣти богатыхъ родичовъ, котрѣ отъ своихъ родичовъ наслѣдовали лишь грошей и богатства, але морального выхованя нѣтъ, подь короткимъ часомъ знищатья. То самое относиться и къ цѣлому народу, руину котрого наслѣдомъ все зростающей неморальности жадна форма управленя не може здержати. (Hilty).

Прочитай лишь у Тацита, якъ пише онъ при гробѣ колись такъ славного римского народа. Якъ величае онъ моральну чистоту побѣдоносныхъ германъ.

„Житя женщины у германъ провадяться подь охороною чистой морали и не псують еѣ моральное чувство безстыднѣ театральнѣ пѣсы и роздражняющѣ гайнованя.. Нарушеня вѣрности супружеской есть у сего народа дуже рѣдкимъ случаемъ, а кара за то наслѣдуе заразы; мужъ зрѣзуе волосы передьлюбодѣйной жоны, здирае зъ неѣ платя и въ присутности жониныхъ сродниковъ голу-нагу выганяе еѣ изъ хижѣ и проганяе вдовжъ цѣлого села. Коли жона разъ переступила законъ и утратила свою жѣвочу честь, для неѣ не е больше милосердія; ани красота, ани молодость, ани богатство не можуть еѣ спасти. Така е на вѣки выключена изъ супружества. Бо у сего народа никто не жартуе грѣхомъ и любодѣяіе та чужолство не называютъ „духомъ времени“. (Tacitus: Germania).

Намъ трудно и уявити собѣ, что у старинныхъ германъ пановавъ такой строгий поглядъ относительно моральности. Але на всякий случай приходилоя бы и намъ — видячи середь цивилизованныхъ християнскихъ народовъ пануючу неморальность — зачервенѣти и ганьбитися при читаню сихъ словъ поганского писателя.

Хлопцѣ, если вы любите свою отчину и тревожитесь надъ лѣпшою будущностью нашего народа, не берѣтъ до вашихъ рукъ книгъ, писаныхъ — правда нашимъ языкомъ, але — духомъ противнымъ нашему народу и зъ цѣлю знищити душевнѣ силы нашего народа. „Основую и подпорою каждой державы

есть — мораль; если она зникне, звалиться даже сильный Римъ и упаде въ рабство.“ На престолѣ патриотизма лишь та жертва буде мила, что положили тѣ, котрѣ побѣдили самыхъ себе.

Сатана робивъ одного разу переглядъ своихъ прихильниковъ. Каждый изъ нихъ хвалился, яка у него сила. Злѣ духи зависти, гнѣву, пянства и нишихъ злыхъ пристрастей спорили, котрый изъ нихъ зробивъ больше лиха для людей. Першу премію отнесъ духъ розпусты. Сатана сказавъ: „Ты маешъ найострѣйшу саблю и найсильнѣйшу отрову, бо ты твоею розпустою можешъ выгубити цѣлѣ народы.“

Зато смѣло въ борьбу! Душа твоя найнаповняеся духомъ веселья! Передъ тобою высокѣ цѣли и благороднѣ задачѣ — зато боюся за васъ, молодѣ моѣ хлопцѣ. Але около васъ лютуютъ и небезпечнѣ выры — и зато боюся за васъ. И ся любовь и ся тревога заохочуе мене кликати до васъ: Хлопецѣ, цѣнитѣ, високо цѣнитѣ вашъ дорогоценный скарбѣ, у вашей души горячий, пламенный, божественный огонь — вашу безсмертну душу. Се есть найкрасшое, найблагороднѣйшое художество — выформовати свою безсмертну душу.

Огненный мечъ природы.

Природа умѣ помститися страшнымъ огненнымъ мечемъ. *Тацитъ* найсильнѣйшимъ источникомъ германской силы уважавъ „*inexhausta robertas*“, невычерпану молодость. Спасение и блаженство всей будущей генераціѣ зависятъ отъ того, ци мы по сему отношеня мужа къ жонѣ будеме уважати святѣйшимъ, чимъ до теперь, або будеме поступати дале на похилой площинѣ, на котру поставили нашу генерацію, головою же нашу интеллигенцію нехристианскѣ представники современной литературы и крикуны поганского свѣтогляда.

Не видишь — сыну мой — что наша отчина мынѣ потребуе одинокаждого своего сына и ихъ повной моральной и физичной силы?! Адмиралъ *Нельсонъ*

передъ битвою при Трафалгарѣ выдавъ сей, нынѣ уже общезвѣстный приказъ: „Англія требуетъ и ожидаетъ отъ каждого своего сына, чтобы сповнили свои обязанности“. И нашъ народъ, наша отчина зъ повиннымъ правомъ очекуеть отъ каждого горожанина, чтобы они зберегли свою молододу душу въ чистотѣ и свои молодѣ силы въ непромарненной активности. Римъ повѣривъ бережня святого огня, сей символъ своей вѣчнотревалости — дѣвамъ весталькамъ; а наша отчина отъ своей чистой молодежи ожидаетъ свою щаставу будущность.

Каждый хлопецъ має розвиватися въ рясное плододносное дерево. Але чи будуть овоцѣ на томъ деревѣ, которое не мало цвѣтовъ? А тебе, о молодежи отчины моей, чи можѣ называти цвѣтомъ? — звѣдаетъ поеть. Вертатися изъ битвы зъ покальченымъ тѣломъ, то въ очахъ Божихъ жертва, передъ отчиною честь; але стати тѣлесно и душевно калѣкою наслаждкомъ неморального житя; и передъ Богомъ, и передъ отчиною грѣхъ и ганьба!

Юноша, который любить свою отчину и має здоровый розсудокъ — паше профессоръ медицины др.

Луд. Некамъ — повиненъ розмышляти такъ: „Я хочу всѣ свои силы ужити, чтобы статися и душевно, и тѣлесно хосеннымъ членомъ суспольности. Чтобы сего досягнути и не здѣлати себе передчасно здегенерованнымъ, буду весь часъ моего розвитку заховати совершенну здержливість, буду скрѣпляти свое тѣло, вправляти силу воли и убольшати свое знаня. Потомъ буду старатися досягнути такой позиціи, въ котрой буду годенъ обезпечити выживленя своей родины и коли и сего досягнувъ, оженюся въ той надѣи, что буду мочи выхововати для отчины здоровыхъ и хосенныхъ горожанъ. (*Теминъ*: Сексуальное жити и мужчина).

Знаешь, якое значеніе мае сей высловъ: „Студентъ, то такой ничъ, изъ чого все може быти?“ То, что вы есте будучность народа, что вы нынѣ лишь „студенты“, а завтра уже всждѣ народа, что вы каждымъ своимъ учинкомъ съете або збираете добро або зло, щастя або нещастя. Ты есь теперь зародкомъ будучности народа и може быти изъ тебе герой або гробарь, апостоль або зрадникъ твоего народа.

Каждый юноша мае уважати своимъ обовязкомъ чести жити въ безусловной чистотѣ и вздержливости и такъ стати характернымъ и здоровымъ мужомъ, отцемъ здоровыхъ потомковъ. Будучность нашего народа потребуе передовсѣмъ, и то в скоромъ времени, характерныхъ и здоровыхъ отцевъ родинъ. Може ты нынѣ яповнѣ еще не освѣдомляешь сего, але вѣрь менѣ, что чистодушна, сильна, идеальна и роботоспособна, незаражена молодежь въ житю народа есть о много большой вартости, чимъ всѣ желѣзнодорожнѣ сѣти, копальнѣ діамантовѣ и огромнѣ промысловѣ центры державы. Въ свѣтовомъ змаганю розличныхъ народовъ лишь тѣ будутъ преуспѣвати, котрѣ розпоряжають цѣл ыми мужами зъ енергією и готовостью, характеромъ и вытривалостью. А до сего приготовляе ихъ навѣрно не въ грѣхахъ проведена молодосты! Бо якъ може розцвѣсти свѣжое житя изъ сердець розбитыхъ и надѣи зломаныхъ?

И якъ можно поставити гранитный столпъ, котрый мавъ бы стояти побѣдоноснымъ опоромъ и сильною скалою въ шалѣючомъ вырѣ бурь историчныхъ столѣтій?!

За добро душѣ твоей.

Черезъ смутнѣ досвѣды придетъ человекъ на то пересвѣдчена, что планы Сотворителя суть наилучшѣ. „Что мае Богъ изъ того — говорить св. Письмо — что ты праведный, або який хосенъ ему изъ того, что твоя дорога совершенна? (Повъ 22, 3). Дѣйстно ничь. Что ты поддержишь або не поддержишь VI-у Божу заповѣдь, то для Бога все одно. Его вѣчнѣ планы и безъ тебе здѣйствятся; и безъ тебе и противъ тебе. Але для тебе самого е то дѣломъ рѣшачимъ для цѣлого твоего житя, ци ты живешь по его законамъ, бо отъ того зависить напрямъ цѣлого твоего туземного житя, даже и твоя доля позагробна. Вѣчна доля твоей душѣ и гармоничное уформованя твоего дальшого житя зависить отъ того, ци ты вступишь въ бой зъ семиголовымъ змѣемъ неморальности. Бо кто осмѣлился бы ожидать сериозного и характерного мужеского вѣка отъ того, кто въ своей молодости валявся въ грѣхахъ?! *Qui non assuescit virtuti, dum iuvenescit, a vitiis nescit desciscere, quando senescit.* Кто замолodu не привычался до чесноты, той въ старости не буде въ силѣ позбавитися грѣховъ.

Я знаю тебе добре — друже мой. — Твоимъ идеаломъ есть мужеский характеръ, рыцарский духъ, „цѣлый“ человекъ. Але якъ разъ зато прошу тя, розважь добре, что до характера совершенного мужа принадлежит и сильна воля; сила волѣ свѣтомъ одолѣваюча, котра все заохочуе высший элементъ нашего ества до осягненя побѣды надъ похотью тѣлесною. Ты добре знаешь, что тѣлеснѣ понуки пробуждуются дуже рано, уже далеко передъ супружествомъ, але не зато, чтобы ихъ заспокоевати. До сего они права не мають.

Если ты намѣряешь дойти до того мужеского ха-

рактера, котрый нынѣ есть только твоимъ идеаломъ, не забудь, что се тебе буде стояти много працѣ и тяжкого труда. А если хочешь заслужити красной назвы: „юноша характерный“, такожъ маешь много потитися. Характеръ, то не якийсь дарунокъ на твоѣ именины, что положить передъ тобою на столъ: але мозольною працею ядобытый цѣнный скарбъ.

Читаю напоитися, доки дойдешь на вершокъ горы. Чимъ высша есть цѣль, до котрой стремишся, тымъ больше силы и труду маешь додавати. А ты для себе и не можешь поставити высшой и благороднѣйшой цѣли, якъ уформованя твоего непорочного характера.

За досягненя сего идеала возмися за бой на життя и смерть!

На життя и смерть.

На життя и смерть иде сей бой. А въ семъ бою то е найважнѣйшее, ци допустишь, чтобы твое тѣло — сей немилосердный вѣздець благородного коня твоей душѣ — замордовало душу твою на смерть и высылало еѣ до цѣлаковитой утомы, або наоборотъ душа была бы тымъ вѣздець, котрый непогамованого коня — твое тѣло — сильно ухопивъ бы за зубела. Ципустишь, чтобы полова похоть гнала тебе въ певну пропасть, якъ иде корабель, розбитый на морю — або крѣпкими руками и себезапанованьемъ ухопишь кормило твоего корабля и поведешь его до пристани середь спокуснавого спѣву сирень? Туй лишь двѣ возможности. Або удасться тобѣ непорочно и неосквернено вывести душу твою изъ волиъ молодечихъ лѣтъ въ приставъ серіозного мужеского вѣка, або розоб'єся твоей корабель и ты мусишь потомъ черезъ все життя твое волочити проклятя змарненой твоей молодости.

Але и не правнально уживаю я сѣ „або“. Бо если подивляюся въ твоѣ очи, вижу въ нихъ крѣпку рѣшучость, святу постанову и уперту готовость до конечной побѣды. Якбы'мъ чувъ твою отповѣдь: я го-

товъ до борьбы рѣшучой; только укажѣть менѣ тѣ средства и дайте въ моѣ руки оружія, котрыми маю воевати и выбороти побѣду.

Такъ, сыну мой, се любиться менѣ. Я тебе вдячно познакомаю сими оружіями. Але передъ тымъ хотѣвъ бы дачто подчеркнуги, значить, не падай духомъ, еслибы ты по численныхъ усиліяхъ чувствовалъ, что борьба не утихае и по тысячахъ перемогахъ еще все стоишь въ огни.

Запоматай собѣ, что за чистоту твоей душѣ борешься зъ семиголымъ змѣемъ, котрого, доки молада кровь бѣгае въ твоихъ жилахъ, совершенно знищити не можешь. Якъ отрѣжешь му одну голову, вырасте друга. Если одного дня переможешь его, другого дня изъ цѣлкомъ иншого боку нападе на тебе. Межи 15 и 24 роками жия будешь постоянно боротися. Въ позднѣйшихъ рокахъ слабне покуса, але совершенно николи не будешь вольный отъ неѣ, даже и въ повномъ мужескомъ вѣку маешь быти постоянно на сторожи, чтобы'сь не утративъ дорогой скарбъ твоей невинности. Але при томъ постоянно думай на то, что спокой совѣсти и самоодѣненя, здобывъ побѣдою надъ грѣхомъ тысяча разъ больше стоить, чимъ та хвилева роскошь.

Думай на тыхъ библійскихъ молодцевъ, котрѣ за вѣру свою были верженѣ въ огнену печь. Около нихъ пекельнымъ жаромъ горѣвъ огонь, а они въ семь морю огнемомъ ненарушено прохожовалися и спѣвали гимны всемогучому Богу. Думай на сю ихъ побѣды, коли и тебе окружать поломѣни тѣлесныхъ похотей.

Най подае тобѣ духа та думка, что хотя покусы вздовжъ цѣлого твоего жия будутъ тебе неспокоевати, але чтобы ты поддався, капитуловавъ, на се никто не може тебе приневолити. Думай все и на то, что твоя борьба николи не е безнадѣйна. Если твоя душа еще ненарушена, можешь еѣ чистоту удержати, хотя и не безъ борьбы; а если уже маешь причину оплаковати свое заблаужденіе и еслибы и въ болотѣ валявся — правда лишь зъ напруженьемъ всѣхъ твоихъ

силъ — але зато твоя душа отродиться изъ сей моральной загубы до исвого, красшого жия.

Боротьба зъ самымъ собою есть найтяжша, але побѣда надъ собою — найвеличавѣйша.

Не дайся!

Твоѣ приятелѣ, котрѣ уже геть глубоко упали въ багно неморальности, скоро утямлять твое щирое стараня до подѣпшемя. Зауважають въ первыхъ, что твоѣ погляды въ вопросахъ моральности насколько рознятся отъ ихнихъ; спостерѣгають, что ты хочешь змѣнитися, что тобѣ уже не подобася ихъ сатанинскій реготъ, что ты не хочешь дальше зъ ними в'одно рыти въ грязи болота. Заранѣ утямлять и — начнеся найсильнѣйша офензива протмвѣ тебе. Рушаеся на тебе правдива погоня; будутъ тебе ганьбити, высмѣловати, зачѣпати.

На сю тему мушу обширнѣйше заговорити, бо премного найблагороднѣйшихъ старань змарнилося, коли юноша стоявъ середъ бур'ѣ глауму и насмѣшокъ. „Я и не думавъ, что ты такой „святоша“, что ты такой боягузъ“ — скажутъ тобѣ. „Який молокососъ! Не смѣе указати свою смѣлость... лишѣмъ его! Кто боягузъ, най не иде зъ нами“. А въ тобѣ закипитъ кровь: — „Что? Я боягузъ? Я святой? И зато пойду зъ вами“.

О, сколько есть такихъ, котрѣ подъ вилывомъ такихъ бесѣдъ отступили отъ своихъ твердыхъ постановъ. Котрѣ при такой нагодѣ первый разъ попали въ ногти грѣха, чтобы товаришѣ не мали причины глаумитися изъ него.

Особливо тогда грозить тобѣ поважна небезпека, коли обставины примушуютъ тебе в'одно бывати зъ такими товаришами, у котрыхъ моральнѣ погляды стоять далеко за твоими (прим. въ интернатахъ, казарняхъ и пр.). Бо остатися добрымъ межи добрыми, то не тяжка рѣчь; але въ паскуди остатися бѣлымъ, въ болотѣ дилією — до того потребуеся хребеть, характеръ и сильна воля. Богато хлопцевъ, котрѣ

умѣян чудеснымъ способомъ захвати свою душевнуг-тѣлесну невинность въ гимназiи, на матуринальномъ бакетѣ, подчасъ военной службы або на университетѣ якъ разъ подъ влиявомъ насмѣшковаия товаришовъ утратили свой здоровый розсудокъ и допустилися до першого грѣха противъ тѣлесной невинности. Они не хотѣли указатися „боягузами“.

Хотя... хотя... Еслибы хоть лишь одной минуты роздумовалися надъ тымъ: что е правдива хоробрость, а что есть безхарактерна боязливость.

Кте е правдиво боягузомъ?

Такъ. Отже ты слабый, ты боягузъ? Но, но! Та най буде и такъ. Я „дѣтвакъ“, я „боягузъ“, я „святуща“; най буде. Але зато я не дамъ скрутити собѣ

голову. Розважъ лишь, до чого треба больше силы, крѣпшой волѣ: ци стальнымъ чоломъ протиставитися найсилнѣйшому инстинкту и его безправнымъ домаганямъ, ци на способъ непотрѣбной тростици хилатися сюды — туды на каждый подумъ насѣкихъ тѣлесныхъ похотей? Кто е лѣвшимъ вѣдцемъ, ци той, кого крѣпкими руками держатъ зубела своего палкого коня, або той, кого диako бѣжучий конь кидасъ въ сѣдлѣ сюды-туды и наконецъ зверже въ придорожный ровъ? А ты уже знаешь якое то болото неморальности!

Тобѣ закидуютъ, что ты „дѣтвакъ“, молокососъ“, что ты не отважишься „сякое“ зроби́ти. Однакъ подумай, что правдивое мужество является якъ разъ въ дисциплинованности и крѣпкости воли. А наоборотъ, то есть слабость и душевна нерозвинутость, если ктось безхребетно клониться подь несоразмерными требованиями звѣричьихъ пристрастей и блукае сюды-туды якъ искра изъ огняника поѣзда въ ночной темнотѣ.

Будь мужомъ, а не — лалюкою. Что може больше импозовати, даже передь дорослыми, якъ той юноша хребетный, котрый констрашениый глумомъ и низькими жартами товаришовъ зъ неугнутую волю ступае тою дорогою характерности, котру выбраеь собѣ по зрѣломъ разважаню. Я передь такимъ хлопцемъ клонюся и до того относиться слова св. Письма: „Fecit enim mirabilia in vita sua“ (ис. 31, 9), бо справдѣ великое дѣло, коли ктось смѣло и отважно откине отъ себе принады своего скаженного товариша. *И еслибы вь всю моль товаришь находились бы вь грѣсь неморальности, я и тогды нѣтъ — и зато нѣтъ.*

Здрогнуся въ души, коли вижу, что хлопцѣ подобно блуднымъ оцѣмъ идуць за голосомъ пару выскачовъ, хотя могли бы знати, что се есть звичайнымъ малпованцѣмъ; сильный характеръ у того е, кто мае отвагу павести противъ струѣ. *Сорочку свою часто мѣняй, але характеръ — николи!*

А ты якбы змѣнивъ свое благородное становище супротивъ моральности подь влывомъ такихъ одиниць, моральна цѣна котрыхъ ровняеся — нуль.

Ци пригадуець собѣ, что въ байкакъ звѣрѣ якъ регочуться, видячи, что люде горѣ головою ходять и не лазать по земли такъ якъ они. Бо имъ якъ разъ то смѣльное, коли ктось прямо ходить. Таксамо и ты не творися тымъ, что твоѣ, симъ звѣрѣмъ подобяѣ, товаришь говорятъ. Ци чувъ ты, что въ больницы якъ кричатъ слабоумнѣ за лѣкарѣмъ; але онѣ симъ зовсѣмъ не творитьея и иде собѣ спокойно далє. И ты не думай, что тымъ, если ты грѣшныхъ учинковъ сихъ вопсутыхъ твоихъ товаришовъ уникаешь и здержуеши ихъ товариства, станешь боягузомъ. Ци боягузь

той чоловіккѣ, котрый стережеся бациллоу заразливыхъ хворотъ и пошестей? Або яка то хоробрость рыти въ болотѣ неморальности очима, ротоу и грѣшными дѣлами? Послухай лишь, что говоритъ одинъ поганский мудрецъ: „Коли чось такого робишь, что ты по своему сильному пересвѣдченю повиненъ зроби, не бойся се здѣлати явно, не уважаючи на то, что до сего скаже товпа. Коли ты здѣлавъ злое дѣло, стыдайся своего учинку, але коли ты зробишь доброе, чого боишься тыхъ, котрѣ тебе несправедливо гавять“. (Епиктетъ).

Скажи менѣ, что есть легше: сильною волею протиставитися слѣпымъ домаганямъ инстинкта, або имъ уступати? Звѣстна рѣчь, что душа и тѣло ведуть завязу борбю якъ разъ на полю моральности. Котрое изъ нихъ побѣдитъ, може похвалитися тымъ, что есть мужескимъ характеромъ. „Кто не має доста отваги выступити въ оборонѣ своего пересвѣдченя, добраго у того лишь колебаючися тростина, котра въ хвилику бурѣ хилиючися стогне, але своимъ слабенькимъ голосомъ не здержитъ нападѣ противныхъ элементовъ“. (Бр. Етвешъ). На жаль частина нынѣшней молодежи не годна постояти въ сихъ буряхъ; николи не роздумують надъ тымъ, въ якомъ напрямѣ тече ихъ жия и якъ зъ дерева упавшѣ листы лѣтають у вѣтрѣ зопсуть думокъ своихъ товаришовъ.

Одного разу такъ заговоривъ Вел. Александеръ до Діогена:

— Я емъ паномъ свѣта.

На се мудрецъ цинично такъ отповѣвъ:

— Наоборотъ. Ты слуга моихъ слугъ, бо я паную надъ тыми хибами, котрѣ запановали надъ тобою.

Та я не хочу выти зъ вовками! Не хочу плысти долу водою! *Не хочу быти чоловікомъ лишь посереднимъ. Я на больше вванний!*

Лиши ихъ!

Даколи тобѣ не лишаеся нише, якъ порвати зносны зъ твоими приятелями. Може на початку выстарчить, если не уважаешь на ихъ жарты и паскуды!

анекдоты. Хотя как „остроумно“ говорили бы они о своих дѣлахъ, въ отпорныхъ рисахъ твоей твари скоро увидятъ, что ты о дѣлахъ такого рода маешь иишій поглядъ и что ты смѣтникъ уважаешь смѣтникомъ и тогда, коли онъ облятый парфумою. Даколи можешь отверто повѣсти своему приятелю, что такъ бесѣды ображаютъ твое моральное чувство и уважаешь для себе пониженемъ о такихъ дѣлахъ разговорьовати. *Гр. Сеченій* не лишь относительно паскудныхъ бесѣдъ, але и относительно о много менше хибъ высловився такъ: „Слабость и недостатки у смертныхъ людей — природна рѣчь; але тыми хвалитися — найнижша степень моральной руины. Коли одного разу В. Александру подчасъ его малоазійского похода ктось написавъ листъ и въ томъ уживавъ двозначнѣ жарты и выразы, онъ сильно обурився и сказавъ: „Ба якъ понижающъ дѣла знае сей о мнѣ, что осмѣлился мнѣ такъ писати?“ Поважай и ты — сыну мой — ображанемъ чести своей большамъ, чимъ ударъ въ лице, если ктось хотѣвъ бы тебе такими дѣлами забавляти. Скажи ему смѣло, что така бесѣда оскорбляе твое жентельменское чувство и твой благородный способъ думаня. Царство науки и культуры есть та кое богатое, обширное и только много всякихъ справъ надаеся для обговореня и ты готовъ о чомъ нибудь иишомъ предметѣ вести разговоръ, лишь о сей одной темѣ не желаешь разговорьовати.

И колибы твой товарищъ твоей ясной просьбы не послухавъ, *то будь готовъ застановити зъ нимъ твою приятельскъ зносину*, хоть якое давное и щирое было бы ваше приятельство, бо въ бѣдоснѣжной одежи оцѣтый королевачъ не може мати приятелевъ межи наймитами, занимающимися вывозомъ гною.

Вспомни слова Спасителя: „Если око твое соблазняетя; вырви его и кинь отъ себе; лучше тобѣ зъ однимъ окомъ войти въ животь, якъ зъ двома очима быти верженнымъ до пекаа огнистого“. (Мт. 18, 9) Если приятель твой соблазняетя, остави его, бо лѣпше тобѣ самому зайти въ царство небесное, чимъ зъ товаришомъ твоимъ в'одно верженнымъ быти у вѣчну погибель. Я знаю, что се не е легка рѣчь. Але если

кто съ настолькоъ не респектуе твоѣ благороднѣ полады и твоѣ найсвятѣйшѣ пересвѣдченя, и тебе крокъ за крокомъ инзультуе своими паскудными бесѣдами. той не заслуге того, чтобы его называти своимъ „приятелемъ“. Бо приятельство може быти лишь межи благородными душами, а межи злодѣями и разбойниками хита „компанисты“.

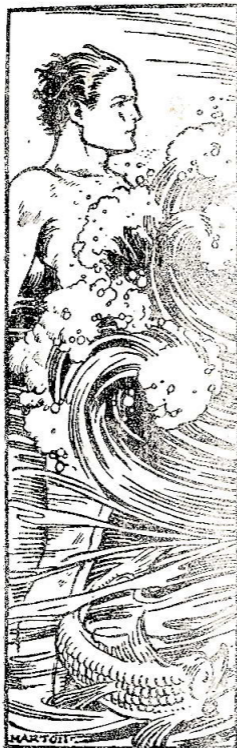
Бо чоловікъомъ быти столько, якъ увязнати звѣрину въ своемъ внутрѣ, *юношою* быти столько, якъ палками очима зорѣти зорею радостной молодежи, а *мужомъ* быти только, якъ желѣзными руками сполснити всѣ грѣшиѣ похоти тѣла и быти супротивъ себе строгимъ и немилосерднымъ, якъ той хирургъ зъ ножомъ въ руцѣ е немилосердный супротивъ болячой раны хворого тѣла. Перебачъ за мало странное поровнѣня, але если кто съ попусе свой жолудокъ и почне блювати, нормального розуму чоловікъ не буде въ томъ любоватися. Таксамо, если якийсь хвородушный молодець блювае изъ себе грязь и паскудь моральну, та честный чоловікъ мае на то дивитися и то слухати?

Поганский Плутархъ оповѣдае про одного мудрця, котрый позвѣдавъ на улици утѣкаючого молодця: „Передъ кимъ утѣкаешъ?“ А той: „Передъ чоловікомъ, котрый хоче мене зводити на грѣхъ“. „Ганьбися — скаже мудрець — что не онъ утѣкае передъ тобою“.

Коли малочисленное войско Вел. Александра тряслось отъ страху, видячи огромное войско персовъ. Александеръ такъ ихъ заохочовавъ: „Что ся боите? Ихъ правда много, але вояковъ у нихъ мало“. Якимъ правомъ сказавъ се? Такимъ, бо знавъ, бо персы живутъ неморально. Зато, друже мой, — отвага! Даколи доста одинъ поважный поглядъ, чтобы заткати ротъ такому апостолу неморальности, котрого и поганский *Гораций* называе „amica luto sus“ — свиня, любляча богото. Зато не е чога боятися.

Менѣ и такъ не шкодить.

Не обмануйте себе тою часто уживаною выгваркою, что ся книжка, котра такъ дражня змыслы.

неприличный образ, неморальное представление, сей злый товарищ, не пошкодишь меня. Се смутный обман! Если так говоришь, то не знаешь, яка то величезна сила у чоловіка понука до насаждованя.

Хоть что робиме, несамохоть все на те думаеме, ци другъ такъ само роблять. Закону нальдованя каждый подверженый. На уформованя нашего морального жита не-здержимымъ и необходимымъ впливомъ дѣйствуютъ нашъ лектуры, бесѣды и товаришъ. Не есть на свѣтѣ чоловіка котрый могъ бы освободитися отъ впливу своей окружности. Въ близости огня дерево загорить. А ты тогда выступишь и на цѣлсе горло кричишь, что на тебе приятельство злыхъ камерадовъ и ихъ злый примѣръ не має жадного впливу? То такъ, якъ бы мельникъ твердивъ, что онъ хотя и цѣлыми днями працюе въ мельнѣ, всетаки ве буде запорошенный мукою. Або ци смѣе твердити

коминать, что онъ не буде чадью запаскуженный? Зато не перецѣни свои силы. Смутно говорить давна приповѣдка: „Fortis est, qui se negat esse fortem“ — сильный е той, кто не хвалиться своею силою.

Одинокий ратунокъ — стережися грѣха!

Може найдуться межѣ твоими товаришами и такѣ, котрѣ тымъ будутъ тебе звозовати на грѣхъ, что нынѣ уже не треба бояться венеричныхъ хворотъ, бо уже вынайдено много охоронныхъ средствъ противъ зараженя, або если и заразиться чоловікъ, есть богато лѣкаревъ, котрѣ „зъ певнымъ успѣхомъ“ вылѣчатъ тебе изъ „тайной“ хвороты.

Вѣрую — мой милый друже — что тебе въ первой мѣрѣ буде здержовати отъ того грѣха, не страхъ передъ зараженьемъ, але твое честное моральное чувство; всетаки добре, если ты дознаешься, что по мнѣнію поважныхъ лѣкаревъ досѣ *ани одно охоронное средство не дало повной запоруки, что чоловікъ не заразиться, або изъ венеричной хвороты вылѣчиться.* Великѣ слова твоихъ товаришовъ суть не чымъ ишимъ, якъ заспокоеньемъ страху, якъ коли дѣтина, сидячи въ темной комнатѣ, починае свистати, чтобы додати собѣ отваги. Певнѣ лѣки противъ заражень знаютъ хйба рекламы газетъ — наука нѣтъ. При великой терпеливости тругую, салварзаномъ можъ и сю страшну хвороту въ дачомъ улегшити, але тѣ „певнѣ успѣхи“, котрыми тебе дурять твоѣ товаришѣ, только въ дуже рѣдкихъ случаяхъ ведутъ до совершенного выздоровленя и часто лишь замазуютъ внѣшнѣ знаки хвороты; сама же хворота дале тѣбе въ организмѣ тѣла. Что стоить, если я помощью всякихъ лѣковъ знижую горячку, але бациллы, котрѣ выкликали ту горячку, не могу знищити?

На сю тему такъ пише одинъ лѣкаръ (Dr. med. H. Paull): „Не можно заперечити, что выздоровленя только внѣшное. И при найсовѣстнѣйшомъ лѣкарскомъ доглядѣ у пару мѣсяцевъ, або по рокахъ проявляются неприемнѣ хвороты въ знакъ того, что хотя отрова сифилиса не указалася, всетаки находится и скрывается (latens) въ организмѣ“.

И еслибы и удалось леченя, по части сама зараза, по части же тѣ отруйныя лѣки такъ подкопують организмъ, что еслибы и вылѣчився ктось изъ сифилиса, остаеся въ немъ п: большена склонность до всякихъ иишихъ хворотъ. Вызначный мюнхенский лѣкаръ *Груберъ* констатовавъ то чрезвычайное явище, что смертность у мужовъ въ рокахъ межи 26 и 60 въ городахъ значно больше, чимъ на провинци. Спочатку не могъ собѣ пояснити се явище, бо въ городахъ въ

тѣхъ часахъ не была жадна пошеть, котра бы могла въ такомъ великомъ числѣ пустошити людей. На конци выяснилося дѣло. Переважна часть тѣхъ людей великогогородскихъ, котрѣ умерли въ розцвѣтѣ своего мужеского вѣка, въ своихъ молодыхъ рокахъ были зараженѣ сифилисомъ. *Они на видѣ выздоровѣли, але ихъ житьева сила была подломлена.*

Одинъ вызначный молодой чоловікъ доставъ въ тридцятомъ роцѣ своего житя добру посаду и намѣривъ оженитися. Якразъ передъ зѣнчаньемъ элементарною силою выбухла на немъ якась старшна хворота. Онъ самъ не здогадася про причину сей недуги, такожь и лѣкаръ были безрадиѣ, что чоловікъ здоровый якъ дубъ, несподѣвано знищився и тѣлесно, и душевно. На конци лѣкаръ объявивъ ему, что во знакамъ треба заклачати на якусь, наслѣдкомъ неморального учинка здобыту венеричну хвороту. Молодой чоловікъ зъ слезами въ очахъ признався, что передъ шѣстьнацяти роками одинъ-одинокий разъ согрѣшивъ противъ чистоты и оттогда ани разъ.

Лѣкаръ констатовавъ, что ся страшна недуга при томъ одною случая досталася въ организмъ молодого чловека и тамъ загнивавшисъ по шѣстьнадцати рокахъ проявила свою руйную дѣяльность. Нещастный чловекъ отказався отъ своей посады, разязавъ заручины и вымигровавъ въ чужий край.

Напомню тебе и каждого, если утимишь на собѣ признаки сей страшной хвороты, спѣши огразу до якогось совѣстнаго лѣкаря. Бо звѣтна рѣчь, что не лишь неморальнымъ учанкомъ можно заразиться, але можешь достати сю хвороту цѣлкомъ невинно; сты датися въ такомъ случаи и затати хвороту передъ лѣкаремъ лишь убольшее небезпеку. Чамъ скорше починаешь лѣченя, тымъ большъ выгоды на выздоровленя. *Але по постановленю лѣкарской науки находится лишь одинъ оличокый певный способъ охороны, и то: совершенно задержливість, чиста, невинна жизнь.* Den Geschlechtskrankheiten kann der junge Mann mit Sicherheit nur durch die absolute, restlose Keuschheit entgehen. (Dr. med. H. Paull).

Просиме вымести улицы!

Такожъ и ты, мой друже, могъ бы приключитися до борьбы противъ розширення неморальности. Знаешь, что то бойкотъ? Ци не можно бы вамъ, честнымъ и характернымъ хлопцямъ, голосно въ меншихъ городахъ, де е лишь веру книгарень, з'организоватися и выдати гасло: „Требуеме чистыхъ улицы!“ Если на улицахъ смѣтя, отпадки, лупины, на то городский магистратъ знае выдати розказъ, чтобы ихъ отсторонити. Але мы бы требовали такого „чищення улицы“, чтобы изъ книгарень, трафика и склеповъ выкидали исѣ тѣ книжки, образы и фотографіи, котрѣ подъ покрывкою „художества“ соблазняютъ людей. Се есть такожъ смѣтя; я то сердце и душу заражающее моральное смѣтя. Если на якоійсь околици показуешь морь, верхности спѣшати выдати розпоряженя на выгубленя щуровъ, бо они суть розсадниками баццаловъ хвороты. Такъ бы треба выгубити и баццалы неморальности; заѣ книжки, порнографичѣ

образы, бо сѣ суть розсадниками душевного мора. Ци не е то знакомъ непотрѣбной н-дуйдавости безъ протесту дивитися, что даякѣ безсовѣстнѣ гандлярѣ, спекулюючи на звѣрскѣ похоти людинны, напыхають выкладовѣ окна своихъ склеповѣ всякими безцѣнными любовными исторіями, парижскими „салоновыми творами“, чтобы ними заробляти чимъ больше грошей. Тадѣ и творы свѣтославныхъ художниковъ-маляревъ, продукты классичныхъ добъ служили бы соблазною и нагодами до грѣха, еслибы были выставленѣ на мѣстахъ публичныхъ, такимъ способомъ и тамъ, де и якъ ихъ поставити вообще не намѣряли ихъ авторы! Чому бы не мали мы вхолитися за зброю самообороны и бойкотовати тыхъ уличныхъ пиратовъ, котрѣ зъ дня на день инвалтууютъ и провокують честныхъ людей, проходячихъ передъ ихъ скленами?

Шкода, что честота все боязливѣйща чимъ грѣхъ. Але въ концѣ концовъ мы маеме своѣ права и до улицы! Законъ забезпечуе чоловѣка на улицѣ передъ нападомъ. Але таксамо маеме право и до того, чтобы на улицѣ каждый поведиися во мною честно. И еслибы ктось лишь приблизно такъ неприлично поведиися во мною на улицѣ, якъ то видко на образахъ, въ кинахъ и у выкладовыхъ склахъ склеповѣ, то заразъ замѣшалася бы полиція. Але тогда чому маеме терпѣти, что невиннѣ нашѣ дѣти, молодѣ двѣчата, честнѣ юношѣ, жоны та мужѣ мають спускаючи очи и зѣ боязливою осторожностю мимоити передъ выкладовыми окнами безсовѣстныхъ, жадныхъ на грошѣ спекулантовъ, чтобы не залляла ихъ лица кровь сѣду, видячи тѣ порнографичнѣ изображения, что купецькимъ языкомъ называютъ „художественными“ творами? Полицію на нихъ и замѣтачовѣ! И бойкотъ честныхъ, моральныхъ людей!

А если ты увидишь въ дакторѣ книгарни або трафицѣ такѣ неморальнѣ открытки або неморальнѣ книжки, скажи властителю склепа, что ты сюды больше не вступишь *Сыну мой, прошу тя, не ходи купувати во такую книгарню, де продають душевну отрову и моральну црязь*. Еслибы я замочивъ перо свое въ огезъ наибольшого огорченя и тогда бы не могъ бодай приблизно описати ту моральну руйну,

въ котру затыган съ книжки и образы нашу хри-
стянску молодежь.

Противъ струѣ!

Можливо, что тобѣ про твоѣ погляды взглядомъ
моральности нынѣ еще треба буде плавити противъ
струѣ; але то одно певное, что кто плавит за стру-
ею, той плавит *долу рѣкою*. Поставися уперто про-
тивъ того — нынѣ довольно розширенного — по-
гляда, котрый не видить ничего осудительного въ по-
ниженю женского пола. Знаю, что змѣнити сей лег-
кодушный поглядъ не легка рѣчь, але надѣмеса, что
прийдуть иншѣ часы, часы здорового розсудку, коли
скасууть ту несправедливу непослѣдовность, что

нынѣ того, кто спривѣривъ або укравъ якусь мен-
шу сумму грошей, позбавляють всякой чести и пре-
зирають его всѣ, а само тогда принимаютъ и въ
лѣпшѣ товариства, даже прославляютъ звычайныхъ
уличныхъ кавалѣровъ и ограбителейъ женской чести.
Ты самъ маешь своимъ примѣромъ неутомимо дѣй-
ствовати, чтобы съ часы чимъ скорше прибыли, коли

зновѣ благороднѣ душѣ стають надавати тонѣ, а не тѣ, котрѣ голосно хваляться своими свинствами. Будь правдивымъ „джентельменомъ“, паномъ у взнесенномъ смыслѣ слова, котрый каждый звычайный жартъ, каждую пикантну анекдоту уважае для своего „панского“ вкуса грубымъ пониженьемъ.

Най буде твой способъ думаня благородное, т. е. беззакидное.

„Прийде часъ“ — говорить *Ферстеръ*, сей вызначный педагогъ нашихъ времянь — „коли порядокъ и чистота въ сихъ отношеняхъ правѣ такъ буде принадлежатн до понятія беззакидного мужа, якъ дискреція въ грошевыхъ дѣлахъ; и коли лѣкаръ правѣ такъ не буде смѣти совѣтовати, отзываючися на гигиѣну, молодому чоловіку внѣсупружескѣ половѣ зносивы, якъ не смѣе рекомендовати роботникови, чтобы изза лѣпшого stravованя ишовъ поживу красти“.

Въ огни поспѣху.

Може товарищѣ твоѣ будутъ глумитися твоему встыдливому поведеню и смѣяться надъ тымъ, что не чувствуешь себе добре въ ихъ товариствѣ, коли они провадятъ всякѣ неприличнѣ бесѣды, что почервенѣешь, чуючи ихъ безсоромнѣ слова. *Сыну мой, будь юрдый на се!* Будь гордый, что еще запалюется твое лице соромомъ! Чувство стыдливости у людей то не „дѣтвацитво“, не „биготство“ и „лицемѣрство“ якъ они говорятъ, але неощѣняемый скарбъ, оружје, данное природою, чтобы могли, часто и несвѣдомо, оборонятися противъ низькихъ думокъ. Чувство стыду у молодця се дуже точевый компасъ, котрый реагиуе на всякѣ и найменшѣ напады неморальности и есть скарбомъ дуже цѣннымъ; сильна гать противъ волянь нечистоты, котрѣ изъ всѣхъ сторонѣ напираютъ на невинность его душѣ. Уже поганский *Платъ* констатовать, что „пропаде той, у кого не е чувства стыдливости“.

Волюють называти тебе твоѣ товарищѣ зассталымъ, фарисеемъ, святцемъ и глупымъ, нежели цѣною утраты чистоты твоей душѣ заслуговатися ихъ похва-

лы. Пригадай собѣ слова св. *Августина*: „Не ненави людей изза ихъ грѣховъ и блудовъ, але зато не люби грѣхи и блуды изза людей“.

Боягузь той, кто за свое пересвѣдченя не хоче, або не смѣе знести неприемности, коли слабѣ дѣти готовѣ были за Христа веречи свое молодое житя кровожаднымъ звѣрямъ. Чотыринадцять лѣтний мученикъ *Витъ* зъ усмѣхомъ на устахъ стоявъ въ кипячюмъ олені; тринадцять лѣтний *Пелайй* годенъ бывъ зносити, что ему отрѣзали всѣ уды тѣла за Христа.

Глумъ и насмѣшки твоихъ товаришовъ — се не дивниця. Ци свинѣ, лежачѣ въ болотѣ, не кличуть своихъ камерадовъ въ фыйный, пахнучий камъ? Жабу можешъ поставити и на престоль, она и оттамъ заскочитъ въ болото, бо лишъ тамъ чувствуетъ себе добре. Наверно знаешъ сю давну приповѣдку: *Sunt, a quibus vituperari — laudari est.* Суть люде, зъ стороны котрыхъ псовани — похвала есть. И осель наверно нарѣкае на рожу, что она цвѣты мае, а не только бодаки.

Въ одномъ верховинскомъ селѣ всѣ люде были волять. Одного разу переходали туды туристы. Поряднѣ, здоровѣ люде изъ звычайными людскими тварями. Дѣти увидѣвши ихъ, регочучися бѣгли за ними и кричали: „Позирайте! Люде, а не мають воля“.

Тебе въ твоей борьбѣ за чистоту мае скрѣпляти се святое пересвѣдченя: Кто хоче утрагити свой характеръ и свою индивидуальну честь, кто хоче быти слугою своихъ пристрастей, — той най бѣснуеся въ половыхъ розкошахъ. Але кто цѣнитъ свое людское достоинство и хоче изъ себе вытворити гармоничный характеръ, той най береже свою душевну и тѣлесну непорочность якъ драгоценный скарбъ ажъ до Богомъ назначеной св. тайны супружества. Прекрасно пише *Гердерь*: Хоробрый, кто переможе льва, хоробрый, кто завоевавъ свѣтъ, але наибольше хоробрый, кто себе самого переможе. Вусы твоѣ выростутъ самѣ отъ себе, ноги протягнуться и безъ тебе, але правдивый характеръ буде изъ тебе лишъ цѣною завзятой борьбы. За се маешъ гяжко боротися, каждый день завоевати одинъ кусокъ изъ твоей слабости крѣпкимъ самоотверженьемъ и свѣдомою душевною працею.

Нѣтъ нѣтъ, не правда!

Что не правда? То, чимъ хотять ослабляти твоѣ товаришѣ твою крѣпку постанову, выдачи, что ихъ дотеперьшнѣ аргументы не были годнѣ тебе отвернути отъ чистого жита и даремнѣ были ихъ всѣ усилія привести тебе до грѣха нечистоты. Не правда, чимъ они тобѣ постоянно заголомшуютъ голову, отзываются на своѣ досвѣды и на выслвы лѣкаревъ: „Ты дураку, ты недуйдавый, дарьмо усклуеешьсѣ поддержи свою тѣлесну чистоту до супружества, — бо се абсурдъ, се невозможно! Пробуешь невозможно! Молодежь муситъ выжитисѣ! Роки молодости треба выкористати! Лишь заосталый свѣтоглядъ може требовати чистого жита. Молодой, добре розвинутый, отъ здоровья трѣскающий тѣлесный организмъ сего не выдержитъ. Якъ дыханя, якъ битя сердца, — такъ потребно и половое жита. Приходить само отъ себе, ты тому не виненъ. Что природное, то не може быти прѣшисе и тому задушити не свободно. Чому противлятися? Похворѣешь, станешь нервознымъ, если будешь чекати ажъ до супружества. Дивися, и сей м той бывъ у лѣкаря, а лѣкаръ радивъ ему, что можно, смѣло... лишь розумно и осторожно...“ Такъ будутъ тобѣ говорити.

Та се то, на что я скажу, что не правда! Не е правда, что молодежь муситъ выжитисѣ въ такомъ смыслѣ, въ якомъ то твоѣ товаришѣ розумѣють. Тадъ примѣромъ Церковь требуе отъ своихъ монаховъ и священниковъ безженства, совершенну полову повздержливість на цѣлое житя, и они всетаки не хворѣють, даже пересѣчно дальше живуть, якъ другѣ люде. Та тогда якъ можъ такое сказати, что не можъ вздержатисѣ отъ полового жита хоть лишь до супружества?! Зато еще раз повторю, что не правда. Неправда, что здоровый и сильный организмъ не могъ бы здержатисѣ отъ полового жита. И тысяча разъ неправда, что наслѣдкомъ чистого жита достанешъ яку нибудь хвороту!

Та что есть правда?

Не бався огнемъ!

Если ктось изъ соломы, тому добре буде геть далеко стояти отъ огня. Электричный проводъ расплаюся, если ударить до него громъ. И благий конь сполошится, если положить въ его ухо горящій чъръ. Зато говорятъ и твоѣ товаришъ такъ, бо, живучи черезъ довгъ лѣта въ грѣхахъ тѣлесныхъ, настолько знищили силы своей волѣ, что те перь уже цѣломъ невозможнымъ указуеся имъ житя въ тѣлесной чистотѣ.

Въ берлинской національной галеріи находится образъ, котрый възбудуе въ чоловѣцѣ дуже смутнѣ думки. Межи высокими скалами на днѣ пропасти шалено рине дикий горский поточокъ; надъ пропастью веде мостъ все больше з'ужуючийся такъ, что отъ середины моста лишь одна узенька дошка веде на другой берегъ. На мостѣ ѣздитъ на дикомъ кони въ шаленомъ розгонѣ молодой чоловѣкъ зъ горящими очима и зъ палвочимъ лицемъ... Онъ не видить пропасть бездонну, не звертае уваги на узку лавку; его очи видять лишь одно: на противной сторонѣ на высокой скалѣ сидитъ и усмѣхаеся на него чаровна русалка въ змысловой роскоши. Лишь еѣ видить, лишь до неѣ летитъ погубнымъ порывомъ — а при его боцѣ ступае смерть изъ злораднымъ усмѣвомъ на устахъ и въ пѣсковою годинкою въ еѣ костистыхъ рукахъ. Зарятка пѣску уже-уже вытекла, молодой ѣздець уже приближаеся до доски... уже паде... валитъся... летитъ зъ пропасть... а подъ нимъ шалѣющий потокъ, якъ широко розтвореный ротъ пекла...

И се правда! Кто разъ вступивъ на похилу площу неморальности, той ледвы удержитъся...

Стариннѣ народы оловѣдають про одну гору сильно магнетичну, котра поднимаетъ далеко въ серединѣ моря. Якъ приближаеся до неѣ якийсь бурею гнавый корабель, она притягае его страшною силою и разбивши на кусники, затопить въ глубокое море. Такожь много оловѣданъ есть о сиренахъ, котрѣ своими чаровными пѣснями примаюють моряковъ на

свой островъ и тамъ немилосердно позбавлять ихъ жия. Та такой магнетной горы не е на свѣтѣ, та-кожь и оповѣданя о сиренахъ принадлежать до царства казокъ, але отъ спѣву сирень и отъ притягающей силы магнета небезпечнѣйшѣ суть приманы змысловости и кто достаея подъ ихъ вплавъ, — той лопавъ въ наибольшу небезпеку.

Се есть правда.

Але и то правда, что твоѣ товаришѣ еслибы были указалися спочатку сильнѣйшими и супротивилися бы зъ большою энергїею своимъ низкимъ тѣлеснымъ пожаданямъ, нынѣ не хиталася бы ихъ воля подъ каждымъ слабымъ подувомъ тѣлесной покусы. На початку сѣ покусы еще слабѣ, боязливѣ и менше напорнѣ. Тогда гребало было указатися твоимъ товаришамъ крѣпкодушными и тогда теперь не мусѣли бы оправдовати своѣ грѣхи всякими порожными прикрывками. Звѣстна рѣчь и передъ тобою, что и найлютѣйшѣ звѣрѣ можно выдрессировати; въ циркахъ видиме продукціѣ, что человекъ голову свою задѣ въ пащу льва и ничъ не стаея ему.

Бо не инстинктъ есть неодолимый, лишь воля слаба и не годна усмирити штучно роздражненный тѣлесный гонъ.

Послухай, что пише относительно сего одинъ университетский профессоръ *Левъ Либерманнъ*: „А теперь оповѣдаеме тымъ, котрѣ твердятъ, что заспокоеня тыхъ тѣлесныхъ желанъ, что заскѣпила въ насъ сама природа, не може быти шкодливое. Отвѣтъ мой такий. Природа заосмотрѣла насъ всякими инстинктами; каждый служить иншимъ цѣлямъ, бо для столько различныхъ потребъ людской природы одинъ инстинктъ не бывъ бы достаточный. Первою цѣлею природы есть то, и тобы удержати людский родъ, чтобы онъ не выгинувъ; для сей цѣли служить полова сила въ человекѣ. Друга, чтобы вытворилося здоровое людское поколѣня и чтобы людский индивидуумъ при непосредномъ твореню нового поколѣня остався здоровымъ. Однакъ, понеже заспокоеня полового инстинкта, служачого для размноженя людства, легко може статися шкодливымъ для другой цѣли, зато до

того першого инстинкта доданий еще одинъ регулирующий инстинктъ, что можеме назвати розмышляющимъ инстинктомъ.

Инстинкты самѣ въ собѣ указуются часто обманчивыми!

Чоловѣкъ выздоравлиючися изъ тифа такъ страшно голоденъ, что оны плаче за поживою. Инстинктъ поживный може николи не выступае зъ такою силою, якъ тогда. Однакожъ что станесе, если чоловѣкъ розмилосердиться надъ такимъ хворымъ и подае ему кусокъ хлѣба? Выставиме его наибольшой небезвѣдѣ житя. Бо его кишки внутри покрыты еще не зажившими загоеными ранами, котры еще не годны стерпѣти твердой стравы; раны зрываются, кишки продѣрываются и настане певна смерть.

И кто не желавъ бы выпити стаканъ студеной воды, або скупатися въ холодной водѣ, коли здушився и задыхае отъ жару? Але мы все знаеме погубитъ наслѣдки такого крока. Маеме отже признати, что инстинктъ то слѣпа сила, за нимъ певно не можеме ступати и треба его часто погамовати“.

Звѣрина все робить по своему инстинкту и звѣринный инстинктъ не зведе звѣря зъ правильной дороги. Але у чоловѣка инстинктъ мае своего контролора, и се есть разумъ; а голосъ разума мусить неравъ противитися домаганю инстинкта.

Выкорыстай молодость!

Такъ, молодѣ лѣта треба выкорыстати! Але не такъ, что непогамовано розпустиме все свои пристрасти, але такъ, что въ свѣдомости великого значеня молодыхъ лѣтъ зъ святою повагою выформуеме въ собѣ характеръ будучого мужа. Если твоѣ молодѣ силы до розтрѣсканя розпинаются въ тобѣ, если въ твоихъ жилахъ якъ огненна лава пулсуе твоя молодая кровь — *вержися въ роботу и звертай свою молодю енергю на чимъ точнѣйшее сповненя твоихъ каждодневныхъ повинностей*. Наше высшее „я“ въ насъ бывающий духъ мусить дойти до розцвѣту

и до ведущей роли; а нашъ тѣлеснѣ похоти най научаться повиноватися и поддатися веденю духа.

Ты свободный — скажутъ тебѣ. „Свобода“, „самостоятельность“ чаровнѣ слова въ очахъ молодежи. И ты повиненѣ быти свободный и самостоятельный, але при томъ разумный и тверезый. Якъ въ природѣ, такъ суть и въ моральномъ житю законы, а тѣ законы не можно безкарно переступить. Коли ты робишь прогулку въ природѣ и высоко въ горахъ на краю стежки надъ глубокою пропастью видишь охороное поруча, не будешь сказати: „А се чому ограничае мою свободу?“ И не накинешя на него, бо если такъ, то безусловно полетишь въ глубоку пропасть. Такими поручами суть въ моральномъ житю законы, котрѣ въ твоємъ молодомъ житю може являються тебѣ перешкодами, але суть они властиво охороною розвитку твоего здорового морального житя и не дають тебѣ впасти въ погибель. Ты можешь выкорыстати свою молодость, але не стопаньемъ моральныхъ законовъ! Будь свободный, але такой, котрый своимъ характернымъ житьемъ сповняе святу волю Сотворителя.

„Але придушованя инстинктовъ, погамованя пристрастей, выкорененя нашихъ злыхъ похотей есть противъ природы!“ — кричать тебѣ въ уши. Противприродное? Пригадай собѣ, что и монахи въ середнемъ вѣку *пустошили* пралѣсы въ природѣ, але лишь изъ той цѣли, чтобы вмѣсто нихъ *завели* цивилизацію.

Выжййся! — чуешь изъ всѣхъ боковъ. Та добрѣ. Сего и Христось не забороняе, лишь одного пожадае: Выжййся, але не лягаючи до болота, не пускаючи ся делу, але поднимаючи ся все *горѣ, горѣ!* Глянь на рожу, котра въ своей молодости такожь „выжилася“, т. е. огородникъ лишивъ дикимъ наросткамъ буйно расти. Ци проведе она колись краснѣ пахучѣ цвѣты? Нѣтъ. Бо найцвѣтѣйшѣ силы своего молодого вѣка змарнила на дикѣ наростки. Друже мой — ты еси такожь огородникомъ, и то огородникомъ той рожѣ, котра выросте изъ твоей молодой душѣ.

Якъ много молодыхъ хлопцевъ е, котрѣ плачутъ темными ночами зъ отчаяннымъ рыданіемъ: чому не напоми-

нали насъ завчасу на страшнѣ наследки сего грѣха? Хоть лишь на той першій проклятый грѣхъ нечистоты?!

Чистота и здоровья.

Мушу туй сказати пару словъ о тыхъ твоихъ безсовѣстныхъ приятеляхъ, такожь и лѣкаряхъ, котрѣ изъ легкодошности — не хочу сказати, что изъ никакого корыстолюбія — говорить вамъ о „шкодливости чистого жита“. Само собою молодежь съ слова радо слушае, бо находить въ нихъ оправданя своего грѣшного жита. Что такихъ лѣкаревъ есть, добре знаю; але и то знаю, что серіознѣйшѣ лѣкарѣ такихъ своихъ коллеговъ уважають шарлатанами. Jeder Arzt, der so rät, begeht ein infames Verbrechen. Каждый лѣкаръ, котрый дае таку пораду, совершить подлый влочивъ — пише проф. Ziemssen.

Майже немовѣрное, насколько помѣшають и лѣпшихъ хлопцевъ такъ, изъ воздуха черпанѣ погляды, по котрымъ чистое жита причиня хвороты або вервозность. Только говорить несчастному, что уже и самъ поколебаеся и если ночью пробудиться и чувствуе, что мало кругиться ему голова, або на твари появляться пирщики або сильнѣйше б'е сердце, заравъ готовое заключеніе: „Та туй е! Пранду мають лѣкарѣ! Я хворый, моѣ нервы розстроены!“

Дорогий сыну мой! Не дай себе обманути сими дурницями! Еслибы ты и чувствовавъ якийсь боль або закруть въ головѣ, та тогда уже свободно бы тобѣ за такъ малъ неприемности розорвати бѣлоснѣжну одежу твоей чистой душѣ? Чи свободно въ болото топтати законы моральности, чтобы позбавитися такихъ незначныхъ неприемностей? А еслибы и такъ, и тогда маешь знати, что не здоровья есть наибольшимъ скарбомъ на свѣтѣ! Характеръ, честь, спокойна совѣсть высоко перевысшають его.

Але и то не правда, что вздерживость хоть лишь въ найменшой мѣрѣ шкодитъ здоровью; се просто брехня! Покажѣть менѣ хоть лишь одну на-

учну книгу, авторъ которой готовый передъ форумомъ науки отвѣчати за свое такого рода твердженя, что вѣдержливость есть для здоровья чловѣка шкодлива; або укажѣть менѣ хотѣ лишь одного серіознаго лѣкаря, который знавъ бы указати хотѣ лишь одну хвороту, котра повстала наслѣдкомъ чистого и непорочного жия. *Нигде на уломѣ свѣтъ не найдеме ани одного!* Наоборотъ! Найдеме тысячу книгъ, въ которыхъ суть вычисленѣ страшнѣ наслѣдки неморального жия. Може найдеса такій лѣкаръ, который — чтобы больше зарабатывъ — хотячи угодити эмысловымъ наклонностямъ молодежи, въ частныхъ розговорахъ одобряе простунки противъ моральныхъ законовъ, але всѣ тѣ лѣкарѣ, котрѣ на семъ полю являются фаховцями и мають передъ научнымъ свѣтомъ авторитетъ, одноголосно осуждаютъ такое, ничимъ необоснованное твердженя.

Что скаже наука?

Одному студентови семоклассникови, который перечитавъ сю книжку, сказавъ его старший братъ, студентъ универзитету: „Добре, добре... Але такъ зле оно еще не е. Все то тамъ въ книжцѣ красно написано. Але то лишь „попы“ такъ говорятъ. Признаю, что не добре такъ дѣла передчасно зачинати, але якъ уже минуло двадцать лѣтъ, то уже...“

Такъ? Лишь „попы“ говорятъ такъ?

Якъ тобѣ не скучно, прочитай, что скажутъ на се не „попы“, але вызначитъ авторитеты лѣкарской науки.

По мнѣнню *Kraft-Ebing-a* каждый нормально развитый мужъ може жити въ тѣлесной чистотѣ безъ того, чтобы наслѣдкомъ половой вѣдержливости въ его здоровельномъ станѣ настала бы найменша змѣна. (*Psychopatia sexualis*. 1867).

Dr. Forel, славный психикъ въ Цюриху такъ пише въ своей книжцѣ: *Die sexuelle Frage*: „Межи авычайными обставинами для пересѣчно нормального молодця, который такъ физично, якъ умово нормально працюе и вѣдержуеся отъ штучныхъ зворушень, головно

же волю и развѣжность спящихъ наркотичныхъ напоевъ и никотина, для такого полова вздержли-
вость вообще не есть немощлива, а для здорвля въ
наименой мѣрѣ не есть шкодлива. Ани разѣ не
стрѣтися я зъ такою нервовою хворотою, котру бы
была причинала полова вздержливостъ, наоборотъ
многими такими, котрѣ повстали наслѣдкомъ сифили-
са або иныхъ неморальныхъ проступковъ. Маеме
заступати то мнѣніе, что для молодець не лишь мо-
рально и эстетично, але и *жизненно* найвыгоднѣй-
ше, если заховують чистое моральное жита.

Dr. Rossier пише: „И я почуваю себе щастливымъ,
что могу себе причислати до тыхъ, котрѣ мають от-
вагу подчеркнути, что чистое жита въ жадномъ слу-
чаи не шкодитъ здоровлю молодого чоловіка. Лю-
бия бы я се каждому окреме повѣсти, что такому
лѣкарви, котрый радить вамъ уже передъ вѣнча-
ннемъ тѣлесно грѣшити, не вѣрете, бо така рада есть
хибна и шкодлива“.

Dr. Herbst нирбергскій лѣкаръ говорить: „Цѣлко-
вита полова вздержливість абсолютно не причинае
жадну школу. Кто твердить противное, обманое се-
бе, або глядае безосновное оправдованя своихъ не-
моральныхъ учинковъ. И най позволяеся менѣ ска-
зати еще больше. Цѣлковита тѣлесна чистота е зов-
сѣмъ можлива, — лишь не только тѣлесно, но и ду-
шевно треба содѣйствовати. Не лишь тѣло треба вздер-
жати отъ всякихъ дѣлъ, але и фантазію... Чистое жи-
та есть не лишь возможнымъ, але и богатнымъ“.

Другий международный конгрессъ, котрый бывъ по-
держанный въ Брюсселѣ года 1902 въ присутности изъ
вѣсхъ краевъ свѣта призванныхъ лѣкаревъ, одного-
лосно вынѣсь такое рѣшеня: „Головно молодежь тре-
ба научити тому, что чистое жита не то что николи
не есть шкодливое, наоборотъ, такъ изъ огляду лѣ-
карского, якъ изъ гигиеничного безусловно поруча-
емое“.

Dr. Surbled: „Въ тѣлесной чистотѣ жита е можли-
вое и никакъ не небезпечное. Изъ неморального жита
вытекають всякѣ лиха, але изъ вздержливости жаднѣ.
Се явно изъ того, что богато обширныхъ лѣкарскихъ

книгъ описуе хвороты, происходячѣ изъ разпутнаго жия, але книжки про недуги, котрѣ мали бы повстати изъ чистаго жия, еше все ждуть своихъ авторовъ“.

Лькарский факультетъ университета въ Кристиани выдавъ слѣдуючу заяву: „Въ найновѣйшихъ часахъ розными особами проголошено и газетами публично повтореное то твердени, что чистое жия и полова вздержливість для здорова школива, по нашимъ односторонне выраженымъ досвѣдамъ цѣлкомъ ошибочное. Не знаеме ани одной хвороты або слабости, о котрыхъ можно або свободно бы было твердити, что они повстали изъ совершенно чистаго и моральнаго жия“. Подписано: I. Nikolauson, E. Schönborg, J. Heiberg, E. Winge, Jokmann, профессоры лькарскаго факультета въ Кристиани.

Dr. Ziemssen каже: „Каждый лькаръ, котрый комуе дае таку пораду, чтобы нащививъ публичный домъ разпуты, сповнить гавебный злочинъ (ein infames Verbrechen). Наука не знае ани одной хвороты, котру бы было причинило чистое жия“.

Montegazza, извѣстный италянскій физиологъ пише такъ: „Каждый чоловікъ, головно же молодежь, може досвѣдчитися о благодатяхъ чистаго жия. Память у такихъ е быстра и вытревава, мысль жива и творча, воля сильна, характеръ же всталоюся въ енергію... Жадное скло на свѣтъ не показуе намъ такихъ надземныхъ барвъ, якъ призма чистоты, котра искрами веселки освѣчуе всѣ житъевѣ справы и дае чоловікови безхмарну щастливість“.

Eilenburg, профессоръ психотерапіи на берлинскомъ университетѣ, пише: „Сомнѣваюся, ци кто нибудь понавъ бы при разумномъ способѣ жия — выключно только наслѣдкомъ половои вздержливости въ яку нибудь хвороту або ставъ нервознымъ. Я уважаю се часто повторенное твердениа пустымъ и порожнымъ лопоченьемъ“.

Österlen въ книгѣ *Handbuch der Hygiene* пише такъ: „Молодой чоловікъ, такожъ и молода дѣвчина повиннѣ заховати вздержливість. Се не може быти для нихъ тяжкое, коли подумаютъ, что отъ ихъ молодого

жита зависить цѣла ихъ будущность, головни же счастья ихъ супружеского жия. Треба имъ пояснити, что богатоу нагородоу ихъ временной вадержливости буде цвѣтучоу здоровля, огромна творча сила и мумеска самосвѣдомость“.

Dr. Hersen, проф. медицины въ Лозанѣ пише: „Тѣ лѣкарѣ, котрѣ допоруцають молодымъ людемъ, чтобы глядали заспокоеня своихъ тѣлесныхъ пристрастей внѣ супружества, провиняються неоправданною легкомысленностью. Если молодой чоловікъ скаржится на боль головы або бия сердца, треба его поддати лѣкарскому осмотру, чтобы пересвѣдчитися, ци не уживае богато пива, вина, чаю, кавы або никотину; треба провѣрити, ци не забогато сидитъ або ци не находится якась ниша причина его нездоровля. Але такой безсовѣстной рады не можъ ему дати“.

Mich. Gruber, славный мюнхенский университетский профессоръ, опираючися на теорію, на своѣ досвѣды и статистичнѣ даниѣ, проголошуе: „Не е ни тѣни доказу того, что вадержливость шкодитъ здоровоу; противно, всѣ тѣ, котрѣ умово и физично тяжко працюють, въ часѣ найвысшого напруженя силы чувствують насколькы побольшеу полова вадержливость ихъ змагания и способность до праць. Сего свѣдомѣ были атлеты старинного вѣка, знаютъ се спортсмѣнцѣ нашей doby, знаютъ гениальнѣ дослѣдники науки, такожь и художники“.

Dr. May: „Подчасъ моей майже тридцять лѣтней лѣкарской практики мавъ я смутну нагоду видѣти премного нещастныхъ жертвъ неморальности; але ани одной жертвы не найшовъ моральной вадержливости“.

„Той накидь“ — пише *Dr. Paull*, школьный лѣкаръ въ Карлругу — „что такъ часто роблять поверховѣ люде, на основѣ котрого незаспокоеня полового инстинкта причиняе всякого рода хворого стана — цѣлкомъ безосновный. Ани одинъ лѣкаръ не констатовавъ такой хвороты, котра бы была повстала изъ незаспокоеня полового инстинкта. Жадный совѣстный лѣкаръ не твердивъ и не могъ твердити, что здоровый чоловікъ для удержаня своего здоровля

потребовавъ бы заспокоеня полового инстинкта. То выдѣленя сока тѣлесного, что часомъ настае у мужовъ чистого житя т. зв. поллуція, вообще не патологическое явище. То е натуральна рѣчь. Изаа чистого житя — и се сильно подчеркиую — еще никто не похворѣвъ“.

Отдѣль лѣкарокъ *Нар. Общества Мадъ. Лѣкаревъ* проголосивъ слѣдующее: „Въ имени християнскихъ лѣкарокъ, на основѣ ихъ религійного и научного пересвѣдченя отказуеме тобѣ, чтобы ты николи не забывъ и все гомойзло въ твоихъ ухахъ: *Неправда, что чистое житя шкодить зворовлю!* Не е ни одного честного и образованного лѣкаря, котрый знавъ бы указати бодай на одну хвороту, что причинило чистое, вздержливое житя. Если и находятяся нервовѣ зворушеня, причину котрыхъ глядають въ половой вздержливости, така нервозность николи не выстунае у одиниць, котрѣ паскуднѣ думки выганяють изъ головы, кибя у тыхъ, котрѣ нарочно зворушуютъ свою фантазію и нервы всякими лектурами, розговорами и лишь зато не допускаются до дѣла, бо боятяся его наслѣдковъ. Наоборотъ, можеме вычислити цѣлу громаду такихъ нещастныхъ, котрѣ про своѣ, або про грѣхи своихъ родичовъ бывають въ домѣ дурныхъ, заведеню слѣпыхъ и у вязницяхъ“.

Вотъ, товастый букетъ изъ проявъ серіозныхъ лѣкаревъ! Повторяю: не „чопы“ сказали съ слова, але вызначнѣ лѣкарѣ. А до сихъ словъ приключи еще то море нещастя, проклятя и хвороты, что супровождае неморальное житя; и бери въ увагу, что черезъ одну прокляту ночь тысячѣ и тысячѣ будутъ покутоваги и душевно-тѣлесно гинути — а потомъ розкажи се твоимъ приятелямъ, котрѣ бляндають тобѣ про неможливість и шкодаивѣ наслѣдки вздержливого житя. Укажи имъ тѣ численнѣ больницѣ и дома дурныхъ, де нидѣють тысячѣ печальнѣ жертвы неморального житя и попроси, чтобы они указали тобѣ одну одиноку больницу, де лѣчатяся тѣ, котрѣ стали хворыми наслѣдкомъ чистого житя.

Хоть лишь одну-одинокую!

Что осѣдчуся у одиниць, то само повторяея у цѣлыхъ народовъ. Исторія знае о народахъ, котрыъ знищилися наслѣдкомъ неморального жита, але не знае ани одного, котрый бы знищился наслѣдкомъ частого жита.

Богъ и природа.

Але се и не може быти иншакъ. Ты видѣвъ, что Божѣ установы пожадають повной вадержливости передъ супружествомъ. Але тѣ установы не можуть быти шкодливѣ для здоровья, бо если такъ, та тогда Богъ самъ собѣ противорѣчивъ бы, что е невозможное. И такъ, если Богъ пожадае чистого жита передъ супружествомъ, онъ мае дбати и про то, чтобы се не было никому на шкоду. Интересное замѣчаня здѣлали филологи, коли прослѣдили, что въ прастаромъ тевтонскомъ язвцѣ на понятіе „здоровый“ и „святой“ уживалося то самое слово. И нынѣ въ нѣмецкомъ язвцѣ: *heilen, heilsam* и *heilig*. Еслибы чистое жита было шкодливое, чому природа такъ страшно карае всякими хворотами якъ разъ неморальное жита? Природа сама собѣ не буде противорѣчати! Не е то припадковость, наоборотъ, выразное слово природы, что межа звѣрями не е ани слѣда венеричныхъ хворотъ, бо звѣрята не грѣшать противъ регулярного полового жита — лишь свободна воля чоловіка мае сю смугну привилегію.

Мы, люде стараемєся подъ каждымъ оглядомъ стояти выше звѣрять; мы не жреме, але ъме; не речемєся, але *уsmithаемєся*; не морду маеме, але *лице*; одиноко на семь полю, на полю полового жита стоимє нивше звѣрять.

Изъ помежи всѣхъ сотворенъ лишь чоловікъ доставъ отъ своего Сотворителя такое превосходное средство, якъ рука. Нею пануемє надъ цѣлымъ свѣтомъ и нею перевысшаемє звѣринный свѣтъ. Руками приготавлиемє своѣ стравы, малюемє образы, пишемє книжки, одѣваемєся въ одежду, кермуемє локомотивами и пароходами, всѣ такъ дѣла, чого звѣрята

зовѣмъ неспособиѣ. А съ руки, сей превосходный дарунокъ Сотворителя понижаете тымъ, что уживаеме ихъ для обезпеченя своего властного тѣла, для самооскверненя?

И ци не свѣтлѣйше отъ сонця указуе на караючу руку Бога та обставина, что наслѣдкомъ той творчой силы, котра покликана на возбуженя нового житя — только много людей гине. Ци могла бы привода выразнѣйше протестовати противъ виѣсупружеской половой сполуки, якъ тымъ, что такими страшными хворотами караете неморальное житя? Природа защищае себе, обороняе свои свѣты законы якъ знает; нападе на законопреступниковъ миллиономъ войскомъ погубныхъ бациллоу. И не е то случайность, наоборотъ, дуже выразный голосъ совѣсти, что цѣлковитое обезпеченя передъ сею хворотою дае лишь совершенно здержливість въ молодыхъ лѣтахъ, або непорочное супружеское житя.

Кто не може остане чистымъ ?

Одно треба признати, что если дакто лишь отъ внѣшнихъ учинковъ неморальности хоче здержатися, а внутри отдаеся нечистымъ думкамъ и желанямъ, той не буде годенъ довго зберегти своей чистоты. Бо на семь полю не можъ стати на серединѣ дороги. Душа и тѣло взаимно дѣйствуютъ на себе, а душевное зараженя ослабляетъ такожь и тѣло.

Туй не має мѣста уступчивость; туй токмитися не можъ. Туй не можъ себе успокоевати: „Лишь доти буду заниматься сими думками, доки дойду до границы грѣшного насолодженя“. Дарьмо! Кто въ своихъ мысляхъ нечистый, той уже грѣшивъ противъ чистоты. Зато чрезвычайно важнымъ есть уважати на чистоту думокъ. Бо уже сама нечиста думка може взоручити наше цѣлое ество; бо взорученя черепового мозга несамохотъ перейде на хребтовий мозгоу, оттуды на половы органы; роздраженный такимъ способомъ половый инстинктъ же буде домагаться виѣшняго грѣшного дѣла. Я допушу, что ты

не годенъ згасити огонь полового инстинкта, ае ци не ты самъ розяривъ той огонь?

Ты знавъ, что въ твоємъ внутрѣ бестія дрѣмае — чому ты еѣ збудивъ!

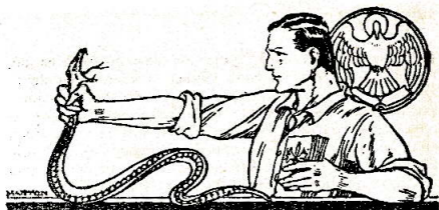
Ты знавъ, что твоя натура скоро розпалюеся — чому ты грався огнемъ?

Ты знавъ, что въ близкости стрѣльного пороха не вольно устрои жаднѣ забавы огнемъ!

Кто въ думкахъ согрѣшитъ противъ чистоты сердца, кто читае неморальнѣ книжки, кто придивляеся въ театрахъ и кинахъ порнографичнымъ представленьямъ, той грѣшитъ противъ чистоты и допускае, чтобы непогамованѣ его думки сильно укрѣпилися, относительно того допускаю, что не може здержатися отъ грѣшныхъ дѣлъ. Але, чтобы якийсь клопецъ чистого сердца и чистой душѣ не могъ бы здержатися отъ грѣшныхъ дѣлъ и чтобы для его здоровая вздержливость указалася бы шкодливою, того не признаю. *Нѣтъ, нѣтъ и сто разъ нѣтъ!*

Борися и уловай!

VI.

Борися и уповай!

*Fortior est, qui se, quam qui
fortissima vincit moenia; nec vir-
tus altius ire potest. (Ovidius).*

*Сильнѣйшій отъ завоевника
крѣпостей той, кто переможе
самого себе; высшій степени
хоробрости не е.*

Повторяю, что сказавъ въ попереднемъ заглавіи:
Сыну мой, хотѣбы ты мавъ, не знати який горячий
темпераментъ, хотѣбы як чувствовалъ въ собѣ воло-
дѣти жаръ твоихъ инстинктовыхъ пристрастей и хотѣ-
бы они напали на тебе силою дикихъ буваловъ и
пожерливыхъ вовковъ, они тебе не перекожутъ, *если
ты не хочешь имъ поддаться*. Если буде въ тобѣ
характеръ, если крѣпка буде у тебе житьева струя
— воля. Бо знаешь, что и противъ вѣтра можъ ле-
тѣти и противъ струѣ можъ плавати!

Звѣдаешь: что маю робити?

Ты знаешь, что если дагде переходюють якийсь
дорогоцѣнный скарбъ, то дають на двери сильну
колодку. И чимъ большой скарбъ, тымъ сильнѣйшій
и замокъ. *Наибольшимъ скарбомъ твоимъ мае быти
чистота твоего сердца*. Стережи отже зъ неутоми-
мою вытревалостью двери, черезъ котрѣ може зло-
дѣй закрастися въ хижу и позбавити тебе твоего
найцѣннѣйшого скарба. Стережи всѣ твоѣ змыслы!

Уважай на всё своё думки, на каждое свое слово, на свои погляды, на свои учинки и стережися передоусьмь першого грѣшного кроку, бо по першомь моральномь упадку легко може слѣдовати и десять грѣшныхъ кроковъ. Я знаю добре, что въ томь вѣку, коли въ твоихъ жилахъ кипить кровь якъ у вулканѣ, мусишь стояти постоянно на сторожи, если хочешь захвати равновѣгу духа. Але ты уже знаешь, что туй розходиться о цѣлой твоей будучности и ты за тыхъ пару лѣтъ борьбы, въ котрыхъ мусишь указатися сильнымь, достанешь велику нагороду: въ молодыхъ рокахъ тяжкою борьбою выробленный, сильный, мужеский характерь.

Чистое жия! Чистъ думки!

Знаю, что ты рѣшенный до борьбы и хочешь за всяку цѣну захвати свою душевну чистоту. Бо якъ тѣло потребуе чистоты, чистого бываня, чистого воздуха, чистой одежѣ, чистыхъ стравъ, такъ и головнымь условіемь жия твоей дунѣ есть чистое моральное жия.

Если въ нашомь домѣ хочеме вычухати сходы, то начинаеме зъ горы; если хочеме вычистити свою душу, треба сю чистку начати отъ внутреннихъ думокъ. Не лишъ въ словахъ твоихъ и дѣлахъ маешь бити чистый, але и *у всѣхъ своихъ думкахъ*; бо если ктохъ хотя бы лишъ думками согрѣшитъ противъ чистоты, той уже вытягнувъ одну цеглу изъ того будинка, котрый переходуе скарбъ его душѣ и то уже лишъ вопросъ часу, коли звалиться цѣлый домъ. Блажени чистинъ сердцьмъ, яко тѣн Бога оузратхъ (Мт. 5, 8). — говорить св. Письмо. Чистота сердца есть така чутлива якъ г. зв. болоньское скло (въ студену воду спущена скляна масса), что розсыпаюеся при найменшомь нарушеню. *Ты будешь або зовсѣмь чистый, — такожь и въ думкахъ, — або безъ ратунку пропадешъ.* Третего не е. Токмитися въ дѣлѣ чистоты правѣ такъ не можъ, якъ въ чести; менше або больше честного чоловіка не е; е або честный,

або нечестный. Таксамо и ты або чистый, або нечистый.

Св. Августинъ, котрый передъ своимъ наверненьемъ поддався великимъ покусамъ и моральнымъ грѣхамъ, такъ пояснюе се печальное положеня: Коли нашъ прародитель еще не согрѣшили непослушенствомъ, были панами и своихъ половыхъ похотей, такъ якъ мы свободно розпоряжаеме — скажѣмъ — своими пальцями. Чоловѣкъ пальцѣ свои тогда и такъ порушуе, коли и якъ хоче. Але въ половыхъ дѣлахъ иншакъ стоиме. Нечистѣ думки, чувства, желаня повстають въ нашомъ внутрѣ и тогда, коли мы ихъ не хочеме и хотъ якъ стараемся ихъ выбити изъ головы, не повинуются. Люде — пише, св. Августинъ — въ раю такъ безумнѣ были, что не повиновалися Господеви. Теперъ Богъ якъ разъ тымъ покаравъ ихъ, что одна часть ихъ ества: полова похоть не повинуется ему, але иде слѣпо своею дорогою протнѣв здороваго розума и розсудка (инстинктъ).

Что слѣдуе изъ сего? То, что сю, все зъ собою забираючу повѣнь не свободно провоковати и если она сама отъ себе повстала въ нашомъ внутрѣ, не допустиме, чтобы она въ насъ запановали. Въ першихъ минутахъ учуешь лишъ слабое порушеня; теперъ еще можешъ его задусити, отвернути свою увагу — а ты спасенный. Але если ты поддагешся той першой грѣшной думцѣ, тогда уже выпало изъ рукъ твоихъ кермовое колесо и ты безъ ратунку валишся въ глубину.

Якъ не хочешъ, — не естъ грѣхомъ!

Наибольше клопоты будешъ мати зъ нагло вырынуючими думками и несподѣвано возбуждуючимися желаніями, бо надъ сими найтяжше намъ запановати. Якъ разъ зато хочю окреме звертати твою увагу на се, чтобы охоронити тебе отъ излишнихъ турботъ. Маешъ знати, что похоть сама въ собѣ еще не естъ грѣхомъ. За нашѣ думки мы отвѣчаеме лишъ отъ той минуты, коли тѣ стали въ насъ *вловнѣ* свѣдомыми. Скорше нѣтъ.

Въ лѣтахъ переходовыхъ часто утѣмишь, что хоть де — подчасъ науки, при забавѣ при читаню, даже и подчасъ молитвы — несподѣвано нападуть на тебе такѣ думки, котрѣ относятся до того грѣха и твоя тревожлива совѣсть неспокойно звѣдае: „Ци не есть уже пошкоджена чистота моей душѣ“? Будь спокойный. Доки ты ихъ не замѣтивъ, доты ты за нихъ не отповѣдаешъ. Мы того не винятъ, если надъ нашими головами воробки лѣтають; вина починаешъ тымъ, коли мы имъ позволимъ, чтобы они розклали гнѣздо на нашихъ головахъ. Лишь теперь, въ семь моментѣ будь сильный и заразь — безъ проволоки сильною рукою засягни въ свѣтъ твоихъ думокъ и выжени изъ головы непрошенныхъ гостей.

А якъ маешъ се зробити?

Усилуйся всякимъ способомъ заняти себе чимъ иншимъ, чтобы на мѣсто нечистыхъ думокъ наступали майже незамѣтно иншѣ думки. Возьми въ руки интересну книжку, иди вонъ бавитися, працювати, рѣжь, рубай, учися, молися, словомъ *займайся чимъ иншимъ рѣшучо*, доки твоя фантазія не очиститься отъ скверныхъ воображень. Але все то спокойно, безъ зворушеня и не тревожливо. Будешъ видѣти, что съ думки такѣ, якъ докучливѣ мухи. Мухи отогнати не можъ нервознымъ маханьемъ руками, бо стануть еще смѣлѣйшими; добре ударити на нихъ, чтобы перевернулася. Не нервуйся! Найлѣпше *не звертати на нихъ уваги* и не ставати зъ ними въ боротьбу въ лице, бо они тымъ лишь скрѣпляються. Найрозумѣйше отвернутися отъ нихъ и лишити. Стукають, клобквають, дуркають на дверяхъ твоей душѣ? Просто не зверни на нихъ уваги! Холоднокровно скажи имъ: „Но, сюды и такъ не зайдете!“ Не токмися зъ ними, бо якъ вступишь зъ ними въ бесѣду, стануть безочливими. Не бойся ихъ и остави ихъ набокъ. И псы тымъ смѣлѣйшѣ, чимъ больше ктось боиться ихъ; а коли чоловікъ спокойно иде собѣ дорогою, ганьбливо вертаються назадъ. Презирай ихъ и скажи въ собѣ: „Что скачете? Тады то е зовѣшь *выключено*, чтобы я нарочно думавъ на грѣшно дѣло“!

Не упадай духомъ, даже коли денно або хоть въ одной годинѣ и десять разъ придется тобѣ бороться зъ такими думками и желаніями. Половое дозрѣваніе въ тобѣ есть волею Сотворителя; слѣдовательно, если въ твоей головѣ крутятся такѣ думки, се есть природнымъ наслѣдкомъ твоего тѣлесного развитку. И не ламай голову: „Иой, може я уже и згодився на грѣшну думку“. *Бо доки ты борешся, доты грѣха не е.* Грѣхъ починаеся тогды, коли воля перестала боротися. Най укрѣпляе тебе думка, что *все зависить отъ воли*; если я не хочу запаскуднати свою душу — тогды я выйду побѣдоносно изъ сей борьбы. *Non nocet sensus, si deest consensus.* Де не е згоды на грѣхъ, тамъ чувства безгрѣшнѣ. Что есть противъ моей воли або что зробивъ несвѣдомо, за то я не отповѣдаю, то менѣ не грѣхъ.

И то най не беспокоюе тебе, коли видишь, что твоя борьба зъ паскудными думками указуеся безуспѣшною, бо не можешъ ихъ выкинути изъ головы. Часть покусы не означаютъ душевну зосутость, на оборотъ, означаютъ здоровля душѣ, бо и у войнѣ неприятель стараеся завоевати все ту часть крѣпости, котра е найсильнѣйша. Не той мае стыдаться, на кого нападають, але той, кто изъ страху перестаетъ воевати або боязливо поддаеся неприятелю.

Ци такъ, отступнися набокъ, коли иде дорогою бѣснѣй песь! Не звертай уваги на грѣшнѣ желаня и твоѣ думки отвертай на инший предметъ або занятіе. Чому? Зато, чтобы'сь заховавъ Богомъ даровану свою душевну чистоту отъ всякого оскверненя и обезчещеня.

Легитиуйся!

Въ южной Африцѣ живе горстка людей — буры. Свѣтъ довго не знавъ о нихъ. Лишь передъ пару десятилѣтіями зверталося на нихъ вниманіе, коли выбухла война межи бурами и Англією. Сей войны дала причину та обставина, что англичане хотѣли для себе здобыти богатыхъ діамантовыхъ копаельнъ. Буры:

спочатку и не знали, якъ цѣннѣ скарбы ховаються въ ихъ горахъ. Одинъ англійскій подорожникъ зъ удивленьемъ увидѣвъ разъ, что дѣти на дорозѣ бавлятса діамантовыми камѣньчиками. Малочисленный народъ, коли дознався, якъ великѣ скарбы находятса въ его краю, зъ наибольшимъ героизмомъ пустився въ бой за независимость своей отчины, не дивлячися на огромну перевагу Англїѣ.

Таку цѣнность — тысяча разъ большу — носишь и ты сыну мой — въ твоємъ внутрѣ. Лишь то е хйба, что многѣ сего не знаютъ и легкодушно бавлятса въ пороку улицъ. И сколько ихъ запаскудить свою чисту, бѣду душу. И сколько ихъ тратить свой дороцѣнный скарбъ душевный!

Розумный хлопецъ не пускае злодѣя въ хижу. Въ дверяхъ дома поставить сторожа, се есть дисциплинована воля и передъ вступомъ до хижѣ каждого легитимуе. Идучи улицею увидить выставленѣ въ окнѣ образы. Але нагло упаде его поглядѣ на неморальный, паскудный, еротичный образъ. Въ сей минутѣ озвеся сторожъ: Гоппы! Легитимуйся! Ты не маешь права вступити въ мой домъ. И отверне очи своѣ отъ того образа. Такъ маешь легитимовати каждую свою мысль, розговоръ, театральну п'есу и книжку передъ тымъ, якъ бысь пустивъ ихъ въ твою святыню, въ твою душу. Если въ семъ дѣлѣ укажешся совѣстнымъ, тогда не е чого боятися: *ты zostавь чистодушнымъ, героичного духа молодцемъ, хотьбы приходилося тобѣ денно и сто разъ боротися изъ злыми думками.*

Головна рѣчь: *николи не терпи въ твоей головѣ, даже на минуту нечистой думки!* In fuga salus. Утѣкай отъ нихъ! Бо въ сихъ дѣлахъ той е герой и хоробрый, кто утѣкае отъ борьбы.

Ци такъ, коли въ загородѣ прохожуешся и упаде на твою руку огидлива зелена гусельниця, не будеш ей довго придивлятися, але сразу зметеш еѣ зъ руки, бо иншакъ запаскудить тебе. Або коли упаде на твою одежду искра, не будеш спокойно придивлятися, якъ она выпалое все большѣ и большѣ круги, але згасишь въ той минутѣ, бо иншакъ

згорить цѣлое платя. Такъ вымѣтуй изъ головы твоей всѣ сквернѣ думки и задуси всѣ спокусливѣ желанія.

На одну обставину мушу окреме звертати твою увагу, котра не разъ излишно неспокоюе совѣстныхъ хлопцевъ — если они о томъ еще не чули. Въ твоихъ шѣсть—сѣмнадцати рокахъ жита дойде твое тѣло до той степени розвитку, коли твой организмъ — звичайно въ снѣ — выдѣлюе изъ себе даякѣ соки, котра функція связана изъ змысловою роскошью. Се — коли оно не повторяея часто — (тыжднево и больше разъ) не е ани хворотою, ани грѣхомъ, только звичайнымъ знакомъ твоего тѣлесного розвитку, знакомъ твоего полового дозрѣваня. Даже, еслибы оно повторялося и частѣйше, и тогда не творися нимъ, бо въ семъ случаи повстае наслѣдкомъ напряженя нервовъ, бо ты попереднего дня або вымучився наукою, або чось черезъ мѣру зворушило тебе. То явище е природное и независимое отъ тебе, якъ напр. ударъ живчика або дыханя. Сотворитель зарядивъ такъ премудро, чтобы все излишнее въ твоёмъ организмѣ — бо то сѣмя, что зъ тыми соками выйде въ семъ вѣку еще незрѣлое и дѣтя было бы мизерное — оставило твое тѣло.

Але ци та роскошь, что есть связана зъ симъ процесомъ, не е грѣхомъ? Успокоися, ся роскошь не е грѣшна, такъ якъ и самое дѣло, бо ты не хотѣвъ ани сего, ани того. Але будь осторожный, бо оно легко може статися грѣхомъ, если — значить — ты свѣдомо тѣшився грѣху або волею своею згодився на то, або сей процессъ выкликавъ нарочно. Зато, коли ты на то пробудишься, поднеси душу свою къ Господу, помолися, думай на иншу рѣчь и будь спокойный; такъ твоя душа лишилася ненарушеною.

Въ періодѣ дозрѣваня часто приключаея и то, что твой половый органъ хоть коли безъ причины зворушуея. И симъ не творися, бо и се явище есть знакомъ природнымъ; лишь на то уважай, чтобы узкое сподное платя, довгое сиженя, излишнѣ рухи и дотыки, суваня и т. д. штучно не выкланковали такое зворушеня, бо се бы было уже грѣхомъ.

Повторяю еще разъ: все обертаеся доволка воле и доволка *свѣдомой* *згоды*. Въ чоловіцѣ е т. зв. *тѣлесна похоть*, низша воля, котрой душевна, вышша воля не може розказовати. Прим. въ галеріи образовъ увидишь еротичный образъ; тѣлесна похоть заразъ пробудиться, приведе тебе въ зворушеня и понукуе до грѣха. Се еще не е свѣдомое дѣло, се еще не грѣхъ, за то ты еще не отповѣдаешъ. Ровночасно або мало позднѣйше пробудиться твоя свѣдомость и ты утямишь, что туй грозить якась небезпека. Коли ты заразъ отвернешъ твой зоръ отъ того образа и выкинешъ изъ головы и память того грѣшного образа — ты не грѣшивъ. До грѣха все потребуеся — *воля, свѣдомость*.

Зараза неморальности.

Фантазія есть тымъ боевищемъ, де вырѣшаеся битва за чистоту душѣ. Се та сочка, посредствомъ котрой запаалиться перший огонь; слово и учинки суть уже лишь наслѣдками, источникъ котрыхъ вытекае изъ укрытой пещеры думокъ. Кто отже есть паномъ въ своемъ властномъ домѣ, въ царствѣ своихъ думокъ, той буде уважати, чтобы чужѣ люде не знищили его цвѣтникъ.

Бо не забудь, что душевна зараза розширюеся скорше, чимъ холера або чума. А знаешъ, чимъ охороняються противъ сихъ заразливыхъ хворотъ? Чистотою. Де появляеся холера, заразъ другого дня вызвѣшуются оголошеня, чтобы обывательство заховало якъ найбільшу чистоту. Никто не смѣе рукою дотулитися рота, не свободно їсти недозрѣлыхъ овощей, часто треба умывати руки, уважати, чтобы мухи не сѣдали на страву и пр. Таксамо хотѣвъ бы и я въ душу каждого хлопця огненными буквами записати правила охороны чистоты: „Будь осторожный и бережися передъ бактеріями, розширяющими заразу. Они находятся всюды и ихъ здержати тяжше, чимъ орду неприятелевъ и повѣнь рѣки.

— Такъ? Уважати? А вы не знаете, въ якомъ грѣшномъ и неморальномъ свѣтѣ живеме? — звѣдае

неодинъ честный хлопецъ. — Уважати, чтобы захватити душевну чистоту? Коли докола мене пѣннись струя тысяча паскудныхъ покусъ и при каждомъ кроцѣ грозить пожираньемъ чистотѣ моей душѣ?

Зѣ жалею сердца слушаю сѣ обвиненя столь много честныхъ юношъ на нынѣшний свѣтъ и чувствую — сыну мой — что правду маешь; однако и мимо сего не могу отступити отъ моего требованя: *ты маешь остатися чистымъ!* Хотѣбы было еще разъ только покусъ, хотѣбы было еще разъ только нагодъ до грѣха!

— Але если въ кинематографахъ только паскуди, указуютъ! А въ театрахъ только неморальной грязи розстелютъ! А я отвѣчаю тобѣ на се: Кто тебе присилуе подивитися якъ разъ на такъ представляня?

— Але коли только безсоромныхъ плакатовъ кричить на мене зѣ стовповъ оголошень и только безстыдныхъ образовъ изъ выкладовыхъ оконъ? А я скажу тобѣ: Кто ты примуше приглядатися имъ?

— Але коли на улици роеть окружаютъ мене проститутки и тягаютъ въ своѣ норы веморальности? — А кто ты примуше, чтобы ты пуствися зѣ ними въ розмову або ходивъ якъ разъ тыми улицями?

— Але коли моѣ товаришѣ въ повномъ ротѣ только свинства говорятъ менѣ? — А кто ты примуше послухати всѣ тѣ бесѣды и перебивати въ ихъ товариствѣ? Хотъ якое великое е число тыхъ зопсутыхъ хлопцевъ, вѣрь менѣ сыну, что еще большее е число тыхъ невинныхъ юношъ, котрѣ такожъ борются, але ся ихъ боротьба не что ослабляла бы ихъ житьеву силу, але еще убольшае еѣ. Зѣ сими импонующими, идеальными душами заключи приятельство!

Многѣ нарѣкали менѣ: „Сколько лиха причиняе нынѣ ся пробуждаючяся полова похотѣ! Якъ помѣшае моѣ молодѣ роки! Чому пробуждуюся уже такъ рано, коли на супружество еще и думати не можѣ? Чому не въ позднѣйшихъ рокахъ?“ Якъ разумно говорятъ сѣ хлопцѣ! Дѣстно полова похотѣ нынѣ о много скорше пробуждуюся, якъ то изъ правяла мало бы быти. Сему причина, что весь модерный животъ далеко

отклонився отъ природнаго способа житя. Театры и кинематографы, зворушючѣ лектуры, балы и вечеринки, премного сидженя въ запертой мѣстности, мало физической працѣ, сильно приправленѣ стравы въ рознѣженомъ тѣлѣ городского хлопця о много ранше и о много сильнѣйше возбуждять съ похоти, якъ въ физической работѣ здорово утомленого и простѣйшимъ и природнѣйшимъ способомъ живучого сельскаго хлопця. Духовною працею занимающійся городской студентъ до того еще выставленный о много больше кусамъ, чимъ на селѣ бывающій юноша.

Але изъ сего слѣдуе хйба то, что тымъ лѣпше маешь уникати всѣхъ тыхъ нагодъ, котрѣ могли бы дразнити твоѣ похоти и приводити тебе до грѣха.

Твоя лектура.

Уважай на своѣ очи! Не дозволяй имъ подѣ жаднымъ условіемъ позирати такое, что могло бы хотѣ въ наименшой мѣрѣ нарушити чистоту твоего сердца. Не забудь, что ты окруженный ворогами. При каждомъ кроцѣ, на улицы, въ театрѣ, въ кинѣ, въ книжкахъ видишь и чуешь рѣчи, котрѣ носятъ на себѣ бациллы заразы. Зато будь осторожный и обережный у выборѣ твоихъ лектуръ.

Е много книгъ, котрѣ — посмѣхъ и глаумъ моральности. И хотѣ якъ раджу тобѣ, чимъ больше читати, бо се есть основою твоей образованности, але зѣ натискомъ напоминаю тя, николи не бери въ руки таку книжку, котра высмѣвае моральность и проповѣдуе явно або скрыто моральну легкодушность. Книжки такого роду уже подѣ оглядомъ стила суть смѣтьемъ литературы и уже зато не варта на нихъ тратити часу. Слѣдами такой „литературы“ не вырасте культура, але растутъ могилы, а въ нихъ закопанѣ надѣѣ родичовъ и утраченѣ идеалы молодыхъ душъ...

На жалъ межи майстрами стила найдутся такѣ, котрѣ не соромѣются умочити своѣ талантливѣ пера

въ моральну грязь и розбирати „красоту“, „солодо-щѣ“ и „розкоши“ неморального житя. Сѣ тымъ небезпечнѣйшѣ, бо силою пера стягнуть душу читателей въ то bagno, въ котромъ они до шиѣ зануренѣ. Viel Talant und wenig Charakter. — Талантливѣ, але безхарактернѣ. Сѣ слова можно бы написати на ихъ творы, бо хотя они себе держать „повбогами“, въ дѣйствости суть цѣлыми „безрогами“.

Зѣ жалемъ сердца маема констатовати, что велика часть творовъ нынѣшней „модерной“ литературы

не иншое, якъ величаніе злоупживаня любви и заблужденъ полового житя. Еслибы сѣ поэты и романисты мали правду, приходилося бы гордымъ быти не на идеалы и благороднѣ стараня людства, але выключно на своѣ похоти тѣлеснѣ и половѣ желаня, котрѣ въ прочемъ суть тѣ самѣ, якъ у звѣрять!

Будь отже осторожный у выборѣ твоихъ лектуръ. Якъ смутно пише одинъ студентъ: „Спершу глядавъ я тѣлесного насолодженя въ романахъ, потомъ же въ дѣлахъ“. Не наслѣдуй тыхъ хлопцевъ, котрѣ безъ выбору прочитають все, что имъ попаде въ руки. Ци такъ, кто безъ выбору поѣсть все, что лишъ найде — полсуре свой жолудокъ.

Книжки.

Туй думаю въ першой мѣрѣ на Никъ-Картера, Фантому, Нободія, Містеръ Геракла и имъ подобнѣ

детективнѣ романы. Шкода часу на нихъ, бо они лишь зворушуютъ твою фантазію и наповняютъ твою голову всякими безхосенными идеями и порожною романтикою; тогда, коли же тебе сила добрыхъ книгъ, то непростимый грѣхъ и глупость ростратовати часъ на читаня сихъ литературныхъ лаганий.

Але я маю туй на думцѣ особливо тѣ подлѣ, паршицѣ и неморальнѣ писанины, зошиты, журналы, часописы, гумористичнѣ листы и брошюры, что твоѣ товаришѣ онѣ пожираютъ потайки на уккрытыхъ мѣстахъ проченадъ або дома, чигаючи ихъ зъ бючимъ сердцемъ, изъ зворушеною фантазією, изъ котрыхъ книгъ выходить отруйный запахъ намулистого багна. Сѣ лектуры якъ разъ такъ, а може и въ большой мѣрѣ шкодятъ твоему здоровью, якъ коли алкоголь, никотинъ и коффейнъ. Я надѣюся, что ты зъ обуреньемъ откинешь такую книжку, коли ктось изъ твоихъ товаришовъ силуетъ тобѣ прочитати або ознакомльовати хоче тебе зъ еѣ содержаниемъ.

Многѣ интересно мудрують. Прочтають каждую книжку, котра лишь попаде въ ихъ руки, даже и такую, о котрой знаютъ, что нарушуетъ его религійнѣ чувства або моральность. „Але я хочу знати и то, что пишуть люде другого погляду, *се менѣ не може шкодити, я не читаю изъ злого наміреня*“. Я повѣрю тобѣ, что ты сѣ книжки читаешь не изъ злой волѣ, лишь изъ любопытности, але то уже не скажи менѣ, что они не шкодятъ тобѣ. Такъ, якъ и ты не повѣривъ бы, что востану живымъ, если зайду въ патику зъ тымъ, что я теперь покушаю всѣ отровы, але не „изъ злой волѣ“, не зато, чтобы они менѣ пошкодили, лишь хотѣвъ бы скусити ихъ эффектъ. Хотя — могу тобѣ сказати — буквы дакогрой книжки выдыхаютъ изъ себе не разъ горшу отрову, чимъ котрый нибудь найсилнѣйший отруйный газъ.

Най буде твоя чуйна совѣсть все найлѣпшимъ мѣриломъ твоихъ лектуръ. Яку лишь книжку возьмешъ въ руки (хотьбы то была и проголошена превосходнымъ творомъ литературы), якъ *найдеши тамъ мѣста, что нарушуютъ чистоту твоего сердца хоть въ найменшой мѣрѣ, будь натолько сильный*

и пропусти тѣ мѣста; а если такъ мѣста больше разѣ повторялися бы, отложи книжку и не читай дале. Увидишь, не пожалуешь, что держався сего принципа.

Та якѣ книжки читати?

Если ходишь до высшихъ классѣ и уже прочитавъ романы Верна и Карла Мая и довольно познакомився зѣ классичными творами всесвѣтной литературы, при численныхъ творахъ научныхъ и беллетристичныхъ неотмѣнно маешь прочитати пару серіозныхъ книгъ, *которыя занимаються выхованьемъ воли и характера*; але не лишъ прочитати маешь якъ якийсь романъ, но *перестудіювати*, значить читати спокойно по заглавіямъ и раздумуючи и застановляючися надъ поодинокими уступами. Увидишь, что тѣ книжки и тѣ размышленія якъ хосенно будутъ впливати на розвитокъ твоего характера.

Не думай, что сѣ книжки будутъ для тебе легкою лектурою; въ нихъ скрываются глубокѣ думки; але если ты посвятишь читаню тыхъ книжокъ денно 10—15 минутъ, зѣ освѣженною енергією и убольшенною охотою будешь кончити свою каждоденну працю. Было бы дуже краснымъ звичаемъ для тебе, еслибы ты по отконченю твоихъ вечерныхъ молитвъ *прочитай пару строчокъ изъ Евангелій* и тыми думками занимаючися лѣгавъ бы спати. Попробуй лишъ и увидишь, який спокойный буде твой сонъ.

Часописы.

Такожъ и изъ часописовъ выбирай до читаня найлѣпшѣ. Не было бы недостаткомъ для твоего духовного развитку, еслибы ты якъ ученикъ средней школы вообще не читавъ жаднѣ газеты. Але нынѣ уже такъ розширена мода читати газеты, что изподъ сего звичаю и ты не можешь себе выняги. Але и туй будь осторожный!

Великое число газетъ заосновано изъ цѣли чисто матеріальной корысти; стараньемъ издавателевъ газетъ есть приобрѣсти чимъ больше грошей, христи-

янский свѣтоглядъ, мораль — другоряднѣ рѣчи. Оповѣданя, стихи, романы въ сихъ газетахъ, головно же „дробнѣ оголошеня“ и „листованя“ скрыто або зъ безличною отвертостью слявлять и пропагують неморальность. Сыну мой, ты и подъ симъ оглядомъ будешь знати свою повинность. Суть уже — хвала Богу — и добрѣ, христіянскѣ часописы, литературнѣ беллетристичнѣ журналы; будь читателемъ, предплатникомъ и ширителемъ сихъ христіянскихъ газетъ. И коли попаде въ твоѣ руки який инший часопись, будь осторожный, головно относительно оповѣданъ и романовъ въ немъ помѣщенныхъ. Что поможе тебѣ, коли ты лишь тогда хочешь утечи отъ гада, коли онъ тебе уже укусивъ.

Образы.

Будь осторожный и при огляданю образовъ. Образъ, статуя и прочѣ творы художества лишь тогда достойнѣ огляданя, коли они взбуджують въ тебѣ благороднѣ думки. Начимъ они нарушуютъ хоть въ найменшой мѣрѣ твою душу, хотьбы была та и свѣтославна миланска Венера, будешь знати свой обовязокъ и отвернешь очи своѣ набокъ. А что маю сказати о тыхъ „артистичныхъ картахъ“, что ихъ студенты поширюють межи собою подъ прикрывкою „студіованя художества?!“ Они суть въ наибольше случаяхъ еротичными изображеніями.

Стариннѣ греки и римляне часто изображали голѣ людскѣ тѣла, але сѣ не дражняють тѣлеснѣ похоти чоловіка якъ нынѣшнѣ изображеня людскихъ тѣлесъ, бо изъ нихъ яснѣе сила духа, пануюча надъ тѣломъ чоловіка; у тыхъ изображень змысловость притуплена поважнымъ лицемъ статуй; у нихъ голое тѣло носить божественну тварь.

Однакъ можливо, что и сѣ статуѣ зворушать споккой душѣ твоей; тогда и на нихъ не дивися. Але то уже цѣлкомъ певно, что нынѣшнѣ художники изображеньемъ людского тѣла намѣряють въ первой, мѣрѣ взбуджовати чувство змысловости у людей

даже не одинъ „художникъ“ уживае наготу лишь по-
крываломъ своего дилеттантизма.

Дакотрѣ говорятъ: „Тѣло есть творомъ Божиимъ; и такъ не може быти на немъ жадной неприличности и такъ не е причины, чтобы мы его не оглядали“. То правда, что тѣло наше есть превосходнымъ творомъ Сотворителя и въ людскомъ тѣлѣ найдемъ о много больше слѣдовъ чудесной и любящей заботливости Сотворителя, чымъ въ иншихъ творахъ свѣта. *Але не натолько въ людскомъ тѣлѣ находится вина, якъ въ нашей душевной слабости.* Бо изображеня людского тѣла лишь тогда може быти художественное, коли оно не зворуше нашѣ змыслы. Бо лишь тамъ може мати мѣсто эстетичное наслажденя, де не е нарушеня покою душѣ.

Не лишь законы этики, але и эстетики требуютъ, чтобы изображеня голого тѣла служило представленьемъ душевныхъ явищъ, а не отбывалося изза самого себе. Соромъ подумати, что стариннѣ грецкѣ и римскѣ скульпторы поступовали подь симъ оглядомъ о много совѣстнѣйше, чымъ нынѣшнѣ модернѣ художники. Творы античного свѣта не соблазняютъ людей, але нынѣшнѣ „акты“ не иншѣ, якъ нарочнѣ возбуждатель неморальныхъ чувствъ и думокъ.

Та ци свободно позирати такѣ нагѣ образы и статуѣ? Отповѣдь зависить передовсѣмъ отъ твоей температуры. Суть люде, котрѣ супротивъ такихъ рѣчей не суть дуже чутливѣ або черезъ самовыхову досягли уже такой степени холоднокровности, что ихъ змыслы уже не турбуе нагота изображенныхъ оеобъ и они свою увагу годнѣ звертати на выключно художественный способъ изображеня дотычной идеѣ; сѣ можуть безпечно придивлятися такимъ образамъ безъ шкоды своей душѣ. Такимъ людямъ при огляданю наготы не приходять злѣ думки; а якбы всетаки приходили, повиннѣ наразъ перервати огляданя. Суть зновъ такѣ чутливѣ натуры, что ихъ уже и чисто артистичнѣ образы помѣшаютъ, сѣ и такихъ образозъ не повиннѣ позирати.

Суть и такѣ нагѣ изображеня, у котрыхъ нагота оеобъ майже не впадае въ очи, въ такой мѣрѣ запа-

ше на образъ душевный элементъ. Берѣмъ прим. группу Лаокона. Оглядая такого рода артистичныхъ творцовъ суть безопаснѣ, але и туй треба подь увагу брати, якого ты темперамента, бо если и такѣ артистичнѣ творы взбуджують въ тобѣ злѣ мыслѣ — остави ихъ!

Что е отже правило? *Ничого не подивитися, что взбуджуе въ тобѣ злѣ думки.* Изъ другой же части путемъ самовыхованя дойти въ снхъ дѣлахъ до певной холоднокрюности и душевной равноваги.

Театеръ и кино.

На небезпеки театра и кина такожъ маю звертати твою увагу. Театральна критика въ газетахъ, что дають написати по большой части самѣ авторы або директоры театровъ до неба выхваляютъ каждую п'есу такъ, что нынѣ не можъ напередъ знати, ци не будуть за твоѣ дорогѣ грошѣ черезъ двѣ-три години оскорбляти твое моральное чувство. Поважнѣ критики днесь серіозно твердятъ, что нынѣшний театеръ майже ничего спяльного не мае зъ художествомъ.

О семъ и ты можешъ легко убѣдитися. Подивися лишь около себе, въ котромъ театрѣ представляютъ нынѣ творы свѣтославныхъ, талантавыхъ драматурговъ? Нигде, або лишь дуже рѣдко. Вмѣсто того зъ дня на день представляються т. зв. „модернѣ“ п'есы, предметомъ котрыхъ есть выхваленя неморальности, прелюбодѣйства и зведеня дѣвчатъ. Правда, се товпѣ подобаеся и принесе великѣ доходки — се признаеме, але тогда най никто не аргументуе тымъ, *что съ театры розширюють культуру и просвѣту.*

Еслибы можно вѣровати нынѣшняймъ п'есамъ и ихъ писателямъ, то зъ жахомъ треба бы конетатовати, что найвеличавѣйша и найзысша цѣль, что можно прызначити людскому житю: еротичный животь (половое житя) т. е. заспокоеня тѣлесныхъ пристрастей. *Та за се есме на земли? Та однакъ есме изъ зѣрятами?* Тадъ тѣлесна любовь ограничаеся лишь на

пару лѣтъ, розмірно коротку добу людского житя и подь тымъ часомъ есть лишь одною тыхъ важнѣйшихъ рѣчей, что мажъ люде сповняти!

Давнѣйше театръ бывъ школою культуры, куды люде зато ходили, чтобы очистилася отъ своихъ грѣшныхъ пристрастей. Але нынѣ суть то по большой части лишь мѣстамъ завгуры, де еще больше подпаляютъ тѣлеснѣ пристрасти, якъ часто уже афишѣ и крикливѣ оголошеня доказуютъ ихъ неморальну тенденцію.

Cato ст. зъ тою мотивацією противився поставленю постоянного театра въ Римѣ, что се приведе людей до бездѣльности. *Seneca* же отываючися на доспѣды сказавъ: „Для моральности людей ничъ не е больше шкодаивнѣ, якъ нащива театральныхъ представлень. Бо тамъ грѣхи подь покрываломъ насолодженя о много скроще захоплять людей. Коли я выйшовъ изъ театра, чувствовавъ себе больше нахабнымъ, змысловымъ, даже больше немилосерднымъ якъ передь тымъ“. На жаль не маеме жадну причину, чтобы змѣнили сю стрѣгу критику старинныхъ погань относительно нашихъ вынѣшнихъ театровъ.

Очевидно, и въ семъ дѣлѣ не можеме генерализовати, бо суть краѣ и обставины, коли театры суть дѣстно святынями народной культуры и ихъ подпорвати являеся патриотичною и культурною повинностью горожанъ. Але то одно не забывайте наколи, что *поневоленя чистыхъ идей чоловѣчества въ кайданы змысловости* — хотьбы оно отбывалося и посредствомъ художества — *не есть культурою ани художествомъ, але безправнымъ насильствомъ противъ морального поднесеня чоловѣчества.*

Зато не бойся, что въ культурѣ и художествѣ останешся по залу, еси ты совѣстно будешъ выбирати, якъ представляти, якъ книжки читати. Часто уже ихъ титулъ зраджуе, что въ нихъ продавася свинство. А ты такого краму не просишь.

Але, что маешъ робити, коли принадково трафивъ на таку п'есу? Не можъ оставити театръ! Якъ сегодѣстно не можъ зробити безъ выкликания задивованя, замкни очи, доки та сцена отограеся на сценѣ або

на полотнѣ. Если ты послушаешь сей моей порадѣ, охорошишь себе передъ многими излишними покусами.

Танцѣ.

По театрѣ и кинѣ най скажу тобѣ пару словъ и о танцяхъ. Навѣрно думаешь, что я тобѣ танцѣ подѣ вкякимъ оглядомъ забороню. Успокойся, дѣло не стоитъ такъ зле.

То правда, что той безмысленный танечный шаль, что дурѣ въ нынѣшней суспольности, не личитьсѣ поважнымъ, серіознымъ людямя. Много правды е въ томъ, что писавъ *Cicero* въ оборонѣ конзула *Murena*, коли сего обвиняли въ томъ, что онъ публично танцевавъ. „Такое обвиненя на римского конзула не вольно легкомысленно розширивати; який злочинъ зрѣбивъ онъ дотеперь, что смѣють за него такое твердити? Та никто не танцюе, хйба если есть пьяный або дурный“.

Однакъ я не займу такого строгого становища къ танцямъ якъ *Cicero* и не забороняю тобѣ танцевати, хотя крутитсѣ цѣлыми годинами въ запырошеной, задымленои, теплои салѣ не може быти здоровою загурою. Въ своемъ часѣ и на отповѣдномъ мѣстѣ може быти и танецъ честною и дозволенною забавою — для *характерныхъ хлопцевъ*.

Ты може задивовано звѣдаешь: Якъ можѣ сѣ два понятія злучити: танецъ и характеръ? Але якъ разѣ при танцяхъ указуеся выразно, кто е характернымъ

чоловѣкомъ, а кто еъ звычайнымъ роскошникомъ. Нигде такъ ясно, якъ туй. Танецъ еъ поважнымъ проблемъ каменемъ правдивого характера. Каждымъ рукомъ, каждымъ поглядомъ и словомъ зраждуешь, что чувствуешь въ своемъ внутрѣ. Чоловѣкъ слабого характера танецъ выужие на зворушеня своихъ низкихъ пристрастей; характерный молодець и при танци не забываетъ, что онъ есть теперь „рыцаремъ“ дѣвчины, а рыцарь боронити мае свою даму не лишъ передъ нападомъ зъ стороны другихъ, але въ першой мѣртъ передъ своимъ властнымъ всякого роду нерыцарскимъ желаньемъ або думкою своей инстинктивной природы.

Той молодець, котрый охороняе свою танечницу не лишъ отъ холодного вѣтра, але и отъ горячки своей палающей температуры; котрый уважае не лишъ на кроки и ритмъ танця, але и на розмову подчасъ танцевъ, той не мае бояться того, что сховазися на гладкой паркетовой подложѣ, але и того нѣтъ, что его танечна забава скончаеся моральнымъ банкротствомъ. Изъ другой же части молодцѣ слабого характера лишъ на то уважають, чтобы середъ танцевъ не сховазися на подложѣ и не думаютъ на то, что при томъ мали бы уважати, чтобы и ихъ характеръ не сховазнувся.

Можу смѣло твердити, что поведеня хлопцевъ при танцяхъ есть наипевнѣйшою пробою ихъ характерности и ихъ благородного способу думаня.

Изъ другой стороны и то правда, что нѣмецка пословица каже: Beim Tanz geigt der Teufel gerne — до танцевъ вдячно гуде дѣволъ. Значить танецъ означае все моральну небезпеку для душъ молодця. Зато николи не иди въ танечну забаву безъ того, якбы переже короткою молитвою не просивъ Бога о охорону твоей душевной чистоты и невинности.

Одинъ семоклассникъ, прочитавши сей уступъ въ попереднемъ выданю моей книжки, не одобрявъ мое благосклонное къ танцямъ становище и замѣтивъ, что „нынѣшню моду танцевъ безусловно треба осудити, бо сѣ танцѣ не что иншое, якъ свѣдомое побурьозаня тѣлесныхъ похотей“. Излишно и сказати,

что я говорячи о танцяхъ, розумѣвъ такъ танцѣ, котрѣ суть пристойнѣ и приличнѣ. Бо суть танцѣ, котрѣ треба бы немилосердно бойкотовати и перепустити ихъ малпамъ, козамъ и хйба такимъ „людямъ“, котрѣ уже давно переступили демаркаційну линію честного поведєня.

Будь рыдаремъ!

Ця такъ, якъ импонують тобѣ героѣ исторіѣ. Ганрибаль. Вел. Александеръ, Наполеонъ и другѣ. *А всетаки не есть въ исторіи большого героя и славнѣйшого побѣдника, якъ той, кто перемаже свой низкъ тѣлеснѣ похоти и подверже ихъ панованю душѣ.* Изъ другой же стороны для чоловікка, призванного къ духовному житю не е больше понижающого рабства, якъ быти закованымъ и стогнати въ кайданахъ слѣпыхъ тѣлесныхъ пристрастей. Думай на се головно тогды, коли прийдєся тобѣ боротися зъ похотыми и желаньями своего властного тѣла.

Старайся все выявляти супротивъ женщину правдивого рыдарского духа. Але не лишь внѣшно, але и въ способѣ думаня. Якъ Schiller пише:

Wie ein Gebild aus Himmelshöh'n
Sieht er die Jungfrau vor sich steh'n.

(Das Lied von der Glocke).

Якъ на явище изъ высокихъ небесъ, такъ дивить-ся онъ на дѣвичину передъ собою.

Однакъ при семъ не думаю я на тѣ порождѣ комплименты и солодкавѣ нѣжности, что нынѣшнѣ „рыдарѣ улицѣ“ называють рыдарствомъ, але думаю на той рыдарский духъ, котрый пановавъ въ среднемъ вѣку, коли рыдарѣ все готовѣ были сильнымъ мечемъ въ рудѣ боронити права бѣдныхъ и честь женского пола. Той е правдивый рыдаръ, котрый охоронитъ женщину передовсѣмъ передъ своими властными низкыми похотыми и своею легкодушностью. Правдивый рыдаръ въ каждой жонѣ, даже и въ зопсутой видить свою мать або сестру и до нихъ приближаться зъ нечестнымъ намѣреніємъ уважае

само такую подлостью, якбы ктось до его матери або сестры приближався зъ подобными нечестными желаніями. Честуй женщину, якъ честуеме мать-землю, котра кормить и питае насъ; честуй жону, якъ честуеме къвѣтку, котра мае повянути, чтобы могла овочъ дати намъ.

Въ товариствѣ жонъ.

Се твое благородное оузнѣня женского пола мае указатися передсѣствѣ въ товариствѣ жонъ. Теперь еще не глядай нарочно ихъ товариства, але если попадешъ въ ихъ товариство, не будь замѣшанный. Твое благородное понятіе о жонахъ буде для тебе запорукою, что ты и въ ихъ товариствѣ ударишь въ отповѣдный тонъ. Въ словахъ, въ поглядахъ, при забавѣ николи не забудешъ на свой рыцарский обовязокъ и не допустишся ничего такого, чого ты не любивъ бы, еслибы ктось здѣлавъ то твоей властной сестрѣ. И якъ угамишь, что та забава, котру граете, уже не е только завгурою, але може статися нагодю до грѣха (прим. цѣловатися), будь шиковный и переведи забаву на иншое поле.

Вообще уважай, чтобы твой *мужеский характеръ* не змягчили твоѣ родачки, сестрички всякими женскими голубленями и пестощами. Желѣзна воля, прямой хребетъ, благородными идеями наповнена активность — се мають тобѣ импоновати. Въ жилахъ юношѣ мае кружляти тверда кровь, а не лимонада. Не одиять хлопцеъ въ рокахъ переходовыхъ подъ впливомъ якогось сентиментального романа тыжднями занимаеся порожными мрѣями, куе собѣ планы фантастичнѣ и не завважае, что сентиментализмъ уже переходивъ въ змысловость.

Изъ сихъ ясно буде передъ тобою то мое желаня, чтобы хлопцѣ, доки не можуть еще серіозно думати на женитьбу, не дуже нащивляли товариства женщинъ. Бо они наслѣдкомъ того рознѣжкуються. Ихъ характеръ, розвивающийся въ женскомъ товариствѣ,

утратить своѣ мужескѣ черты. Любовь то не забава, а молодѣ лѣта не для легкодушныхъ забавъ... Ближшѣ зносины завязати зъ дѣвчатами лишь тогда е на мѣстѣ, коли уже поважно можешь думати на женитьбу. Всякѣ иншѣ любви — лишь легкомысленна гра зъ честию и приличностю.

Твоя непорочна невѣста.

Передь неоднымъ хибнымъ крокомъ охоронитъ тебе, если въ твоємъ молодомъ вѣку даколи подумаешь на ту невинну дѣвчину, котрой ты по воли Божой присягнешь досмертну вѣрность и котра теперь щиро молиться и старанно уважае на свой бѣлоснѣжный весѣльный вѣлонъ, на свою дѣвичу невинность и въ непорочной чистотѣ чекае своего будущога мужа-рыцаря.

Ты еси тымъ рыцаремъ бѣлой дѣвчины — сыну мой!

Але ци достойный ты сей невинной дѣвчины?

Ци твоя рыцарска одежда чиста и бѣла?

Постать твоей нареченой най мерехтитъ у видѣ ангела хранителя являеся передь твоими очима и най береже твоего наибольшога скарба, душевной чистоты, изъ котрой колись вырасте чаровна квѣтка твоей любви и родинного щастя. Най твое теперѣшнее невинное житя буде нагородою за будущѣ подѣлунки твоей чистой супруги.

Найдѣвнѣйшимъ вѣномъ супружества есть непорочное тѣло и чиста душа *и правдивый мужчина лишь одну жону хоче здобыти, и то свою будущу товаришку житя.*

Знаешь, твое супружеское житя не може быти щастливое, если твое житя передь супружествомъ не было чистое. Але изъ сего зновъ то слѣдус, что лишь тѣ знакомства и ближшѣ зносины зъ дѣвчатами суть честнѣ и дозволенѣ, цѣль котрыхъ е супружество; все иншое лишь легкодушна забава и безхарактерна легкомысленность.

Люби внѣшну чистоту.

До сихъ дотеперѣшнихъ напоминанъ хочу приключить для тебе пару практичныхъ порадъ. Люби и внѣшну чистоту тѣла! Умывайся денно и больше разъ и коли лишъ можешь купайся каждого тыждня. Внѣшний порядокъ есть знакомъ внутренней порядности. Симъ не тверджу, что душа каждого еlegantного хлопця тымъ самымъ уже въ порядку. На жаль — нѣтъ. Але фактомъ е, что душа выбиваеся на внѣ и молодой человекъ зъ кострубатымъ волосемъ,

зъ брудною одежою, невытый и замазанный хлопецъ больше склонный до паскудныхъ думокъ, неморальныхъ бесѣдъ и до подобныхъ учинковъ. Бо внѣшня чистота не разъ являеся залогомъ внутренней чистоты; она побольшае наше стремленя до всего того, что есть чистое и здѣлае человекъ осторожнымъ передъ всякими нечистотами. Интересно, что кто часто купаеся, той легче зостае и душевно чистымъ; якбы чистое тѣло протестовало противъ морального оскверненя душъ.

Ури и воскресни.

Не хочу тебе обманути и скажу тобѣ отверто, что совершенное вышколеня волѣ, чтобы она совер-

шенно повиновалася всѣмъ нашимъ думкамъ — е тяжкою рѣчью. Каждый способъ, что веде до сего, треба витати зъ радостью. Однимъ изъ найуспѣшнѣйшихъ способовъ е: *самоотверженя*.

Самоотверженя? Брр... крикне неодинъ, чуючи сѣ слова. Якое темное середновѣчје! Мы нынѣ переживаеме добу „жизневого розгону“, нынѣ можно говорити хіба о „жизневыхъ радостяхъ“, нынѣ каждый хоче „выжити житя“, а не отказатися, не зречися насолодженъ житя.

Но почекай мало. Что то самоотверженя? Се только средство, стремленя до вытвореня сильной волѣ, чого неотмѣнно потребуеме, если хочеме стати сильными характерами. Самоотверженя е задавленя всякихъ неправныхъ и беспорядныхъ тѣлесныхъ желанъ и похотей. Огже — и се добре зазначи собѣ — самоотверженя не е стоптаньемъ нашей природы, не е насильствомъ противъ природы, ани нашихъ природныхъ слабостей, лишь противъ нашихъ *безрядныхъ и надмѣрныхъ* желаній, котрѣ огрожують нашу жизнь.

Мы всѣ повинѣ всякихъ хибъ и такъ мы всѣ потребуеме самоотверженя. Самоотверженя приведе до самозанованя, а пропавъ той юноша, котрый утративъ надъ собою панованя душѣ и заволодѣли нимъ тѣлеснѣ пристрасти. Самоотверженя дае намъ терпеливость къ собѣ и къ ближнимъ; а безъ сего не даме собѣ рады въ жизни. Самоотверженьемъ дойдеме до перемоги самого себе, безъ чого не е благородныхъ идеаловъ, не е характера, ани культуры, ани цивилизаціѣ, ани поступа....

Всего того можъ досягнути лишь силою, лишь дорогою насилія надъ нашими злыми наклонностями. Одиакожъ се насиліе, что мы называеме самоотверженьемъ не е само для себе цѣлюю, се есть лишь средство, лишь переходовой станъ до побѣды, до радости, чимъ наповняея сердце такимъ способомъ выхованного молодця. Наоборотъ тѣ, котрѣ о „свободномъ заспокоеню похотей“, о „роскошованю житьемъ“ балакають и безхарактерно поддаются своимъ тѣлеснымъ порывамъ, якъ разъ тѣ утратятъ свою

похопливость къ правдивымъ радостямъ и станутъ гробарями своей свободной волѣ, своего характера, своего здоровья такъ, якъ и всей людской культуры.

„Житя треба посиловать“. Дуже красно, але „посильована“ житя не въ томъ стоить, что мы пустиме на свою волю домагаючѣ нашѣ змыслѣ, але радше въ томъ, что мы ихъ сильно держиме въ рукахъ. Якъ вода подѣ огромнымъ натискомъ доходить до неимовѣрной напружной силы и въ гидравличной прессѣ согнаровѣ тягарѣ якъ пѣря поднесе вгору, такъ поднесе вгору натискъ самоотверженя зопсугу нашу природу, падаючу все долу въ напрямѣ къ земли.

Се е значеніе Гетевыхъ словъ: *Stirb und werde!*
Умри и воскресни

Душевнѣ калѣки.

Ци видѣвъ ты уже дѣтей зѣ блѣдымъ лицемъ, изъ згорбленимъ хребтомъ, моги, шия або хребеть котрыхъ скованѣ въ желѣзо и мизерно скривлено волочаться по земли? Они страдаютъ отъ хвороты англійской. Якбы мы мали лампу Аладина и могли бы заглянути въ душѣ людей, нашли бы мы много людей, котрѣ не тѣлесно, но душевно суть хворѣ-калѣки.

Се суть люде, котрыхъ смягчили всестороннѣ выгоды „культурного житя“ и зробило ихъ мягкими въ природѣ чоловѣка гвѣздающее лѣнивство, котрѣ отсрашуются отъ всякого напруженя силы, котрыхъ морозѣ бере, коли чуютъ споминати працю, повинность, самозапанованя або самоотверженя. Сѣ можуть вырости высоко якъ лазиво, можуть быти и ученѣ, але ихъ воля — безѣ котрой ни одного кроку поважного не зробишь въ житю — останеса слабою, мизерною и худокровоною.

— Сыну мой и ты такимъ хочешь остатися?

— Остатися? Та я уже такой?

— Правда, что такой. Ся хворота каждому вроджена, слабость волѣ корениться въ нашей природѣ,

але изъ сей хвороты каждый мае себе выльчати.

Маешь дома молодшого брата, 5—6 рочного братчика? Ану приглядайся его поведеню и увидишь насколько подверженный онъ панованю тѣла. Если твой колачъ, что достали'сте на ужинъ лишь о одинъ сантиметерь довший, якъ плаче, якъ нарѣкае! Якъ не годенъ противлятися своему желаню, якъ не може собѣ розказовати! У него воля слаба, хвора.

Якъ видишь, сильна воля дрѣмае въ природѣ каждого чоловіка, але она такой натуры, что еѣ треба свѣдомою, конзеквентною працею и каждодневною вправою розвинути. А за сю працю возмися еще днесь! Чимъ скорше начнешь, тымъ дѣпше. Якъ ты уже вырось, воля твоя утратитъ свою гнучкость, такъ якъ старое дерево. Ледвы найдеша хлопень, котрый хотѣ въ бы упасти въ грѣхъ. Всетаки, якое огромное число упавшихъ! Что сему причина? Причина въ слабой воли. Оуже, укрѣпляти свою волю уважай своєю найпотребиѣйшою задачою и цѣлью твоей молодости.

Скрѣпленя волѣ.

На полю моральности упадутъ найскорше тѣ, котрѣ своимъ змысловымъ желанямъ ничего не отмовляють и такъ стають играшкою своихъ саѣсныхъ пристрастей. На сю обставину зѣ притискомъ хочу звертати твою увагу. *Призвычаюй свое тѣло до меншихъ самоотвержень!* Пробуй отмовляти собѣ чогось такого, что правда, не е заказано, однакъ для твоихъ змысловъ было бы приемное.

Не часто, лишь такъ въ ряды-годы роби пробу, ци ты еще пануешь надъ собою и попробуй, скажѣмъ, за четверть години не пити воды, коли ты — вернувшись изъ прогулки — майже не омлѣваешь отъ жажды. Коли подають на столъ твою улюбленну страву, прим. печиво, не пожь все, але лиши изъ неѣ дачто; если якась страва „пригорѣла“, спожий еѣ безъ слова. Або коли ты пришовъ изъ школы,

а обѣдъ еще не готовый, не мучи мать, что „заразъ умрешь“, але чекай терпеливо. Коли подають на столъ обѣдъ, не кидайся на него изъ звѣрскою пожертвенностью, але примуси своей жалудокъ до дисциплины. И если увидишь у выкладомъ окнѣ цукрарнѣ смачнѣ печива, знай собѣ розказовати и не вытрачай на неотребиѣ солодошѣ твоѣ дорогѣ грошѣ. А коли умываешься и выковзнеся изъ твоихъ рукъ слизкое мыло, не застися, але засмѣйся и подойми прудко. Коли розорвався шнурокъ въ твоей топанкѣ якъ разъ тогда, коли ты найдѣльше спѣшишь, не кидай топанку до землѣ, але засвищи весело и повяжи шнурокъ терпеливо. Коли идучи до школы, розпали твоѣ книжки, не сердися и не лай, але поспѣваючи въ собѣ якусь веселу мелодію, позбирай спокойно. Коли мотузокъ заузалився, не хапай за ножъ, але старайся терпеливо розвязати узелъ.

И коли вонка краснаго маевого дня весело свѣтитъ сонце, ци годенъ ты спокойно сидѣти при праці своей, вмѣсто того, чтобы выйти бавитися? А коли рано настае часъ встати изъ постели, ци годенъ з а р а зъ весело выскочити изъ постели и не зѣвати и не протяговатися, хоть якъ приманюють теплѣ заголовки? Або коли по прогулкѣ колѣна твоѣ онъ трясуться отъ утомы, и зато туго и зъ выпрощенимъ хребтомъ ступати? Ци знаешь ты быти милымъ и до такого твоего товарища, котрый

тобѣ вообще не симпатичный? И если доставъ якийсь приказъ — хоть якъ не по твоей дяцѣ — заразы и безъ слова повиноватися?

Ци ты довольно слябкий, чтобы ани слова не отповѣсти, коли зъ тобою задираются або тебе прозываютъ? И коли отворяются двери, не позирати у той бокъ, або не отвирати листа заразы, коли ты его одержавъ. А коли тебе ображаютъ, ци годенъ ты покласти на горячку твоего гнѣва студенъ обклады въ формѣ холоднокровныхъ отвѣтовъ? Ци маешь ты доста силы якусь интересну вѣстку хоть лишь одинъ день поддержати въ тайнѣ? Ци въ силѣ ты зробити то, что выкладешь передъ себе два-три банбовы и не поѣшь ихъ хоть якъ мотаеся въ тобѣ жадоба пожерливости? Ци маешь ты доста силы перервати дуже интересну лектуру якъ разъ на томъ мѣстѣ, де она тебе найбільше интересуе? За столомъ подчасъ обѣда, въ школѣ подчасъ преподаваня тихо сидѣти и не киватися? И сидѣти все просто, хоть якъ утомлений? Ци годенъ ты...

Скажешь може; все то дробницѣ... Такъ, се дробницѣ. Але ци знаешь, что великѣ дѣла складаются изъ самыхъ дробницъ и что изъ маленькихъ цеголокъ будутъся въ Нью-Йорку пятьдесятъповерховѣ „хмародеры“? Съ каждодневнѣ маленькѣ перепоны скрѣплять въ тобѣ довѣрїе до себе самого и тогда не будешь такъ легко поддаватися тяжкостямъ, якъ тебе будутъ встрѣчати въ житю. Бо кто зъ побѣдою переомгъ найтяжшого врага, самого себе, той остается паномъ и побѣдникомъ и въ иншихъ житєвыхъ борьбахъ. За такого чоловѣка скажеме: „характерный мужъ“. *Найменшое самоотверженя, чимъ привычаюешь свое тѣло повиноватися лѣпшому розсудку твоей души, есть неотъемнымъ источникомъ энергїи для той добы, коли настане доба тяжкихъ боевъ противъ тѣлесныхъ пристрастей,* якъ коли изъ малыхъ электричныхъ искръ збираеся огромна энергїя аккумуляторовъ. Съ „дробницѣ“ увѣряють тебе о томъ, что душа може перемогти матерїю.

Молодость, проведена въ чистотѣ е высокимъ поднеслымъ идеаломъ. Але до тыхъ высотъ можее дой-

ти только черезъ постоянный поступъ и напряженемъ силъ. Римъ не бывъ выбудованый протягомъ одного дня, такъ и характеръ не е выгрою на лотеріи, котра упаде намъ изъ неба.

Радость изъ побѣды.

Вообще можешь укрѣпляти себе наилучше противъ промаховъ твоего полового инстинкта, если не поборюешь ихъ прямо, але — такъ сказати — бочными дорогами. Значить, не роздумуй богато надъ сими дѣлами, оставъ ихъ мимо уваги, але вмѣсто того розпочни борьбу зъ всякими твоими иншими хибами и улюбленими привычками. Сколько разъ поборешь въ собѣ лѣнивство, наклонность до неточности, сколько разъ примусишь себе до мовчаня, до терпеливости и т. д., только разъ достанешъ до все большой силы и стане твоя воля больше отпорною противъ неоправданыхъ домаганъ твоей змысловой натуры. Кто николи не отказавъ собѣ дозволенного дѣла, отъ того не можъ сподѣватися, что уникати буде дѣла грѣшного. До грѣха не потребуеся напряженя силы, але характерное житя не обойдесе безъ напряженя силы.

Найуспѣшнѣйше тогды будешъ скрѣпляти свою волю противъ половыхъ покусъ, коли будешъ еѣ гартовати на якомъ нибудь иншомъ полю спробами маленькихъ самоотверженъ и отмовленъ. Чимъ частѣйше гартуеме нашу волю, тымъ большу власть одержиме надъ нею и тымъ больша буде наша душевна радость наслѣдкомъ того высшого житя, что выщвѣте въ насъ наслѣдкомъ панованя духа. Кто въ своихъ молодыхъ лѣтахъ знавъ въ малыхъ дѣлахъ, въ дробницяхъ запановати надъ собою. кто годенъ бывъ перемогти въ собѣ любопытность, лѣнивство, обжирство, кто закусивши зубы и зъ поднесенымъ чоломъ годенъ зносити спеку, жажду, зиму, голодъ, кто годенъ мовчати и знае розказовати своимъ очамъ, кто годенъ въ собѣ задусити гнѣвъ и злость, за такого хлопця я не боюся, такой не упаде въ борьбѣ подъ

натискомъ кипячихъ пристрастей тѣла. *Бо кто въ десятомъ роцѣ житія умѣвъ добровольно отречися куса печива, той въ своихъ шѣстьнадесятыхъ рокахъ сильно буде стояти и въ буряхъ змысловыхъ покусъ.*

Правда се буде ему стояти немало борьбы; але и ся борьба мае своѣ радости; хощѣ люблять переганятися, мѣряти своѣ силы зъ другими, котрый изъ нихъ сильнѣйшій. Найлѣпше люблять тѣ забавы, въ котрыхъ указуеся ихъ ловкость и сила. Но, та туй будешь мати нагоду указати свою силу и крѣпку волю, убоольшати и скрѣпляти еѣ. Попробуй поважно выконувати тѣ упражненія, что я тобѣ высше вычистишь. И то не только днешь и завтра, але каждый день и постоянно. Навѣрно будуть тобѣ любитися. Уже сама боротьба и напруженя силъ наповняють тебе радостью; и якимъ щастливымъ будешь тогда, коли запалитися въ сердци твоємъ огонь чувства побѣды всеперемогуchoй енергїи и коли покушаешь ту солодку радость, яка перейме тебе наслѣдкомъ побѣды надъ твоею непсгамованною волею, прихотѣми и надъ докучливими пристрастями твоего тѣла.

И радость изъ побѣды заохочѣ тебе до дальней борьбы. Зато — если боренся противъ закоренѣлой грѣшной привычки — наилучше назначити собѣ коротку добу, скажѣмъ чотыри-пять дней. Но, за такой короткий часъ ачей выдержу безъ грѣха? По пяти дняхъ потомъ увидишь, что выдержавъ... „Боже мой милый, всетаки е въ менѣ якась сила волѣ! Слѣдующий тыждень зновъ выдержу безъ грѣха“. И коли и се удалося, уже маешь за собсю дватыждневу побѣду; и се дастъ тобѣ новой силы до дальней борьбы.

Домородцѣ острова Сендвичъ думаютъ, что сила убитого ворога перейде въ нихъ. Та се натурально неправда. Але то уже истинна правда, что сколько разъ переможешь своѣ тѣлеснѣ похоти, только разъ достанешь нову силу и укрѣпится твоя воля. Кто разъ зазнався той радости, той учѣ сильну навругу енергїи до дальшихъ побѣдъ и чувствуете себе далеко щастливѣйшимъ, якъ той, кто — по примѣру гнучкой тростины — безхарактерно погнаеся подъ каж-

дымъ подувомъ низькихъ тѣлесныхъ желаній и кого зовсѣмъ не боятся тѣлеснѣ похоти. Прочитай лишь сей листъ, что написавъ менѣ одинъ ученикъ сѣмой классы. Яка смутна перша часть листа, така радостна и утѣшаюча друга.

Высокопреподобный Отче!

Пише Вамъ сѣ рядки такой хлопецъ, котрый на громадѣ нещастныхъ упадковъ, на руинахъ пробуждающихся молодыхъ идей, на развалинахъ великихъ плановъ и надѣй складае цеглы, котрый знае плакати горькимъ рыданіемъ... Такой, котрый радо вытерь бы изъ жита своего одну смутну добу... Такой котрый покупався въ ранной своей молодости въ болотѣ неморальности. Такой, котрый ограбленный, замороченый и на жалостный выкрикъ злоганеной души вырвався изъ чортовой корчмы неморальности... Може зато, бо уже не мавъ чимъ платити.

Отче мой.. Сями словами сказавъ я Вамъ то, что еще никому на свѣтѣ другому не сказавъ. Что якъ чорна хмара виситъ надъ моею мивнувшиною и обкидае мене паскуднымъ болотомъ. Моя мивнушина!... много упадковъ, боротьбъ, зновъ упадковъ... наслѣдкомъ одного одинокого хибного крока. Середъ численыхъ колебанъ, на блудныхъ дорогахъ, зъ ворожною тайстрою.. скорше обманутый, якъ грѣшныи...

Вконци найшовъ правильну дорогу... У Вашей книжцѣ: „Чиста молодежь“.

Отче, каждая буква сей книжки еще живо кипитъ въ моемъ сердци. Збудовала она въ моей души сильный замокъ, твердыню необуримыхъ крѣпкихъ постановъ. Погляну Вамъ прямо въ очи и скажу отверто: Отче, я хочу! Я хочу, ради отчины, ради самого себе! Можете, смѣло можете причислити и мене до тыхъ, котрѣ хотять, котрыхъ Вы подняли изъ землѣ.

Кажда буква моего листа най буде знакомъ моей благодарности къ Вамъ. Любевъ бы я постоянно повторяти: Най Господь Богъ благословитъ Васъ, най поблагословитъ Васъ за сел!

Въ знакъ своей вѣчной благодарности пише Вамъ сѣ рядки хлопецъ, котрый хоче поправитися.

Коли я сей листъ прочитаю, пригадаю собою превосходную думку поганскаго философа (Boethius): *Superata tellus sidera donat*. Побѣди землю и въ нагороду достанешь небо.

Не думай, что если тобою треба буде стояти все на сторожи, затроюешь собою жита и что постоянное самоотверженя буде для тебе неприемнымъ тягаремъ на плечахъ. Е то справдѣ тягаремъ, але такимъ, який подойме тебе вгору. И крыла у птицъ суть для нихъ тягаремъ, але еслибы ихъ отрѣзали, ци могли бы они поднятися вгору?

Бо за твою тяжку и свѣдому працю скрѣплена воля одержишь позднѣйше окремѣвшю нагороду. Кто мае слабу волю, кто боязливо мае уважати на каждый крокъ, на каждое свое слово, тому жизнь буде мукою; але черезъ постоянну гимнастику воля дойдешь до того, что твоя воля заразы на перше твое слово буде тобою повинуватися и *противъ всякой нечистой думки и желаня сама отъ себе майже несвѣдомо буде ставитися якъ гранитовый щитъ обороны*. Якъ позѣвки рефлексивно стягаються, коли порохъ улицѣ падае въ твоѣ очи, такъ буде и твоя сильна воля берегти несвѣдомо, якъ невидимый желѣзный панцеръ твой дорогой скарбъ, твою душевну чистоту. И се буде для тебе найкрасшою нагородою за твою планомѣрну працю.

На земли, але не изъ землѣ.

Знаю, что докторый изъ васъ настрашенный думаетъ въ собою: Нынѣ сю красную идею здѣйснити уже не можъ. Не скажу, еслибы ктось цѣлкомъ отдалився отъ свѣта и живъ бы въ горахъ, въ глубинѣ лѣсовъ на способъ пустытника, такъ може ишло бы дѣло. Але сякъ? Жити въ семъ бурливомъ свѣтѣ, до школы ходити и зноситися зъ толькими товарищами (межи котрыми многъ мають цѣлкомъ иншѣ погляды о сихъ дѣлахъ), туй тамъ пойди въ кино, въ театеръ, жити въ крикливомъ гаморѣ улицѣ, стояти у вырѣ великогородскаго жита и не потопитися въ немъ

— кто годень се зроби?
бити?

Дивися сыну, я не хочу тебе послати въ самоту; всетаки скажу тобѣ, что слодѣваюся отъ тебе, что ты послухасшь моей рады. Не отдалися въ горы и лѣсы, бо тамъ ты бивъ бы лишь самогною кветкою Божой милости, але скорше зостань туй межи нами, середь домовъ грѣхами дыхаючихъ, туй середь уличного гамору бурливого жита, але туй погомъ будь пахучою рожою мужеского характера и християнской моральности.

Видишь рожу? Еѣ корѣня въ болотѣ, въ студени, въ темнотѣ, а пелюстки еѣ якъ огонь пурпуровѣ и чистенькѣ якъ роса. Въ болотѣ стонть, однакъ она незаболочена, изъ пороха землѣ зырсаа, але она сама незапорошена. Ходи и ты по земли, але зато твоя душа най не пахне землею; тевлое сонечко твоихъ чистыхъ идеаловъ най розбудить и най розвине въ твоей души рожу непоколебимого чи-

стого характера. Ну же! Хотя стою въ пороху, запорошенный не буду! *Хотя докола мене и цѣлый свѣтъ бывъ бы заволоченый, я встану чистымъ. Еслибы и всѣ жили въ паскуди, я нѣтъ!* Радше урватися, радше пропасти, але отъ благородныхъ моихъ принциповъ не отступити!

„Justum ac tenacem propositi virum
Si fractus illabatur orbis
Impavidum ferient ruinae“.

Такъ любо позираю зимовыми днями на воробья, сидячого на конари. Студеный вѣтеръ свище, въ десять ступеневомъ морозѣ трясется свѣтъ, а ся мала птичка смѣсся изъ метелицъ. Можешь вѣти вѣтре, можешь падати снѣже, — якб'ымъ чувъ еѣ слова — хотьбы и цѣлый свѣтъ змерзъ, я маю у моемъ вугрѣ малый свѣтъ, что огрѣвае мене, огняное мое сердечко; сюды не може ничъ достатися.

Кто не умѣ брехати.

Великою помощью може тобѣ послужити въ твоихъ борьбахъ — пристрагна любовь къ *правдомовности*. Правдомовность е основою и признакомъ характерности, а наоборотъ, якъ слабо стоить честь у того чловѣка, кто бреше. При семъ лишь на то хочу звернути твою увагу, что кто николи не бреше, той о много тяжше достанеся въ болото неморальности. Дорога чистой совѣсти и правды все пряма, проста и ясна; тогда починаеся хитрованя, затаеваня и брехня, коли починають насъ беспокоити грѣшныя думки и ганьблявы дѣла. Кто бреше, той обезчещуе себе, свою душу, свой характеръ и такой не буде боягися осквернити и свое тѣло грѣхомъ нечистоты. Наоборотъ у того, у кого чувство чести збуриться противъ брехнѣ и не стерпитъ еѣ, тому легше буде боротися и противъ тѣлесного обезчещеня. Привычай отже себе до строгой правдомовности, чтобы вѣрили твоимъ словамъ такъ, якъ св. Письму. Выховуй себе зъ такою строгостью, чтобы ты ставъ дѣй-

стно неспособнымъ до брехнѣ. Яка похвала для тебе, коли ты можешь про себе сказати: я такой клопецъ, *котрый не годенъ брехати!* А кто не всилѣ брехати, той не сказиться морально, бо буде вароватися всякого такого дѣла и думки, что мавъ бы скривати передъ людьми.

Въ здоровомъ тѣлѣ здорова душа.

Не забудь скрѣпляти и свое тѣло. Правильное скрѣпленя тѣла добре wpłyває и на твоѣ душевнѣ силы, а наоборотъ, занедбаня виѣшной чистоты тѣла не разъ може быти причиною твоего душевного упадка. Люби каждый родъ спорту, котрый не е небезпечный для твоего здоровья и для тебе легко

достижный. Довгое сидженя спиняе обѣгъ крови. Най буде твоимъ гасломъ: *тѣло свое каждого дня добре змучити.* Старайся каждого дня утомленный лѣгати на сонъ, чтобысь могъ варазь заснути. Бо у многихъ якъ разъ довгое лежаня въ постели стало початкомъ тѣлесного грѣха. Спортъ най буде у теб не средствомъ укрѣпленя твоихъ мускуловъ, не старайся быти атлетомъ, не чтобы перемогти другихъ, але скрѣпись тѣлесно въ томъ переконаню, что здоровля и добре розвиненое тѣло есть далеко

отповѣднѣйшимъ средствомъ до осягненя высокой цѣли душѣ, якъ слабое и хворяковатое тѣло. Сильное, привычаенное до недостатчъ, загартованное молодое тѣло е дуже хосеннымъ охороннымъ средствомъ противъ грѣха розвѣжненя. Отже не изъ той цѣли спортуй, чтобы ты ставъ свѣтославнымъ атлетомъ, але зато, чтобы *твоя воля вповнѣ запановала встѣми удами твоего тѣла.*

Не розпещи свое тѣло мягкимъ и занадто теплымъ одѣяньемъ. Коли вижу такихъ хлопцевъ, котрѣ каждый день подивляться на термометеръ и звѣдують, яка погода, ци буде падати... и бояться мало острѣйшого вѣтра, дождю, сильнѣйшого сонця и уберуться черезъ мѣру тепло — починаю подозрѣвати о ихъ моральной чистотѣ. Загартованное, молодое тѣло больше буде тебе огрѣвати, якъ найдорожша шерстяна бунда; але кто розтрачуе своѣ молодѣ силы въ неморальныхъ дѣлахъ, най не чудуеся, что его нервы, скора, жилы не дѣйствуютъ правильно, что пшкодитъ имъ каждый протягъ вѣтра, что и подѣ бундою трясеса отъ студени и легко стане жертвою всякихъ заразливыхъ хворотъ.

Знаешь изъ кого буде сильный мужъ? Лишь изъ того, кто по словамъ поэта *Горация*:

Multa tulit fecitque puer, sudavit et alsit.

Abstinuit Venere et vino...

Богато онъ перенесъ, довершивъ, спотився и намерзся. Здержався отъ жонъ и вина....

„Передай мечъ твой“ — требовали отъ Шкандербега. *Мечъ* тобѣ передамъ — сказавъ — але моя сила не въ мечи, але въ *рамени* моемъ; ани не въ рамени, але въ *крови*. Въ чистой, неморальностью неоскверненной, здоровой крови.

Най буде твоимъ идеаломъ Bouillon Gottfried, славный крестоносный рыцарь, котрый коли своего врага, турецького фэдзя однимъ одинокимъ махомъ ажъ до сѣдла перетявъ, поднявши руки своѣ закликавъ: „Сѣ руки еще не были запаскудженѣ грѣхомъ нечистоты“.

Зноси болести.

Научися крѣпкодушно зносити тѣлесну и душевну болѣзнь. Не годиться мужескому характеру подѣ тяжкими ударами житя скрегочучи зубами стогнати и бѣдкаться, скорше маеме житъевѣ неприемности выкорыстати для убольшеня нашей душевной силы и для здѣйствиеня ихъ помочью нашихъ душевныхъ идеаловъ. Если тебе зубы болятъ, если ты хворый, або дачто тобѣ не повелося, если тебе постигла якась несправедливость, або незаслужена кара, не трать отваги и не будь смутный. Уже поганский *Епиктетъ* приишовѣ на то, что лишь дорогою самоотверженя и терпѣннѣя дойдеме до чесноты: *Abstine, sustine!* — се было его гасло.

Старайся засягнути у всѣ подѣѣ своего житя активною, чинною силою; если постигне тебе ударъ, если похворѣешь, если ображаютъ, понижаютъ тебе, не огорчися, не закуси зубы, не стисни пясть, але старайся съ невыгоды выкорыстати для себе. Якъ? Твой смутокъ постави у службу выхованя твоей души. Коли тяжкий молотъ ударяе желѣзо, оно тогда уформуеся; коли на тебе падають брутальнѣ удары житя, не терпи подѣ ними зѣ безсильною резигнаціею, але подойми чоло свое и звертай ихъ на укрѣпленя и уформованя твоего характера.

Коли лишь возьмешся за якоесь дѣло, кончи его такъ сопершенно, якъ лишь можешъ. *Age, quod agis!* Коли уже разъ такъ горькое се житя, хотъ лишь не носѣмъ зѣ горкостью его тягарѣ, але зѣ незломною душевною силою!

Не думай, что ты черезъ выкорыстованя выховной силы терпѣннѣя попусуешъ собѣ радостнѣ дны твоихъ молодыхъ лѣтъ. Противно! Здѣлаешъ собѣ на будущее житя сталевый панцеръ.

Научися — головно въ тыхъ твоихъ переходовыхъ лѣтахъ, коли у тебе така уперта природа — уступати передѣ волею старшихъ, хотъ якъ тяжко улало бы тобѣ.

Люби свое тѣло, але не розиѣжнуй его. Думай

про тѣло твое по способу св. *Франца изъ Assisi*, котрый называвъ тѣло свое „братомъ осломъ“. Огъ же братъ, а не ворогъ, товаришь дороги въ житю, цѣнный скорбь, якимъ е осель италійского вандровника. Всетаки остаея „осломъ“, а не паномъ; оно не е сотворено для розказованя, але для послуху. Кто розпещуе свое тѣло, кто его пхае всякою стравною и солодошами, кто ничего не може отказовати тѣлу своему, у того — натурально — тѣло стане паномъ надъ душою. Что бы было, еслибы одного краснаго дня не конѣ были запряженѣ у возы, але кучеры, конѣ же сидѣли бы въ кочахъ? Уважай, чтобы'сь не посадивъ на престоль той матеріальной элементъ, котрый назначеный до послуху и не запряжи въ него свою королевску душу, назначену для панованя.

Здоровый способъ житя.

Розумно зробишь, коли — осколько се зависить отъ тебе — мудро зарядишь свое стравованя. Отъ надмѣрной поживы усилюються твоѣ пристрасти, зновъ мудрою умѣренностью можешь ихъ значно ослабляти. Стравы зъ приправками зворушуютъ твоѣ нервы, а зворушенѣ нервы не дуже радо повинують-ся. Не ѣжь стравъ зъ богато бѣлковинами, такожь чимъ меньше мяса, головно на вечерю. Скорше зеленины, овочѣ або тѣста; головно при вечери будь вздержливый. *Medicus sibi — medicus sibi* — кто е въ ѣдѣ умѣренный, той е добрымъ лѣкаремъ для себе. По вечери не лѣгай заразы спати зъ полнымъ жалудкомъ, почекай двѣ-три години; такожь не учи-ся передъ спаньемъ найменше одну годину.

При вечери и по ней чимъ меньше теци и передъ лѣганьемъ откончи свою малу „потребу“, въ день же въ три шѣсть годичныхъ промежуткахъ. Важна рѣчь, чтобы'сь мавъ каждый день „сголицю“. Людское тѣло подобное печки; треба его тонити, чтобы теплое было. Какаю треба тонити дровни, тѣло стравною. Згорѣлѣ частицѣ оставляють какаю, або якъ чады, або якъ попѣлъ. Такъ и въ нашомъ тѣлѣ по-

встають всякі продукты згореня. Одна менша часть сихъ оставить наше тѣло въ формѣ пота черезъ порушѣ кожѣ (зато треба часто умыватися, купатися), а больша часть лишаеся въ кишкахъ, что потомъ каждого дня (найльпше рано) треба выпорознити, бо они можуть намъ причинити всякое замѣшаня, боль головы, даже и хвороты. Держи и въ семь порядокъ. Если каждого дня точно откончишь выпорозненя твоего желудка, уже много причинився до удержаня твоего здоровья и розвитку твоего тѣла. Неодинъ клопецъ въ семь дѣлъ дуже недбалый, бо никто ему на се не звертавъ увагу.

Въ твоихъ молодыхъ лѣтахъ николи не пий алкоголичныхъ напоевъ! Наибольше неморальныхъ учинковъ зроблено въ станѣ зворушеня нервовъ алкоголичными напитками. Не безъ основы остерегае насъ св. Письмо: „Не напивайтеся виномъ, въ немъ же блудъ“ (Еф. 5, 18). Уже и старинні греки знали, что де е Bacchus, богъ вина, тамъ недалеко е Venus, богиня розпусты. И сколько то молодыхъ людей, котрѣ довгими лѣтами черезъ героичну боротьбу задержали были чистоту своего сердца и тогда утратили еѣ, коли запоморочені алкоголомъ утратили управляючу власть розума надъ тѣломъ. Неодинъ изъ молодыхъ клопцевъ, утративши тверезость ро-

зума, еще той ночи утративъ и чистоту своей душѣ.

Прочитай лишь урывокъ изъ книжки одного нѣмецкаго лѣкаря :

„Въ Фрайбургѣ, де я ходивъ на университетъ, бывъ я на одномъ патріотичномъ торжествѣ. Въ поздней ночи верталися мы зъ однимъ моимъ товарищомъ — правникомъ рука въ руку въ руцѣ дому.

Моѣ думки еще все крутились около подѣй того торжества, але замѣтивъ, что на моемъ товарищѣ починали указоватися слѣды алкогону. Подъ влывомъ на итковъ почавъ онъ цинично говорити о жонахъ. Коли мы прибыли до нашей квартиры, онъ сказавъ: Идѣмъ въ „домъ розпустницъ“. Я рѣшучо отказався и старався и его отвести отъ сего намѣру, але онъ постоявъ на своемъ и пошовъ.

Что сталося зъ нимъ той ночи, о томъ дознався я лишь о десять лѣтъ позднѣйше. Встрѣтився зъ нимъ въ Берлинѣ. По сконченю правничихъ наукъ ставъ онъ прокураторомъ одного банкового дома, оженився и мали они одну мизерну дѣтину. И онъ самъ бывъ хворый душевно-тѣлесно. Мучили его вѣчно докоры совѣсти, что онъ маючи венеричну хвороту, оженився, чимъ здѣлавъ одну молоду дѣвчину, здорову жону нещастливою и дѣтя еѣ стало на вѣки калѣкою наслѣдкомъ неморального грѣха своего отця. Дѣтя отъ своего рожества страдае изъ очной хвороты, найновѣйше же мучить его страшный боль головы. Зъ горькостью розповѣвъ неборакъ, что николи въ житю не допустився неморального учинка, лишь разъ той нещастной ночи. Черезъ много лѣта не чувъ въ собѣ жадну хвороту, думавъ, что цѣлкомъ здоровый, оженився и ось, теперь выбухла та страшна хворота; уже попробовавъ все, ничъ не помогало...

Глубоко тронутый розлучився зъ нимъ — нише лѣкарь. Тогда видѣвъ его послѣдний разъ. Два мѣсяцѣ позднѣйше уже въ гробѣ лежавъ“. (Dr. med. H. Paull).

Будь осторожный, бо чрезмерное плекая твоего тѣла сильно побольшае въ насъ звѣрячѣ похоти. Въ насъ бывающее звѣря достаеся до огромной силы

черезъ разнѣженія и распещенія тѣла. Зато уважай на сѣ правила здороваго жита:

Вечеръ не лѣгай доти, доки не чуешь себе утомленнымъ, а рано встань заразъ, якъ чуешь себе выспаннымъ. Постель твоя найъ буде скорше тверда, чимъ мягка. Чимъ твердѣйша твоя постель, тымъ легше порадишь въ твоимъ непослушнымъ тѣломъ. Надмѣрна тепла и мягка постель е небезпечнымъ будителемъ половыхъ зворушень, якъ и безъ того довольно живѣ. Руки держи все надъ покрываломъ. Старайся спати при отвореномъ окнѣ; свѣжий воздухъ такъ дѣйствуе на легки, якъ чиста вода на тѣло. Пробужденія по спаню въ свѣжомъ воздухѣ о много приятнѣйшее, якъ коли чоловікъ пробудиться въ тепломъ, парномъ и зужитомъ воздухѣ. Спи все на правомъ боку тѣла; а не горѣлицѣ, бо теплый хребетъ дражняе нервову систему, ани на лѣвой сторонѣ тѣла, бо то перешкоджае правильной функціи сердца. *Рано якъ только пробудишся, вставай заразъ изъ постели.* Можу твердити смѣло и оставити певнымъ правиломъ, что той, кто рано по возбужденю еще долго лишаеся въ постели, неотмѣнно упаде въ грѣхъ самооскверненя. Уже поганский *Горацийъ* звѣдае:

Ut iugulent homines, surgunt de nocte latrones;

Ut te ipsum serves, non expergiscaris? (Horat. Ep. 1, 2).

Убийцѣ встають въ ночи, чтобы людей убивати, а ты не могъ бы всгати, чтобы себе спасти.

Чортъ то великий панъ, онъ встае поздно... говоривъ разъ одинъ ораторъ. Коли онъ вырушаеся на свою губительну роботу, прилѣжнѣ люде уже давно працюють; тымъ не може шкодити. Але горе тымъ, котрыхъ застае въ постели; доти ихъ искушае, доти ихъ приманюе, доки не зробить ихъ своими рабами. Кто въ постели лежить, а не спить, той спочивае на подушкахъ діавола. *Otium est pulvinar satanae.* Коли не маешь пильной работы, спи доки можешь, але *якъ пробудився, заразъ выскочи изъ постели!* Се е дуже важное правило, головно у вакаціяхъ, коли не треба тобѣ скоро встати и спѣшити въ школу. И умывайся студеною водою. Не бойся свѣжей воды! Насколько можливо, каждый день кончи коротку гимнастику при отвореномъ окнѣ, потомъ змывай сту-

деною водою цѣлое твое тѣло або бодай верхню часть тѣла и утряся сухимъ ручникомъ. Ся ранна гимнастика и студеное змываня превосходно скрѣпляет твоѣ нервы.

Особливо меркуй — солодкий сыну мой — если изза хвороты черезъ долгий часъ маешь въ постели лежати. Займи себе якимсь легшимъ занятіемъ (молися, читай); не разъ случилось, что дакотрый хлопецъ якъ разъ тогда осквернивъ себе нечистыми думками и дѣлами, коли въ своей хворотѣ наибольше потребу мавъ на помощь Всемогучого.

Николи не дармуй!

Не безъ причины называютъ лѣнивство подушкою діавола. И я мушу тебе зъ натискомъ напомянути, чтобы ты николи не бывъ бездѣльный. Даже у вакаціяхъ.

Коли я блукаючи хожу по горамъ, все зъ дивованьемъ еглядаю огромну працю малыхъ горскихъ поточивъ. Якъ продираея исподъ землѣ, якъ крушить скалу, якъ рые, углубяе свое русло; не має спокою, не має отпочинку. И хотя вытекае изъ болотяной глинны и розбиваея на твердыхъ скалахъ, вода еѣ яка чиста, яка кристальна! Але коли прибуде на широку ровнину, де уже не має „жадной трудности“, тамъ розливаея, злѣнуея и стане изъ чистого, быстрого и веслого поточка брудное, зароснутое багно.

Бездѣльность, непорушность въ природѣ есть знакомъ смерти, а въ моральномъ житю причиною злещеня. Доки молодой чоловікъ серіозною працею ламае, розбивае скалы, стоячѣ на дорозѣ житя, доки неутомимою силою формуе русло рѣчки своей будущности, доти и душа его легше зостае чистою. Але де молода житьева сила вмѣсто поважной дѣяльности постойкуе въ багнѣ нудьги и бездѣльности, тамъ уже недалеко е небезпека морального упадка. *Wer rastet, rostet.* Кто дармуе — заиржавѣе. *Овидій* добре написав: *Venus otia amat* — Венера любить бездѣльность.

Коли покуса стае дуже сильною и боишься, что не будешь годенъ грѣху противитися. и то много поможетъ, если не остаешься въ самотѣ. Выйди изъ комнаты, зачинай розговѣръ съ родичами, зъ братами-сестрами, зъ товаришами, якъ радить тобѣ и латинский стихъ:

Quid facies. si facies Veneris veneris ante?

Non sideas. sed eas, ne pereas per eas.

Что зробишь, коли появишься тобѣ лице Веверы? Не сиди, але ходи, чтобысь не утративъ душу свою.

Млинский камѣнь меле або пшеицю, або якъ не е пшеицѣ, себе самого. Такъ и людска душа себе буде казити, коли не займешъ еѣ отвѣдную працюю.

Головно подчасъ великихъ ваканцій уражай, коли неодному хлопцеви не лишъ кожа спалиться отъ сонця, але и душа стане чорною отъ моральной грязи. Душевное зледзнення у неодного студента начинаеся великими феріями, коли — якъ онъ скаже — „не робивъ ничъ“. Кто „ничъ“ не робить, той починае з ле робити. Дуже добре скаже св. Письмо: „Бездѣльность есть источникомъ много грѣховъ“. (Свр. 33, 29). Особливо небезпечна есть бездѣльность при поголудневисмѣ отпочинку, бо тогда тѣло набересе боольшой силы и стае больше склонною до грѣха; диаволь въ сякий часъ силуе зъ наибольшимъ успѣхомъ

чоловѣкови заказаное яблоко. Житя чоловѣка потребуе посто я нной дѣяльности, захоочуе чоловѣка все дачто робити, а кто ничего не робить, той буде робити грѣхъ. Кто не умѣе себе дачимъ зайяти, того нападуть заѣ думки, изъ думокъ робляться желанія, изъ желаній же грѣшнѣ дѣла, моральный упадокъ и зопсутя. „Робота есть для житя солею, что охороняе чоловѣка передъ гинтьемъ.“ (Томпа). Зато задуси домаганя твоихъ злыхъ пристрастей въ тяжку тѣлесну або умову працю.

Каждый молодой хлопец повиненъ мати якусь пассію, въ чомъ находить свою радость, что займе его излишну душевну силу. Одинъ любитъ збирати рослины, другой занимается фотографованьемъ, третій спортомъ, многѣ находятъ свое уподобаня и приемность въ плеканю голубовъ, въ збираню марокъ и пр.; суть котрѣ плакають музыку, учаться чужимъ языкамъ, помагають родичамъ въ господарствѣ и пр.

У каждого хлопця находиться излишна житьева энергія. Тѣ, котрыхъ захоивъ гонъ свѣта, тѣ розтрачуютъ своѣ силы въ грѣхахъ. Але, котрѣ мудро роздумуютъ, знаютъ, что сей „плаусъ“ не повиннѣ змарнити, бо то можъ перенести на иншое поле и перемѣнити въ хосенну роботу, совершаючу энергію. Чимъ тяжша у тебе борьба изъ злыми похотыми, зъ тымъ большею энергією отдайся роботѣ; розпинаючу твою житьеву энергію утони въ роботу. Сямъ найлучше przygotowавешъ свою красшу будучность.

Люби природу!

Звѣдаю тебе: Любишь природу?

Каждый чоловѣкъ може найти въ красотѣ природы невычерпаему радость и утѣху; але чию душу може наповнити чистѣйшою радостью цвѣтуча роскошь природы, якъ душу молодежи, сего найкрасшого цвѣта яюдского роду? Ци ты радо вдыхаешь здоровый воздухъ зеленыхъ лѣсовъ полными грудьми? Ци любишь лежати на мягкомъ травистомъ полю и дивитися въ лице молодого весняного сонця? Ци лю-

бывъ ты лежати подъ зелеными корчами и слухати веселое щебетаня птицъ? Ци любишь ты занурити своѣ очи въ кристальну глубину морского ока и думати въ собѣ: Така чиста може быти и моя душа. Ци любишь ты спѣвати въ перегоны зъ жартовливымъ швидкимъ вѣтредемъ? Ци радо выдрапаешъ на скалистый вершокъ высокихъ положень и тамъ у веселыхъ пѣсняхъ выслововати щаставѣ мелодіѣ своей радостной душѣ? Ци любишь природу? Ци може радше волочишься по корзѣ и вдыхаешъ въ себе порошистый воздухъ улицъ?

Студентское житя и такъ связано зъ надмѣрнымъ сидженьемъ въ замкненыхъ комнатахъ. Се часто

ослабляючи вливає и на душу. Коли ты маешъ нагоду, чимъ частѣйше вирушай въ свободну природу, въ лѣсы, въ горы! Здоровый хлопецъ не може мати спокою въ долині, коли передъ собою видити високу гору. И самъ могъ есъ пересвѣдчитися, что коли твоѣ легки, сердце, нервы освѣжилися на свободномъ воздухѣ и наука легше иде тобѣ. Ты покрѣпився не лишь тѣлесно, але и душевно, твоѣ душевнѣ енергіѣ стали пружистыми и больше отпорными.

Той хлопецъ, котрый не може брати участь у веселыхъ забавахъ своихъ товаришовъ, але хмураво оттягаеся отъ нихъ въ самоту, най поїде до лѣкаря, бо онъ хворый; або до отця духовного, бо у него

навѣрно душа хвора. Смѣшна рѣчь коли dorosлый чоловікъ поводитися по дѣтвацьки, еще горше, коли молодой хлопцець удае старого и малпуге старшихъ людей.

Тѣ хлопцець, котрѣ зъ голоснымъ смѣхомъ и веселыми пѣснями наповняють тихѣ лѣсы, въ рядахъ котрыхъ зазвенить звонкое хохотаня, суть менѣ далеко милѣйшѣ, чимъ тѣ, котрѣ прохажуються по городѣ або смутно, зъ кваснымъ выразомъ лица сидять дома за окнами, на ихъ душахъ тяжить важкий тягарь змариненыхъ мрѣй и Богъ знае якъ темнѣ думки крутяться въ ихъ головахъ...

Моимъ идеаломъ е здоровый, веселый, силою трѣскаючий, жвавый — але при томъ иѣжночутливой совѣсти студентъ, котрый довѣряе собѣ, але сердце и розумъ у него на мѣстѣ!

Щару гигиеничныхъ перадъ.

Въ Будапештѣ въ 1932 р. была выставка гигиеничной охороны. Была тамъ вывѣшена таблица зъ слѣдующими порадами, составленными лѣкарями Мадъ. Сексуалетичного Товариства. На таблицѣ стояло се:

Правила здержливого житя:

1. Не пѣжь наразъ много. Вечеряй 3 ма годинами ранше, чимъ идешъ спати и пѣжь легкѣ стравы.

2. Не пий алкоголичныхъ наповевъ, много чаю и вильной кавы; не пѣжь сильно приправленѣ стравы и много мяса.

3. Уважай, чтобы каждый день мавѣ столицю, бо запорѣ желудка спиняе циркуляцію крови.

4. Спи въ холодной мѣстности и на твердомъ матрацѣ, лежачи на провомъ боку и покрывайся легкимъ покрываломъ, а не периною.

5. Рано встанѣ изъ постели начимъ пробудишся и не валяйся на постели; убрания твое най не буде ровнѣжсянющее.

6. Умойся каждаго дня до пояса, чтобы твоя кожа каждаго дня освѣжилася. Въ рѣцѣ купатися дуже здоровое; научися плавати. Вечерня купель (въ лѣтной водѣ) причиняе тебѣ спокойный сонъ.

7. Рухайся чимъ ольше, люби природу, спортуй, але денно найменше одну годину звертай на прогулку.

8. Оминай читаня неморальныхъ книгъ, часописовъ и товариство легкодушныхъ людей, ихъ разговоръ, такожъ и мѣста неморальныхъ забавъ и танцевъ.

9. Старайся вытворити въ собѣ и около себе морально чисту атмосферу; знай, что найуспѣшнѣйша оборона — нападь.

10. Старайся найти въ Богомъ особисту связь, читай его св. обявленя, отвори передъ нимъ свое сердце и жий въ свѣдомости его всюдиприсутности.

Можешъ видѣти, что всего того, чого пожадае христіянска мораль въ интересъ спокою твоего житя, требуе такожъ и серіозна лѣкарска наука.

Выбери собѣ духовного отця.

Въ твоихъ половыхъ проблемахъ не звертайся ни коли о порадѣ до твоихъ приятельв. Коли слѣпый веде слѣпого, оба упадутъ въ яму. Якъ може въ такихъ важныхъ справахъ дати поясненя той, кто и самъ стогне подъ тягаремъ подобныхъ проблемъ и своѣ вѣдомости черпае изъ дуже непевныхъ, каламутныхъ источникв и неморальныхъ розговоровъ. Тѣ „опытнѣ“ приятель говорятъ часто про сѣ святѣ и переважнѣ sprawy такимъ уличнымъ тономъ, такъ по лайдацьки, что твоя душа, котра глядае успокоеня, стане еще больше неспокойною, фантазія же наповняея всякими нечистыми, спокусливими воображенями.

Такъжъ не глядай поясненъ на твоѣ сумнѣвы въ лексиконахъ и лѣкарскихъ книгахъ. Книжки, котрѣ

подъ такими назвами появляются на рынку, суть по большой части продуктами „ярмарковой“ литературы, котрѣ мають на цѣли удѣльовати не серіознѣ совѣты, але еще больше роздразнити и такъ доста буйну фантазію молодыхъ людей. Боротьба на томъ полю — якъ было уже не разъ сказано — рѣшае не натолько зная, якъ скорше воля. Може ктось цѣлкомъ докладно знати функціи органовъ людского тѣла и тѣ небезпеки, котрѣ связанѣ зъ половымъ житьемъ, всетаки упаде въ грѣхъ и стане жертвою неморальности, *если не має свѣдомою працею вышколенной сильной воли.*

Однакъ одно раджу тобѣ: не лишайся самъ зъ своими сумнѣваняма! „Горе тому, кто самъ стоить“ — каже св. Письмо — „бо коли онъ упаде, нѣкому его водняти“. (Проп. 4, 10). Але до кого звергаться, коли тебе неспокоюють сумнѣвы? Въ першой мѣрѣ удайся до своихъ родичовъ. Однакъ, еслябы они были дуже занятѣ, або не маешъ отваги або довѣря до нихъ въ такихъ деанкатныхъ дѣлахъ, то звертайся зъ всею щиростью до своего катехита, до якогось священника и отвори передъ нимъ свое сердце. Повторяю, будь до него цѣлкомъ щирый и увидишь, что если лишь розповѣвъ ему свої тяжкости, сякусы, уже успокоилася твоя душа и ты уже одержавъ половину побѣды. Не бойся, что онъ надуживе твоего довѣря, что презрѣе тебе, противно. буде уважати для себе честью, что ты относився къ нему щирымъ довѣремъ. Бо онъ добре знае, что если онъ не розжеке темнѣ хмары надъ твоею душою, ты обернешся до такихъ, въ „поясненю“ котрыхъ не буде подяки. Онъ знае, что ты такъ блукаешъ въ борьбахъ зъ твоими тѣлесными похотыми, якъ якийсь вандровникъ, котрый утративъ дорогу въ темной ночи. Але его жорады, что онъ удѣливъ тобѣ при сей нагодѣ, не розповѣдай никому; памятай, что се зная е твоимъ святымъ скорбомъ, что вынести на денное свѣтло для другихъ было бы передчасное; что ты въ рукахъ маешъ острый ножъ, котрый може тебе уже не може порѣзати, але для другихъ може стати небезиечнымъ.

Изъ дневника одного семиклассника.

Дорогий мой дневнику, такого я на твоихъ сторонахъ еще не писалъ! Але что робитя, коли не могу молчать. Скажу тебѣ отверто: „Я залюбленный“. Такъ. Не чудися, я изъ того не могу.

Знаешь, то такъ было, что тымъ трамваемъ, котрымъ я каждого рано ѣхаю до школы, ѣхае разомъ зъ мною и одна прекрасна дѣвчина. Яка она красна, описати не могу. Але и не можно бы. Она цѣлкомъ помѣшала мене. Отъ того часу спокою не маю.

Не знаю, что зъ мною сталося. Боюся написать, але тебѣ — дорогой мой дневнику — мушу все розповѣсти. Я залюбленный до безтямы. И что больше, моя мамка все то знае.

То было такъ, что я вчера вечеръ записовавъ до дневника. Мамка тихо отворила двери. Я инстинктивнымъ рухомъ хотѣвъ отложить зошитъ. Але заразы и заганьбився и думавъ: передь мамкою я не могу мати жадной тайны.

— Дорогий мой сыну, хотѣла бы дачто зъ тобою поговорити. Чтось тебе беспокоить и ты менѣ о томъ ничъ не скажешь.

— Беспокоить? Откуда думаютъ мамко?

— О. око матери все видить. На вечери ты ледвы дотулился до стравы и весь часъ сильно задуманный сидѣвъ за столомъ. Заразы видѣла, что тебе дачто беспокоить.

И подивилася на мене довгимъ поглядомъ. Я на минуту потрясся. Пригадавъ собѣ, что я на столѣ ливъ мой дневникъ.

— Мамко, они читали мой дневникъ?

— Лишь одно реченя, что найновѣйше было написано. Зошитъ бывъ отвореный.

— Та дарьмо, дѣло такъ стоять. Нѣчто соромѣтися.

— И не соремися. Скорше розкажи менѣ отколи и якъ сталося се?

— Въ послѣднихъ тыдняхъ разомъ ѣхаеме на трамваю до школы. Я до сихъ часовъ ани разъ не

говоришь зъ нею. Лишь крадькомъ поглянувь на ню але коли вотомъ и она поглянула на мене, чувъ чтъ залляла мене якась теплота. Одного разу выпали изъ еѣ рукъ книжки; я прискочивъ подняти. Така гарна была, коли пошептала: „Дякую“.

Одного дня не пришла до школы и я не стрѣтвся зъ нею въ трамвау; чтось менѣ хибило цѣлый день и запаивавъ мною якийсь неприемный настрой. Смѣтается мамко? Може, что смѣшное. Я самъ не дуже безпокоився.. Закралася она въ мое житя, якъ ясный лучъ сонця... Оттогда довго посиджую при книжкахъ и думаю на ню. И понавечерь, коли смеркае. Лишь на ню. Але лишь такъ невыразно, неясно, мрачно... Дуже добре такъ сядѣти и позирати и дивитися въ ничь.. въ потемокъ...

Якось дозналися о томъ и хлопцѣ. Было менѣ! Вчера передъ полуднемъ страшно подтягли мене. „Еге славный морализаторъ, великий „дѣвкофобъ“, теперь самъ упавъ въ сѣть“. Не держу себе якимсь славнымъ донжуаномъ, якъ найдуться межи моими товаришами, але зато не боюся дѣвчатъ. Скажу, дуже подтягли мене. Потому почали менѣ всякѣ свинства говорити о дѣвчатахъ...

Туй мати тревожливо поглянула на мене...

— Не бойтеса мамко, не сталося ничь... Я маю своѣ принципы и я тыхъ держуся. Я имъ свое скававъ...

— Але сыну мой, чому послухавъ ты ихъ бесѣды?

— Мамко, безъ такихъ обойтиса не можъ. Хоть куды иду, всюды всрѣчаеся чоловікъ зъ такими бесѣдами. Не первый разъ чувъ я такѣ бесѣды. Будьте спокойнѣ, хвала Богу душа моя еще чиста. Я остався вашимъ давнымъ незьянымъ сыномъ, хйба — что уже маю шѣстьнадцять лѣтъ. Мамко, вѣруйте менѣ!

— Сыну мой, коли я тобѣ не вѣровала? — и обняла мене. Але цн говоришь ты о семъ дѣлѣ зъ огцемъ духовнымъ?

— Се еще така свѣжа справа.. Еще нѣтъ. Але сими днями пойду до него.

Доста того, что я дальше не выдержавъ и пошовъ до о. духовного. Буде, что буде, я все скажу ему. До теперь еще ничего не затаивъ передъ нимъ, але такъ, якъ теперь еще николи не вступивъ въ его комнату. Але дарьмо, се мусѣвъ зробити.

Спершу говорили мы про се и про то. Наконеци набравъ я отваги и сказавъ ему:

— Отче мой духовный, хотѣвъ бы вамъ дачто сказати.

— Но, Іосифе, думаешь, что не вижу уже давно, что якъ борешься зъ собою? Лишь смѣло вонъ зъ нимъ.

— Отче духовный, хотѣвъ дачто сказати... о ней... Дале не могъ емь продолжати. Тогда онъ зачавъ.

— Ты Іосифе, ци такъ хочешь сказати, что ты залюбленный?

Я сподѣвався сего вопроса, бо привыкъ до того, что о. духовный уже часто уганувъ моѣ думки.

— Лишь най не осудять мене — и туй розповѣвъ ему всю справу зъ моимъ „идеаломъ“. Отче духовный, ци позволяется семоклассникови быти залюбленнымъ? — звѣдавъ я уже зъ рѣшучою отважною и чувъ якъ залляла лице мое горяча кровь. О. духовный подивився на мене — якось больше задумуючи, якъ николи, вмѣсто отвѣта поставивъ менѣ сей вопросъ:

— Іосифе, въ семой классѣ уже не хочешь быти отличный ученикъ?

Я сего не чекавъ.

— Дебы нѣтъ. Але прошу, се е отвѣтъ на мой вопросъ?

— Натурально. О любви — на сколько она е планомъ Бога — учився ты въ Етицѣ. Знаешь, что любовь межи мужомъ и женою е превосходною думкою Сотворителя. Але любовь не може статися забавою. А любовь студентска, то забава. Мрѣяти черезъ години, волочитися на корабъ, стихи ковати, курязовати, за дѣвками бѣгати, а при томъ и учитися, се не иде. Ты не такъ думаешь?

— Знаю, что такъ е, однакъ я не могу изъ того. Отче духовный, я еѣ люблю. Она захопила мое сер-

дце, я тому не виненъ. Та мушу отъ неѣ отлучити-ся? — звѣдавъ я и моѣ тремчучъ уста зрадили, въ моемъ внутрѣ волнуячуса борьбу. Тревожливо чекавъ я отповѣдь на мой вопросъ.

— Но, я сего не скажу. Правда было бы лучше, еслибы цѣлое дѣло не сталося. Але изъ того ты дѣйстно невиненъ, что два дѣвочѣ очи теперь тебе больше интересуютъ, чимъ грецький алфаветь. Видишь, сей романтичный вѣкъ у каждого хлопця скорше ци поздѣйше наступае. Але насколько можешъ, старайся выбити изъ головы; не розорви насилою, лишь поволи старайся забыти; потомъ само отъ себе перестане и беспокойство въ твоей души. Часто встрѣчаются?

— Лишь на трамваю.

— Не пишешъ ей листы?

— Не. Разъ емъ попробовавъ, але самъ чувъ, что дѣло не е въ порядку и оставивъ.

— Годенъ есь такъ спокойно учитися, якъ дотеперь?

— Еще якъ! Даже о много легше заволодѣю своими думками, якъ переже. Якъ налетѣть якась грѣшна думка, теперь о много скорше выжену изъ головы.

— Та добре, сыну мой, най не беспокоить тебе се дѣло и по можности старайся все забыти. Лишь одно пообѣдай: до мене все будешъ щирый и отвертый и если въ положеню дѣлъ настане якась змѣна, отразу поговоришь зъ мною. Доки ты остаешся до мене щирый, доти я за тебе не боюся. Бѣда тогда бы настала, коли бы ты чось такого здѣлавъ, про что думавъ бы: но, сего уже не скажу ани о духовному.

Зъ тронутымъ сердцемъ поглянувъ я на добротливое лице о. духовного и рѣшучо сказавъ :

— Се, отче духовный, николи не буде.

И потиснувъ менѣ руки, а я запомороченый отъ радости сиѣшивъ долу сходами...

Досѣ днешникъ. А я роздумовався, якъ добре, коли хлопцѣ мають добру и розумну матѣрь и коли до своихъ духовныхъ отцевъ относятся зъ щирымъ довѣріемъ...

Два источника обювася жия.

Не забывай, что въ твоихъ борьбахъ за чистоту тѣлесну можемъ послуговатися двома неоцѣняемыми средствами, котрѣ суть: *сповѣдь и св. причастіе*. Не хочу туй широко розписатися о великой выховуючой, скрѣпляючой и охороняючой силѣ и о благодатныхъ наслѣдкахъ сихъ двоухъ превосходныхъ тайнъ, лишь акбивъ бы, еслибы ты про сповѣдь думавъ такъ, якъ про то думати мае дорослый, интеллигентный студентъ. Мала дѣтина боиться воды и не радо мыся, малодушный чоловѣкъ боиться душевной купели. Але относительно тебе сподѣваюся, что ты выкорыстаешъ глубокоюжну выховну силу сей тайны свѣдомо и добровольно, а не примусово. Отравленое тѣло не годно успокоитися, доки не выверже изъ себе отрову; бо если отрова остане въ немъ, тѣло неотмѣнно загибе. Чимъ большѣ у тебе покусы, тымъ частѣйше приступай до сповѣди; и сповѣдайся по возможности все у того самого о. духовника.

Але сповѣдайся широко и — *зъ сильною волею поправитися!* Въ той минутѣ, коли ты розповѣвъ своѣ боротьбы о. духовному, уже зробивъ великий крокъ впередъ на дорозѣ полѣпшеня, бо примусивъ есь свою противляючуся природу ити туды, куды она передъ тымъ не хотѣла ити. Найдешъ ты въ сповѣдалиници отцевску руку, котра вытягне изъ тебе колючое терня, балзамъ, что загоить твоѣ раны, отца найдешъ тамъ, котрый зъ радостью притисне до себе своего блудного сына. Заблудити — людска рѣчь, але признати свое заблужденіе — импонующий мужеский характеръ. Якъ глубоки источники силы отворяются въ твоей души, коли ты клячучи въ сповѣдалиници отворишь свою душу передъ священникомъ. Найтайнѣйшѣ проявы твоихъ пристрастей, шалѣючу бурю тѣлесныхъ похотей, отвертѣ раны твоей души предложишь о. духовному, котрый дотуляеся твоихъ ранъ не только зъ правдивымъ сповчувствомъ, не лишь зъ Христовою лагодностью и опытностью, але такожъ и зъ цѣлючою силою высшой божественной власти. „Туй емь, отче мой, провинився, много разъ

упавъ, се и то пробовать; что маю робити, чтобы укрѣпился въ добромъ? Что маю робити, бо я х о чу поправиться". И тогда выслушаешь слова опытного духовного проводника и якъ отходишь, твое лице яснѣе, якъ поломанъ, якъ роздвяна свѣчка на ялицѣ, глубоко отдынешь, величезный тягарь упавъ тобѣ изъ плечей: хвала Богу отнынѣ могу почати новое житя! И больше не упасти. Нѣтъ! Нѣтъ! Николи!

Кто може знати число тыхъ, котрѣ черезъ сповѣдь и св. причастіе выратовалися изъ найгоршой неволѣ. Дуже любивъ бы я, еслибы ты добре запоматвъ собѣ сю мою пораду: Кто въ своей молодости начне и въ своемъ доросломъ вѣку продолжае, что каждого мѣсяця разъ сѣдомо и радо приступае до св. сповѣди, за того не боюся, что морально скажутся. Може буде и оны блукати и зашпотиться, може и упаде, — але зновъ стане и не останеся на земли лежачий.

Откуда знаю я се?

Прочитай лишъ, якое письмо доставъ я отъ одного студента високой школы:

Высокопреподобный Отче!

Ледвы смѣю взятися за писаня, чтобы написати Вамъ такъ рѣчи, котрѣ я передъ другими не смѣвъ бы выивити за цѣлый свѣтъ. Еслибы вы поглянули въ мою душу, настрашилися бы, видячи яка паскудна, огидлива, брудна она и Вы навѣрно зъ отвращеніемъ отвертали бы свое лице отъ той паскуди, котра тамъ находится.

Передъ трема роками понала въ моѣ руки Ваша книжка: „Чиста молодежь“. Тогда ходивъ я въ VIII. классу. Але чимъ бывъ я? Душевна руина. Въ фантази зъ найпаскудивѣйшими думками, а на души зъ проклятіемъ грѣха онавизма. Але что говорю? Тамъ еще и теперь нахожуся въ болотѣ хотя — хвала Богу — уже дранаюся вонъ изъ багна. Пригадаю собѣ, что при читаню книги болѣла мое душа, докоряла совѣсть и чувъ себе такимъ мизернымъ, якъ якийсь великий грѣшникъ при пробужденю. Але якъ достався я такъ глубоко?

Родичъ мой худобиъ селяне. Я достався въ гимназію, маючи 12 лѣтъ. Бывавъ я по мѣрѣ моихъ скромныхъ матеріальныхъ обставинъ у людей простыхъ и, якъ привычно на такихъ мѣстахъ, дозоръ надо мною стоявъ на слабыхъ ногахъ. Але и дозоръ, най буде хоть який, не дуже выключаетъ, чтобы чоловікъ не зыйшовся зъ такими хлопцями, котрѣ уже по шиѣ въ грѣхахъ и стараються и другихъ затягнути въ багно. Се было и мое нещастя. О, ты нещастный, котрый первый разъ говоривъ менѣ о такихъ дѣлахъ, любивъ бы я тебе сторазъ прокляти, еслибы не бувъ христіяниномъ.

Подчасъ моихъ первыхъ лѣтнихъ ферій упавъ я первый разъ. Спершу дѣло здавалося менѣ интереснымъ и майже не бувъ свѣдомый того, что се грѣхъ. И то было мое нещастя, что не было никого, котрый бы бувъ — видячи мой хмуравый, мутный и понурный поглядъ — напоянувъ мене на грядучу небезпеку. О, вы щастливѣ хлопцѣ, котрѣ маете при собѣ доброго и широкого чоловіка, отца родного, духовника або кого нибудь иного. *Лишь я знаю, что такой чоловікъ мае большую заслугу, якъ той, котрый утопающоюся вытяне изъ воды.*

Але у мене такого не было. Межи простыми людьми мало того, котрый бы мавъ только интеллигенціи и передовсѣмъ на то часу, что въ борьбѣ за „насущный хлѣбъ“, такое замѣтивъ и за такими слѣдивъ. И такъ я, подобно многимъ валился въ пропасть. Въ третьей классѣ мавъ я отличное свидѣтельство. Въ четвертой классѣ въ поврочномъ индексѣ уже три тройки. Впрочемъ сего року я изъ всѣхъ моихъ лекцій приготавливаясь выключно лишь въ школь, въ перервахъ. Але яка была та наука! Цѣлкомъ запановавъ мною тайный грѣхъ и ставъ моимъ злымъ привычаемъ. Теперь дивуюся, який сильный е организмъ молодого тѣла, якъ подумаю, сколько энергій аманивъ я! Шаленство! Если подумаю на то, горько ненавижу себе. И яка безмѣрна е Божа ласка, то лишь я знаю. Чудо въ тѣсномъ смыслѣ слова, что я не знищився цѣлкомъ. Вся моя энергія

зверталася на тѣлесный грѣхъ. Ставь я лѣнивый, безсиальный и утративъ цѣлкою свою волю. Были часы, коли по одной-другой душевной эмоціи рѣшився: дале нѣтъ! Але, коли настала ночь, въ самотѣ мракомъ залягли моѣ добрѣ постановы. А за се зновъ огорчився страшно и уже-уже дойшовъ до того, что вержуся въ обоймы грѣха и больше не думаю на полѣпшеня. Але та *глубока религійность*, что я принесъ зъ собою изъ родительского дому, все спасла мене отъ сей погубной летаргїи.

И якъ плавали моѣ дны? Рако крѣпкѣ постановы, ночами грѣхи, за тыми докоры совѣсти, потомъ смутное „каюся“ — безъ реального успѣха. И если до всѣхъ сихъ додамъ еще ту смутну меланхолю, ничому радоватися не годный душевный станъ, что было основнымъ тономъ моей души, могу смѣло сказати, что я уже на семь свѣтѣ спокуювавъ одну часть моихъ грѣховъ. *О, что не давъ бы я, еслибы моѣ привернути мою чисту, невинну душу!* Болитъ мене сердце, коли подивляюся на моего товарища, котрого еще не порвала зъ собою струя неморальности и въ сихъ минутахъ любивъ бы побичовати мое грѣшное тѣло, котрое стало скарѣднымъ гнѣздомъ грѣха. Теперь уже порозумѣю тыхъ монаховъ, котрѣ катують свое тѣло и еслибы я не бывъ одинокою надѣєю моихъ родичовъ, безъ ваганя вступивъ бы въ найстрогший монастырь, чтобы тамъ покутовати за своѣ величезнѣ грѣхи.

Теперь, коли зновъ прочитавъ Вашу книжку, Отче духовный, достався опять до новой сляги. Надѣюся, что Божя ласка выведе мене изъ сего багна, тымъ больше, что въ семь змаганю послугуюся частою св. сповѣдью. Не могу доста дяковати Богу, что удостоивъ мене народитися въ христ. катол. вѣрѣ и доставъ отъ Бога такихъ побожныхъ родичовъ, котрѣ выховали мене въ богобойности и ся побожность способна была здержати мене отъ глубины пропасти. Хотя было много такихъ нагодъ.

Перепрошаю Васъ — отче духовный — что такъ довго здержовавъ Васъ прочитаньемъ моего листа, але такъ добре было менѣ передъ Вами открыти свою душу. Коли прочитавъ я Вашу книжку, тогда зробивъ я перший крокъ до поправы, и отъ того часу поволи, але постоянно поступаю напередъ. Прошу Васъ, отче духовный, споминайте и мене у Вашихъ молитвахъ, отправленыхъ за тыхъ, котрѣ упали, але жаляють встати и жити въ душевной чистотѣ.

*Благодарный Вашъ сынъ въ Христь:
Одинъ послушачъ университета.*

Сыну мой, коли достаю такой листъ, зъ тронутымъ сердцемъ падаю до креста Спасителя и благаю его за помагаючу ласку для моего въ далекости борющагося молодого хлопця... „Господи дай му силу и вытревалость! Господи, обойми его руками твоими, дай ему крѣпость и щастливу, чисту молодость!“

Зъ нами Богъ!

Св. Терезія хотѣла выбудовати монастырь, але не мала лишъ три геллеры. Сказала: три геллеры и Терезія, то мало. Але три геллеры, Терезія и Господь Богъ — се дуже много. И монастырь бувъ поставлений.

И ты хотѣвъ бы'сь выбудовати въ своей души найкрасшу святыню Бога. Може и попробовавъ не разъ — але не ишло. Я самъ въ собѣ недостаточный. Але моя серіозна воля и помагаюча ласка Божя — ачей доведуть мене до успѣха. Добре скаже стародавна пословиця: *Deo favente navigas vel vimine.* Если Богъ дуе вѣтрила и въ кошарѣ переплавлешъ море. Прийми зато часто, чимъ частѣйше „хлѣбъ ангеловъ“, Иисуса Христа въ св. причастіи. Прийми чимъ частѣйше въ лодку твоей душѣ Спасителя и хоть яка буря лютуе въ тобѣ, звертайся до него о помочь, якъ коли апостолы просили его на морю:

„Господи, спаси насъ, бо погибаемъ!“ (Мт. 8, 25).

Впрочемъ широе религійное чувство есть наибольшою подпорою нашей борьбы за чистоту. Передъ каждымъ поставиться вопросъ: „Та чому бы не свободно менѣ зроби́ти то, что природа только разъ и такъ сильно тре́буе отъ мене. А на сей вопросъ успокоючу отповѣдь може дати лишь той, кто знае и чувствуете, что за симъ свѣтомъ природнымъ слѣдуе и свѣтъ *надприродный*, котрого досягнути есть для човѣка его *найсвяты́йшою цѣлею*.“

Мозартъ года 1781, маючи 25 лѣтъ, сякъ писавъ :

„Природный инстинктъ въ мнѣ правѣ такъ дѣйствуете якъ въ другихъ, а може еще сильнѣйше, якъ въ простомъ човѣцѣ. Однакъ я не могу собѣ поставити примѣромъ житя многихъ моихъ товарищовъ. Бо изъ одной стороны чую себе о много побожнѣйшимъ, е у мене больше чувства чести и о много больше любви къ своимъ ближнимъ, якбы я отважився звести на грѣхъ невинну дѣвчину; из другой же стороны о много лѣпше цѣню свое здоровля, чимъ допустився якогось подозрительного отношеня. Зато смѣвъ бы я и присягнути, что въ цѣломъ моемъ житю не мавъ ани одной слабой минуты“.

Якъ изъ середины круга у всѣ можливѣ стороны ведутъ линіи до округа, такъ постави всѣ проявы твоей душѣ въ напрямѣ къ Богу, котрой есть центромъ цѣлого свѣта. Старайся заключити зъ Христомъ чимъ тѣснѣйшее, чимъ довѣрнѣйшее приятельство. Зъ ширюю, живую любовью звертайся до него у всѣхъ твоихъ справахъ. Особа Иисуса Христа мае быти въ тобѣ не якимсь неяснымъ образомъ историчнымъ, але и нынѣ живучимъ, даже оживляющимъ огромнымъ ествомъ, зъ котрымъ ты поговориши всѣ своѣ sprawy, всѣ своѣ планы, котрому предложиши всѣ своѣ надѣѣ, о котромъ знаешь, что и онъ широко радуеся всѣмъ твоимъ побѣдамъ и котрый в'одно зъ тобою шкодуе твоѣ неудачѣ и упадки.

Въ сихъ рокахъ каждый юноша желе мати якесь идеальное приятельство; изъ сего идеального требованя вытекае и перша любовь молодого човѣка. Если свободно такъ выразитися, будь залюбленный

до Иисуса Христа, от которого благороднѣйшего друга, превосходнѣйшаго идеала, сильнѣйшаго помощника дарьмо глядавъ бы'сь на цѣломъ свѣтѣ. Призвычаю себе до той думки, что Иисусъ Христосъ все и всюды зъ тобою; отъ рана до вечера все коло тебе, ходитъ за тобою на улици, на забавы, до кина; при тобѣ е, коли ты учишься, коли ты въ самотѣ, коли ты въ товариствѣ гуляешь, коли вечеръ лѣгаешь коло тебе сидитъ на постели и позирае на тебе своимъ благимъ поглядомъ и коли заслужишь, хвалить тебе словами: Сыну, ты днесь добре боровся!

Научися такъ молитися, что думаешь на присутность І. Христа. Скажи — сыну мой — звькъ ты порядочно молитися? *Порядочно!* Т. е. каждого рана и вечера и то молитися *добре:* зъ увагою, зъ любовью и зъ отдаанностью? Если квѣтку не поливаешь, высохне; такъ появнуть и цвѣты твоего

морального жия, если не будешь ихъ систематично поливати водою кристального потока твоей молитвы. Въ такихъ молитвахъ чуешь якъ близько стоишь къ вѣчности, въ такихъ молитвахъ ты находишь себе передъ престоломъ Всевышнего, де утихне всяка буря, де утихомориться волнующее море твоей души и указуеся сто разъ легшою борьба твоя за чистоту души. Знаешь, сыну мой такъ молиться? Або лишь знавъ колись, а теперь уже забывъ? Начни зновь! Але не завтра. Еще днесь. Днесь вечерь. А потомъ каждый день.

Безъ помочи религiю въ твоихъ рокахъ жити чисто — майже выключна рѣчь. Кто бы попробовавъ чисто жити безъ религiю, той подобный тому, кто хотѣвъ бы летѣти безъ крыль. Подобно говорить св. *Августинъ: Regnat carnalis cupiditas, ubi non est Dei charitas* Де не е любви къ Богу, тамъ залануе тѣлесна похоть.

Дорогий сыну мой, будутъ часы коли такъ обсыплютъ тебе покусы тѣлесной похоти, якъ пожаръ спустошующий, якъ все поглощающее море; насгануть минуты, коли думаешь, что всяка инша мысль, благородное одушевления и стараня щезли въ тобѣ, лишь звѣрска похоть домагаеся въ тобѣ и глубоко зарые въ твое тѣло своѣ острѣ зубы; ничъ иншое не переведе тебе черезъ сѣ бурлявѣ минуты щастливо, якъ — сильна рука Спасителя.

А потомъ?

До *Филиппа Нирскою* одного разу задыхаючи прибѣгъ одинъ молодой чоловікъ. „Чому радуешся такъ дуже? — звѣдае святой. „Якбы не радовався. Теперь емъ говоривъ изъ моимъ отцемъ и онъ позволивъ, чтобы я бывъ адвокатомъ“. „Отже адвокатомъ будешь“ — сказавъ святой. „Добре. А потомъ?“ „Потомъ буду мати красный заробокъ и буду мати много грошей“. „Добре“ — каже святой. „Будешь мати много грошей“. „А потомъ“ — отвѣ-

чае молодой чоловікъ — „коли буду мати много грошей, буду жити по пански, безъ журъ и проведу свою старость въ роскошномъ житю“. „А потомъ?“ — звѣдае дале святой. „Потомъ...“ — Туй ставъ молодець и тихо продовжавъ: „Потомъ умру“. „А потомъ? Якъ умрешъ — звѣдае святой — „что слѣдуе?“ На се *Franz Spazzara* (се было имя молодця) склонивъ голову и въ его души чтось нагло прояснилось... И потомъ въ цѣломъ своемъ житю не забывъ, что по семь короткомъ житю слѣдуе жия вѣчное и каждый повиненъ колись зраховатися зъ Богомъ, якъ живъ на свѣтъ.

Дорогий мой сыну! Якъ ничъ иншое не може тебе вырвати изъ твоихъ уже давно закоренѣлыхъ грѣховъ, думай на сей преважно серіозный вопросъ: А потомъ? Что буде зъ тобою потомъ? Коли прикликаныи будешъ на раунокъ передъ престолъ Всевышняго. Послухай отже рады старозавѣтного мудрця: „У всѣхъ твоихъ дѣлахъ думай на послѣднѣ рѣчи и николи не будешъ грѣшити“. (Сир. 7, 40).

Сыну мой, хочешъ изъ запаскудженымъ тѣломъ и душою стояти передъ Богомъ въ той страшный день обрахунка?

Ци такъ нѣтъ?

Ци такъ, хочешъ остатися чистымъ молодцемъ душою и тѣломъ?

Ясна душа — блискучѣ очи.

VII.

Ясна душа — блискучь очи.

„Чиста совѣсть — небесное чувство; безъ негъ и королевскій престоль пустыня; зъ нею и мѣсто пропасти нестрашнее“.
(Гр. Сеченій).

Три памятки оставивъ намъ Богъ изъ рая: свѣтло звѣздъ, красоту цвѣтовъ и блескъ невинныхъ дѣточихъ очей. Изъ помежи сихъ трехъ послѣднее найкрасшое. *Бо юнакъ зъ чистымъ сердцемъ — герой.* Дѣйственный герой, борьбу котрого перевышають часто бурь шалѣючихъ битвъ, але лавровъ вѣнцѣ котрого не оскверненъ кровью врага, але озолоченъ соняшною ясностью побѣдоносной людской душѣ. Се ясный соняшный лучъ: ясное свѣтло спокойной совѣсти. Наслѣдкомъ тѣсной связи, находячойся межъ тѣломъ и душою, ясность упорядкованой душѣ выбиваеся и на тѣлѣ и на нашомъ поглядѣ: веселость душѣ запалить искряный огонь людскихъ очей.

Найкрасша побѣда.

Найкрасша побѣда перемогти себе. Въ свѣдомости того уже стариннѣ поганскѣ народы огортали признаньями и великими отличяями тыхъ, котрѣ силою своей волѣ побороли найсильнѣйшѣ своѣ похоти, половѣ инстинкты. Якъ далеко сягають нашѣ письменнѣ памятники, всюды находиме у старинныхъ людей великое оцѣненя непорочного житя. *Cicero* зъ оду-

шеваемъ пише: *Nihil est virtute amabilius* — ничь не е любви достойнѣйшого, якъ честота. Въ Римѣ бывъ поставлений храмъ въ честь богинѣ непорочности (*Pudicitia*) и *Тибулъ* гордо проголошуе: *Casta placent superis* — чистота душевна любиться богамъ. Передъ весталками — въ знакъ великой почести — ишли ликторы, такъ, якъ передъ конзулами и коли случайно засуженый на смерть стрѣтися зъ весталкою, бывъ помилованый. Подобно весталкамъ чествовали *друидовъ* въ Галліи, а въ Египтѣ *жерцевъ Нила*, обохъ якъ разъ изза вдержливого житя. Даже и нынѣ чоловѣкъ, самъ рабъ неморальности, мимоволь чувствуе въ собѣ глубоку почестъ къ тымъ, котрѣ въ борьбѣ за моральну чистоту отнесли побѣду.

Силь моральной чистоты, выходячой изъ юношѣ чистого сердца не може противлятися даже циничный противникъ моральной чистоты. Тадъ не е на свѣтѣ большой цѣнности отъ морально совершенного мужеского характера. Найкрасшимъ дорогоценнымъ каменемъ у вѣнци чоловѣчества есть: молодой чоловѣкъ, котрый себе перемогъ. Онъ е найсильнѣйшою основою громадянства; онъ е залогомъ и блестячою звѣздою лучшей будущности чоловѣчества.

О, яка красна чиста молодежь!

Много говорятъ нынѣ о красотѣ людского тѣла. Правда, что чоловѣкъ есть вѣнцемъ сотворенія, але не такъ черезъ красоту тѣла, якъ скорше черезъ своѣ превосходнѣ духовнѣ способности. Бо чимъ е по правдѣ золотоволоса гарненька головка дѣтины, червенѣ якъ кровь дѣтячѣ уста и румяное личко дѣтины — яка се ничтожность, если подумаеме, что въ непорочномъ людскомъ тѣлѣ поднимается пресвятый храмъ всемогучого Бога и что за сими свѣжими якъ роса очима такихъ людеѣ е поставлений престоль, де бывае самъ Господь Богъ. Давна приновѣдка говоритъ: Очи, то зеркало душѣ. Жадна инша красота людской душѣ не отзеркалюеся зъ большимъ триумфомъ въ людскомъ поглядѣ, якъ чистота сердца на

твари молодця. „Блажені чистіи сердцемъ, якъ тїи Бога узрять“.

Поглянь лишъ на ту житьеву радость, на ту сильну активність, на ту вѣчну веселость, на ту буйну весну, яка вирываея якъ свѣжо розвинутое вѣтрило, якъ райскій гимнъ изъ святыхъ очей. Въ его многонадѣйныхъ молодечихъ рокахъ высвобождаються новѣ силы, затаенѣ енергїѣ розпинаються въ немъ, отъ святыхъ ожиданъ тремтять его душа. Бо въ нарушености збережена и на иншое поле переведена полова сила — меоцѣненный источникъ всякой енергїѣ, яка потребна до могучой творчой працѣ въ житю мужчины. Огнистѣ планы и желаня житьевой силы суть доказами того, что подтверджуе и опытъ премного працюючихъ людей, что полова вздержливість мае якійсь таемничий, добродѣйный впливъ на посиленя нашей духовной дѣяльности. Шипуча весна спѣвае въ немъ пѣсню про красоту, радость и надѣѣ чистого молодого жита и доки другъ — бѣднѣ его товаришѣ — найкрасшу частину своихъ духовныхъ силъ, своѣ мужескѣ силы прогаймовали въ розпустѣ, а теперь знѣвеченѣ на тѣлѣ и души, душевно збитѣ и лишентѣ всякой надѣѣ сумують въ тупой зневѣрѣ, доти его сердце бѣе отъ радости, его ясное око блищать, якъ снїя незабудька изъ небесныхъ засвѣтовъ и сила его розпинаея подъ тягаремъ порыву къ высокимъ, идеальнымъ цѣлямъ. Половое гультайство знищить чоловѣка, вздержливість же полова дае духови и цѣлому организму свѣжость и житьеву силу.

Эъ дикою силою шумить горскій потокъ межи скалами. Еслибы его пустили на свою волю, причинивъ бы страшное спустошеня. Однакъ людскій разумъ погамае его силу, примуше его текти черезъ желѣзнѣ руры до турбинъ — и ось, руйнуюча элементарна сила перемѣняея въ свѣтло электричныхъ лампъ и въ хосенну силу гуркотячихъ машинъ. Такою дикою силою е и половый гонѣ. Коли ты его пустишь на свою волю, зруйнуе онъ въ страшномъ знищеню твой идеализмъ, твою радость въ роботѣ, твое тѣло и душу; але коли ты стиснешь его въ твердѣ сталеви мурѣ самоотверженя до того часу, доки можешь его уживати по Богомъ опредѣленнымъ

планамъ въ супружескомъ житіи, стане онъ благодатною лучистою силою блаженного супружеского жита.

Чистота душевна подае чоловіку побѣдоносниу силу противъ всякихъ низкостей; зато чистота е крѣпкою основою сильного характера. *Кто себе побѣдивъ, того никто другой не може побѣдити.* Героѣ давныхъ христіанъ, мученики были *не случайно* разомъ и чистого жита люде и повнѣ заслужили назву: *Virgo et martyr*. О, хлопцѣ, еслибы вы знали якимъ богатымъ источникомъ е въ ненарушености збережена тѣлесна чистота, дебы кинули вы еѣ отъ себе такъ легкомысленно!

Рабами дальше не будеме!

Молодыхъ захоплюе свобода! Добре. Такъ мае и быти. Але ци е свободнѣйший чоловікъ того, котрый запровадивъ порядокъ въ святыни своей души и охороняе еѣ отъ шкодливыхъ пристрастей. А ци е на свѣтѣ мизернѣйший рабъ того, кого слѣпый порывъ змысловости и неморальности *закочавъ* въ тяжкѣ желѣзнѣ оковы! Тады не той е свободный, кто *можетъ* робити, что хоче, але той, кто *годенъ* зробити, что повиненъ зробити. Кто *годенъ* собѣ розказовати и *годенъ* свой розказъ здѣйснити.

Неморально жити — се свобода? Тогда знаешь, кте мае наибольшу свободу? Стадо свиней въ серединѣ болота.

Сколько хлопцевъ зъ одушевленьемъ декламуе стихи о свободѣ, але правдиву свободу оцѣнити и похопити еѣ смыслъ лишь чоловікъ чистого сердца може, *бо правдива свобода состоитъ въ свободѣ души!*

О, сыну мой, еслибы и ты знавъ такъ уважати на свою душу! Еслибы и ты бывъ побѣдоноснымъ борцемъ за свободу души.

Подержи сю книжку и для дальшихъ лѣтъ твоего жита. На университетѣ, або якъ молодой чоловікъ достанешь посаду и якъ нападутъ на тебе покусы,

читай изъ неѣ. Богато молодець черпало уже изъ сей книжки отвагу, смѣлость и вытрезвалость до борьбы за чистое житя.

Але будь и апостоломъ сихъ прекрасныхъ идей! Дивися сыну, сколько е тыхъ, котрѣ валяются, тонуть въ багнѣ сего грѣха. Може суть такѣ и межи твоими товарищами. О, будь для нихъ ангеломъ хранителемъ. *Передай сю книжску и твоимъ знакомымъ.* Кто знае ци не послужить она для нихъ спасеніемъ. Коли потомъ въ житю будешь видѣти, сколько ширителейъ, агитаторовъ и апостоловъ мае въ службѣ своей неморальность, най запалиться и въ тобѣ святой огонь одушевления и завзята постанова: *Если другъ знаютъ губити душу людскъ, та я попробую ихъ спасти! Если другъ знаютъ казити душу, я попробую ихъ поправити.* Даколи студенты въ семъ оглядѣ больше можуть зроби, чимъ кто нибудь инший. Понеже и ты студентъ, передъ тобою скорше открыесе сердце другихъ студентовъ. Коли онъ заче передъ тобою говорити неморальнѣ дѣла, ты повиненъ его рѣшучимъ и поважнымъ словомъ напоянути; може, что симъ спасешъ его отъ першого упадка. И ци може быти для тебе больша радость, если ты вечеромъ лѣгаючи на сонъ зъ благодарнымъ сердцемъ подякуешъ Богу: „Дякую Господи, что я днесь одну душу спасъ отъ погибели“. Промови до нихъ зъ теплымъ сердцемъ, але головно примѣромъ твоего чистого житя.

Воля, сила и побѣда.

Невинный поглядъ дѣтины зъ выразомъ душевной переваги и свободы надае очамъ дѣтины таку чаровну силу, что наибольшѣ художники, хотячи изобразити ангеловъ — значить красоту надприродну — малюють дѣточѣ твари. Сей усмѣхъ на твари дѣтины — роса на цвѣтѣ чоловѣчества. На твари молодця, чистого сердца и невинного житя выбиваеся ся небесна красота. Уже *Платонъ* такъ пише: „Что потребуеся, чтобы увидѣти Бога? Чистота и смерть“. Такъ

красно не усмѣвается безхмарное небо, не блищать такъ красно звѣзды въ темной ночи, не яскриться такъ перлина ранной росы, не е такую чистою кристалльна вода горскихъ поточинъ, хйба поглядъ небесныхъ ангеловъ бывъ бы такий красный, еслибы они воплотилися. Изъ тыхъ очей позирае на насъ ангелска душа, одѣта въ небеснѣ цвѣты; веселость земнымъ порохомъ незапаскуженной чистой душѣ яснѣе въ святой непорочности. И уже коли ся природна и несвѣдома невинность така красна и отблескъ душевной чистоты на твари дѣтины такъ превосходно вражае на насъ, то якимъ краснымъ мае бити лице юнака, котрый здобывъ собѣ сю чесноту въ тяжкихъ мужескихъ борьбахъ. Извѣстнѣ суть поважнѣ слова Гете: „Grosse Gedanken und ein reines Herz, das ist's, was wir uns von Gott erbitten sollten“. — Великѣ думки и чистое сердце, се то, что мы повиннѣ отъ Бога просити. Лишь чистое жита може здѣлати гармонію межи высшими и низькими чувствами чоловіка. Чистое жита е найдорожшимъ скарбомъ чоловіка, основою непорочного жита, искрою небесною и признакомъ подобія чоловіка на Бога.

Будь вѣрный!

И то може бити — сыну мой — что, коли ты вертасешся назадъ изъ твоего блудного жита, нападутъ на тебе образы твоего пережнего грѣшного жита. Все одно! Если ты разъ уже найшовъ Бога, не остави его больше! Если ты разъ уже пробудився изъ страшного сна, меркуй, чтобы зновъ не заспавъ. Прочитай лишь сей листъ, что менѣ заславъ одинъ молодой воякъ, котрый по довгомъ блуканю вернувся къ Богу:

„... все глубше и глубше упавъ. На конци достався въ больницу; але се не было доста; достався еще разъ въ больницу. И третий разъ. Тогда сказавъ: Най буде конецъ! Се буде послѣдний разъ.

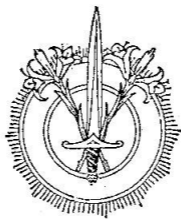
Якъ выйшовъ изъ больницѣ, перша моя дорога ве-

	стор.
Образы	138
Театеръ и кино	140
Танцѣ	142
Будь рыцаремъ!	144
Въ товариствѣ жонъ	145
Твоя непорочна невинста	146
Люби внѣшну чистоту	147
Умри и воскресни!	147
Душевиѣ калѣки	149
Скрѣпленя воля	150
Радость изъ побѣды	153
На земли, але не изъ землѣ	156
Кто не умѣ брехати	158
Въ здоровомъ тѣлѣ здорова душа	159
Зноси болести	161
Здоровый способъ жия	162
Николи не дармуй!	166
Люби природу!	168
Пару гигиеничныхъ порады	170
Выбери собѣ духовного отца	171
Изъ дневника одного семоклассника	173
Два источника обновленя жия	177
Зъ нами Боги!	181
А потомъ?	184

VII. Ясна душа — блискучѣ очи.

Найкрасша побѣда	189
О, яка красна чиста молодежь!	190
Рабами дальше не будеме!	192
Воля, сила и побѣда	193
Будь вѣрный!	194
Ци такъ, что такъ буде	196
Нова генерація	198
Свята воля	199

Цена 5-00

Щеп. 5-00:

ПЕЧАТНЯ ОО. ВАСИЛИЯНЪ,
ВЪ УНГВАРЪ, УЛ. РАК. 46.